

Досье Лорда Эль-Меллоя II

Том 3

[Дело о башнях-близнецах Изельма (часть вторая)]

Автор:

Санда Макото

Иллюстрации:

Сакамото Минедзи

Перевод с английского:

Glass Moon

Перевод с японского:

TwilightsCall

スヴィン・グラシユエート

フラット・エスカルドス

カリーナ

レジーナ

蒼崎橙子

マイオ・ブリシサン・クライネルス

イスロー・セブナン

アトラム・ガリアスタ

Characters

Lord El-Melloi III Case Files

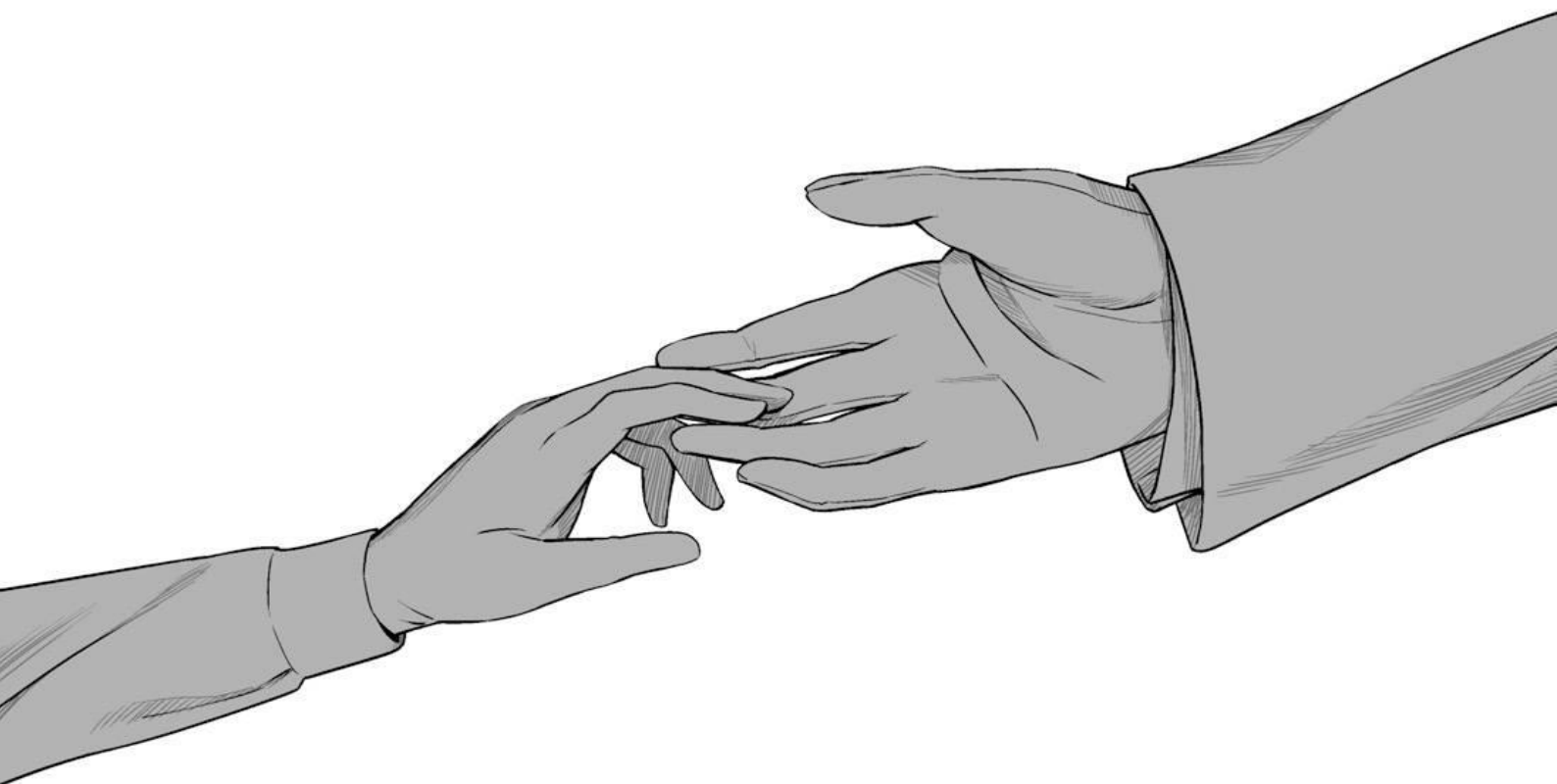

青ざめた死よ
「Pallida mors」

それが、少年の呪文だったか。

ざあ、とスヴィンの髪がざわついた。あたかも髪自体が別の生き物と化したかのように蠢いたのである。

◆ 序章 ◆

Пролог

— Думаешь, люди могут расти?

Он спросил это так, будто читал молитву.

На первый взгляд могло показаться, что эта мысль была надменной – что обычному человеку никогда не стать чем-то большим, чем он есть на самом деле. В то время как большинство извлекло бы из этих слов именно такой смысл, в данном случае они были произнесены с незамутнённой искренностью, словно раскрывая сокровенное, не запятнанное ложью желание.

Учитывая место, где эти слова прозвучали, в этом мог быть смысл.

Здесь, в этой старой заброшенной церкви, под пристальным взором почерневшего от времени образа Девы Марии. На самом деле изваяние не было таким уж внушительным, чтобы называться статуей Девы Марии, но местные, по крайней мере, считали её таковой.

И вот, он спросил:

— Я учился день ото дня и стал хорош в вычислениях. Я запоминал историю. Разумеется, в этом отношении рост вполне возможен. Даже если взять моих учеников, то многие из них, услышав от меня какой-нибудь простой совет, смогли достичь значительных высот. Но... если мы говорим о самой сущности человека, то может ли это в самом деле считаться ростом?

Настоящая цель вопроса лежала в самой его сути – начале его собственной жизни.

Да. В каком-то смысле, может быть, это было невозможно. В конце концов, учитывая всех, кто меня окружал, я не могла выделить никого, кто своим примером ответил бы на этот вопрос. Среди них я была особенной с самого начала; как к особенной ко мне и относились, выделяя среди прочих. Из-за этого единственным «человеком», с которым я могла поговорить, была личность, дарованная одному Тайному знаку.

Пребывая на этих излишне обширных церковных владениях, я только и делала, что сжималась в страхе. Чувствуя груз всеобщих ожиданий на своих плечах, я могла лишь пытаться избегать их взглядов, ничего при этом не делая.

Почему так сложилось, что этот мир такой бесцветный?

Эта мысль никогда не покидала моей головы.

Нет, я понимала, что проблема заключалась не в самом мире. Из-за того, что мой взгляд был всегда затуманен, я была заточена в мире чёрного и белого.

Пепельном.

Мрачном.

Расплывчатом и неоднозначном.

Сером, как и я.

Как бы далеко я ни бежала, я понимала, что это было природой моего существования. В сравнении с этим насколько искреннее были те, кто уже лежали погребённые глубоко под землёй? Избавленные от лжи, не отягощённые тщеславием и амбициями. По-настоящему свободные во всех аспектах. Сказать, что мы различались, словно небо и земля, – значит ничего не сказать.

Когда наконец появился этот человек, я уже отчаялась. Устала отчаиваться, измождённая своей постоянной дрожью от страха.

Я помню, что в тот день он курил сигару, как и всегда.

Его угольно-чёрный костюм был озарён светом, падающим сквозь витражное окно. Несмотря на то, что лицо, сокрытое в образовавшейся тени, несомненно, принадлежало взрослому, мне показалось, что где-то под этой жёсткой маской ещё можно было различить ребёнка.

— Но... — повысила я голос, — разве Вы не самая выдающаяся личность в Часовой башне?

Учитывая, кем я тогда была, подобные слова были для меня редкостью – слова, говорившие о попытке постичь чужое положение. Но поскольку передо мной стоял именно он, то я испытывала необходимость спросить. Даже если это означало немного отклониться от того, как я привыкла относиться ко всем и вся, мне хотелось узнать его.

Он с неохотой ответил:

— Верно... Я считаюсь таковым вот уже более девяти лет.

Его голос был полон сожаления, словно это достижение принадлежало кому-то другому.

Со звуком, похожим на скрип старых ржавых шестерней, он открыл ладони и сцепил вместе пальцы, затянутые в чёрную кожу перчаток.

— Я научился пользоваться магией лучше, чем прежде. Освоил скучные навыки плетения интриг и ведения переговоров. Даже мои достижения в магии стали в какой-то степени значительными. Но... в чём смысл всего этого?

Время, вероятно, целиком потраченное на отчаянный, бешеный подъём. Даже я могла посочувствовать ему.

Несомненно, это можно было сравнить с каждодневным размалыванием своих плоти и костей. Я была не очень-то умна и мало знала о Часовой башне, из которой он прибыл, но могла чётко представить себе напряжённое обучение и суровую дисциплину, которые, должно быть, требовались для достижения тех высот, где он сейчас находился.

Но теперь он всё это отвергал.

— Давным-давно я участвовал в одной битве на Дальнем Востоке...

Я была не в силах поспеть за столь внезапной сменой темы разговора, но он, не обращая на меня внимания, продолжил:

— В той битве участвовало множество Героических душ и их Мастеров. Разумеется, Героические души были несравненно могущественными существами, но даже Мастера все, как один, являлись лучшими из лучших, профессиональными убийцами, сравниться с которыми я не в состоянии даже теперь. Если спросишь, каким образом я, будучи тогда ещё более неопытным, чем сейчас, умудрился выйти из той битвы живым, то я отвечу, что мне просто повезло. Другого ответа я найти не могу. Из-за полного отсутствия каких-либо способностей я избегал внимания всех остальных. Да, если бы там был я нынешний, то меня бы, вероятно, сразу бы заметили и убили.

Он сказал «вероятно», но в его голосе чувствовалась тяжесть сотен, тысяч тех моментов, когда он воспроизводил эту битву в своей голове как-то иначе. И в скольких из этих различных вариантов он видел свою смерть?

В прохладном воздухе церкви вновь раздался его голос:

— В таком случае означает ли, что тот, кем я был тогда, на самом деле лучше, чем тот, кем я являюсь сейчас?

— Как Вы и сказали, думаю, это вопрос везения... — пробормотала я, поделившись своими мыслями. Мне казалось, эти слова требовали возражения...

Но.

— Да, именно так. Но можно ли считать, что тот, кто выжил лишь по воле удачи и совпадений, действительно вырос?

Он вновь вернулся к изначальному вопросу.

Не то, чтобы он привёл нас обратно к тому, с чего мы начали. Мы, скорее, просто не сходили с этого пути. Не то, чтобы он был особо красноречив. Просто его простая откровенность заставляла его проталкивать этот вопрос всё дальше вперёд. Просто такой уж он был человек.

Его манера была настолько серьёзной, что невольно хотелось горько усмехнуться.

Впрочем, я едва ли была уверена в том, что кто-то другой смог бы всерьёз воспринять то, что он говорил.

— Путь, что мы избираем, когда наша жизнь оказывается на пересечении дорог, всегда определяется мельчайшими совпадениями, поворотами судьбы, которых даже не заметишь. Если дело в этом, то можно ли действительно сказать, что люди растут? Даже будучи ребёнком, любой может поддаться желанию просто тихо следовать за кем-то более великим... кем-то, кто уже таким родился, королём. Разве нет?

Он говорил так, словно уже смирился с тем, что так был устроен мир, но при этом будто карал кого-то, кто воспринял это как факт.

Кто же это мог быть?

Словно взирая в самую пучину ада, он продолжил свою гневную речь:

— Я нисколько не вырос. С тех пор ничего не изменилось. Я ни на дюйм не приблизился к становлению тем человеком, которым я хочу быть.

Эти слова сочились кровью.

Раны на его душе совсем не затянулись, и даже теперь из них струился яркий багрянец. Или, скорее, он словно сам погружал в эти раны свои ногти, намеренно не давая им закрыться. Будто пульсирующая боль в его сердце служила напоминанием о том порыве, который вывел его на этот путь.

— Я... хочу измениться.

Ему, вероятно, было где-то около тридцати.

В таком возрасте кто-нибудь из его коллег, несомненно, посмотрел бы на его успехи с недоумением и спросил: «Зачем тебе вообще меняться?» Но это его стремление не было каким-нибудь желанием нового яркого будущего. Оно даже рядом не стояло с извечными амбициями гения, который уже достиг звёзд.

«Отвратительно...»

Именно такая мысль вспыхнула в моей голове.

Это было знакомое мне чувство. Словно скопление грязи под кожей.

«Ах...»

И тогда я поняла.

Люди из моего родного городка всегда говорили мне, что я должна меняться. Должна вскармливать редкий дар, которым я обладала. Что нежелание развиваться при наличии способности само по себе есть грех, который не так-то просто простить.

С другой стороны, если верить книгам, которые достигли даже наших сельских глубин страны, ты должен принимать себя именно таким, какой ты есть. Безответственные слова, говорящие тебе принять нелепые и жалкие части самого себя, с которыми даже мне было нелегко согласиться.

Но ничего из этого не было похоже на него.

Можно было не видеть глубокие складки между его бровями, или тонкую ниточку, в которую превратились его сжатые губы. Его слова и без этого были предельно ясными. Отказ от этого простого, лёгкого способа измениться. Отказ от этого ленивого нежелания меняться.

— Даже так... нет, именно поэтому мне нужна твоя помощь, — произнёс он. — Это целиком и полностью мой эгоизм. Я не гарантирую, что смогу дать тебе достойное будущее или компенсацию. Я, скорее, просто подвергну тебя опасности. И я не настолько высокомерен, чтобы сказать, что смогу тебя защитить. Вероятнее всего то, что в итоге это тебе придётся рисковать всем, чтобы защитить меня, а я окажусь единственным, кто останется в живых.

Кусочек за кусочком он честно говорил мне правду. Мне казалось, что ему не нужно было озвучивать вот так все минусы, но... такой уж он был человек. Но благодаря его честности я смогла мельком увидеть другую истину.

Его слова сочились кровью. Его душа была сильно изранена. Он продолжал страдать даже теперь. Решения, что он принял в прошлом, его нынешний образ жизни, его будущие возможности – всё это было для него агонией, словно он всё ещё сжимал в руках копье, пронзившее его сердце.

Именно поэтому, несмотря на голос логики, я вняла его словам.

— Но даже так... я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— ...

Раз так, то почему бы и нет, подумала я.

Если Вы будете переживать вместе со мной.

Если Вы будете страдать вместе со мной.

Если Вы будете получать раны вместе со мной.

Если я приму предложение этого человека, то его напутствия будут лучше слов любого мудреца, подумала я.

— Можете пообещать мне кое-что? — произнесла наконец я.

— Пожалуйста... продолжайте и впредь ненавидеть моё лицо.

Даже теперь я отчётливо помню то его растерянное выражение лица.

Тогда я подумала, что он, должно быть, был хорошим человеком. Настолько хорошим, что всё ещё стыдился своей испуганной реакции при первом взгляде на моё лицо. Но несмотря на это, после паузы, продлившейся несколько секунд, он с силой кивнул.

— Обещаю.

Так сказал Лорд Эль-Меллой II. Мой учитель.

◆ 第一章 ◆

Глава 1

1

«Изменилось ли что-нибудь с тех пор?..»

От внезапного наплыва воспоминаний я прищурилась.

Причина, по которой я это вспомнила, не была какой-то особенной. Просто увидев, как мой учитель повесил голову, озаряемый со спины лучами заходящего солнца, я подумала, что так он очень походил на того себя из прошлого.

Обрести возможность делать что-то, чего ты не умел, – далеко не единственный способ измерить свой рост. Но учитель всё равно продолжал накапливать умения и знания, словно это было всё, что он знал. Поэтому-то в его жизни и было столько страданий. Но он никогда не бежал от этой мучительной жизни и не замирал на месте, съёжившись в страхе. Даже теперь я не могла понять, откуда же он черпал силу, чтобы идти дальше.

Мы были на холме.

Он находился с противоположной стороны от того места, откуда мы до этого наблюдали за Башнями Солнца и Луны. Непреодолимого запаха густо растущей травы было достаточно для того, чтобы задохнуться. Среди травинки и грязи скрывалось множество кроличьих нор, из-за чего было не так уж сложно поверить в то, что это место зачастую становилось сценой для знаменитых сказок. Даже в моём городке можно было найти несколько книг про восхитительного Кролика Питера и его семью.

С этого ракурса кроваво-красный цвет заходящего солнца, нависшего над туманом и лугом, создавал впечатление, что мир заменила собой какая-то далёкая фантазия.

Мой учитель стоял молча и что-то писал в своём блокноте.

«Ну что, начнём готовиться к предстоящей битве?»

После столь впечатляющего заявления он просто вернулся к своим наблюдениям.

Кстати, возможно, ситуация сдвинулась с мёртвой точки благодаря куску бумаги, который ему вручил Свен, потому что учитель то и дело поднимал голову от блокнота, чтобы обсудить детали дела с Райнес.

— Той, кто изначально обратилась к тебе с просьбой об убежище, действительно была Золотая принцесса, верно?

— Разумеется, уважаемый брат. Её невозможно было спутать с кем-то другим.

— А на следующее утро вы обнаружили тело в её комнате. Тайная печать была нетронута.

— Всё верно.

Таким образом он медленно приводил разрозненные кусочки информации в порядок.

После светской встречи, устроенной Изельма, Золотая принцесса пришла к Райнес в надежде найти убежище в семье Эль-Меллой и аристократической фракции Часовой башни.

Следующим утром, отправившись на встречу с ней, мы сначала нашли тело принцессы, разорванное на куски, а затем стали главными подозреваемыми. Вскоре было обнаружено тело Калины. Триммау, которая привела нас к ней, стояла рядом с кровью на руках, что побудило Изельма взять Тайный знак в заложники.

Учитель записал всё это в свой блокнот перьевой ручкой, стилизованной под грифона. Это была реликвия, оставленная главой семьи Эль-Меллой два поколения назад. Мой брат фактически отказался от всего имущества Эль-Меллоев, но при этом взял эту ручку. Это говорило о том, что она, должно быть, представляла для него значительный интерес.

Лёгкий запах чернил, витавший в воздухе, мне тоже нравился.

Как и запах сигар, он будто везде сопровождал его, являлся признаком его присутствия рядом. По какой-то причине, чувствуя это запах, я всегда могла успокоиться. Я не знаю, почему. Возможно, мой учитель вплетал в эти запахи какую-то магию, чтобы помогать разуму расслабиться, но мне не очень-то хотелось об этом спрашивать.

Вместе с этим раздался кое-чей неугомонный голос:

— Поэтому я и говорю, что убийца наверняка владеет бартитсу! (**Смешанное боевое искусство и система самозащиты, разработанная в Англии в 1898—1902 годах.**) Эту систему ничем не проймёшь! С её помощью можно выжить после падения с утёса или даже заставить человека взорваться! Стать невидимым или пройти сквозь стену уж точно было бы раз плюнуть!

— Что это за бредовая магия, о которой ты говоришь? Это вообще магия? Или просто боевое искусство?

— Бартитсу! Шерлок Холмс владел бартитсу, значит, профессор тоже может! Это навык любого детектива!

— Флат... ты говоришь, что наш профессор – всего лишь какой-то заурядный детектив?

— Эй, в настоящем бартитсу ещё и трость используется! Наверняка эта трость – катализатор для какой-нибудь магии! Значит, это боевое искусство наверняка разработали для магов! Оно не обрело популярность, наверное, лишь потому, что его зажала какая-то семья!

У них обоих были светлые волосы и голубые глаза, но впечатление они производили совершенно разное. Истеричные заявления первого рисовали его как молодого и наивного юношу, в то время как во втором была некая дикая красота.

Флат Эскардос и Свен Глашайт.

Даже в прославленном классе Эль-Меллоев эти двое возвышались над остальными на целую голову.

— Ко всему прочему, Шерлок Холмс – герой! Настоящая суперзвезда Лондона! Джек-Потрошитель тоже... но мне немного жаль его жертв.

— Не ставь нашего профессора в одну шеренгу с серийным убийцей. Первое и самое главное – будь то Шерлок Холмс или даже Наполеон, нашего профессора нельзя сравнивать с какими-то людьми, которые лишь слегка засветились в романах и истории!

Ну, да, нельзя сказать, что Свен во всём был прав. Мой учитель действительно считался настоящим героем среди нью-эйджеров, но дело было в том, что эти двое стояли в авангарде этого движения. И в то время как большинство очень надеялось просто оставить их на своё усмотрение, страх того, что их препирательства достигнут высшей точки и приведут к разрушению всего класса, был самым большим источником тревоги в нынешнем классе Эль-Меллоев.

Кстати, я сделаю что угодно, чтобы лишний раз не приближаться к Свену.

Если он раззадоривался и становился агрессивным всякий раз, когда видел меня, то я не могла придумать никакой другой причины, помимо того, что он почему-то ненавидел меня. Я привыкла к тому, что люди меня недолюбливают, но столь яростного неприятия было достаточно для того, чтобы вызвать у меня лёгкую грусть.

Не сомневаюсь, он то и дело поглядывал на меня во время разговора с Флатом только затем, чтобы попытаться держать меня под контролем.

— Подожди, это вовсе не так, — внезапно произнесла Райнес, сидевшая рядом. Подтянув колени к груди и положив на них голову, она словно наслаждалась собой, искоса глядя на меня. Лёгкая улыбка в уголке её губ несомненно указывала то, что сейчас она начнёт меня дразнить.

— Ч-что Вы имеете в виду?..

— Ну, сейчас ты наверняка думаешь что-нибудь, вроде «Свен, должно быть, ненавидит меня», не так ли?

Я резко дёрнулась от того, что меня так легко прочли, словно открытую книгу, и у меня перехватило дыхание.

— Мисс Райнес... Читать мысли не...

Я не успела закончить, как она прижала ладонь к губам, чтобы скрыть своё хихиканье.

— Мне это вовсе не нужно. Всё и так понятно по твоему лицу. Точнее, по тому, как двигаются твои глаза, как сложены ладони и пальцы. Ты считаешь себя необщительной особой, но на самом деле ты весьма разговорчива... по-своему. Я бы сказала, что в половину так же, как Адд.

— Эт-это... — после столь шокирующей оценки я не нашла, что ответить.

— Хи-хи-хи-хи-хи! Я? Разговорчивый?! Да все знают, что я самый тихий, самый интеллигентный, самый изысканный кубик в мире!

Я изо всех сил старалась игнорировать голос, доносившийся со стороны моей правой руки.

К сожалению, Флат не стал следовать моему примеру и повернулся ко мне.

— А, Грэй! Можно мне поговорить сегодня с Аддом? Покажи его, покажи! Дай поговорить с ним! Дай разобрать его!

— Эй, не смей так непочтительно говорить с моей... с Грэй!

Парочка подходила к нам всё ближе, и я почувствовала, как у меня начали дрожать колени.

— А ну-ка утихи. И, Свен, не подходи к Грэй ближе, чем на пять метров, без необходимости, — раздражённо произнёс мой учитель.

И затем...

— Похоже, у нас гости.

Сказав это, он закрыл свою ручку.

— Вы что-нибудь выяснили?

Я ощутила, как этот пьянящий голос затуманил мои мысли.

Сквозь сигаретный дым и цвет заката я увидела фигуру той девушки. Даже её тень, создаваемая лучами заходящего солнца, казалась чем-то совершенно иным.

Возможно, тенью самого бога смерти.

— Серебряная принцесса, — обратился мой учитель к девушке в вуали.

В шаг за её спиной замерла горничная.

— Реджина...

Последняя из горничных-близнецов отвела взгляд, не проронив ни слова.

Вместо неё заговорила её хозяйка.

— Рада познакомиться с Вами, Лорд Эль-Меллой II. Весьма наслышана о Вас.

— Не думаю, что обо мне ходит много хороших слухов, — горько улыбнулся мой брат, и принцесса подняла голову.

Ветер как будто полностью остановился. Все звуки затихли, и даже цветы словно были очарованы её лицом. Своей внешностью, проглядывавшей сквозь вуаль, она слегка отличалась от сестры, но при этом, конечно же, всё равно была непостижимо прекрасна.

— Моя сестра... Вы узнали что-нибудь о смерти Калины и Золотой принцессы?

Этот голос ударил моему учителю прямо в голову.

Потрясающая красота его звучания поразила меня в самое сердце.

— Я хотел бы выразить свои глубочайшие соболезнования в связи с Вашей потерей, — ответил он с вежливым поклоном.

В его голосе чувствовалась безошибочная искренность. Может быть, потому что он знал, каково это, потерять кого-то. Что именно он потерял в той битве давным-давно? Даже если кто-нибудь сказал бы, что с тех пор он многое обрёл, хватило бы этого, чтобы заглушить боль?

— Однако именно поэтому я считаю, что найти настоящего преступника жизненно важно.

— Значит, Вы верите, что Ваша сестра невиновна?

— Да, — тотчас же ответил он.

Даже я остолбенела на мгновение. Серебряная принцесса, похоже, немного смягчилась.

— У Вас хороший брат, не так ли?..

— Да, это уж точно, — спокойно отозвалась Райнес и кивнула, тем самым указывая на то, что для неё за этими словами скрывался гораздо более глубокий смысл.

Когда Райнес вела себя так, я иногда думала, что ей будет лучше действовать и выражаться более ясно. Может быть.

Вслед за этим Райнес вновь произнесла:

— Могу я спросить, что случилось с Триммау?

— Если Вы про Объёмную ртуть, то мой отец тщательно спрятал её где-то.

— Хорошо. Позаботьтесь о ней, — глубокомысленно кивнула Райнес.

Она попросту не могла быть такой спокойной, какой себя показывала. Триммау была одним из самых важных Тайных знаков семьи Эль-Меллой, поэтому Райнес едва ли не чувствовала себя загнанной в угол.

Словно под угрозой невидимого ножа, над миром нависла странная нервозность. Если магия была порождением воли, то это само по себе могло быть другим видом магии. Древнее проклятие, известное всему человечеству, не зависящее ни от какого ритуала или магической основы. Слова и воля были незримы, и в этом и заключалось их таинство. Это и было движущей силой множества легенд среди тех, что не были связаны с магией.

Мой учитель вдруг пошевелился.

— Кстати, полагаю, это принадлежало Вашей сестре.

Сказав это, он извлёк из кармана предмет и показал его Реджине.

Ожерелье, инкрустированное камнем с изображением спирали. Глаза Реджины слегка расширились, когда она увидела запятанное кровью украшение.

— Спасибо... Да, это мой сестры.

— На вид кельтское.

— Да. Когда она родилась, наша бабушка...

Словно охваченная ностальгией, горничная, похоже, потерялась в своих воспоминаниях.

Внезапно, всё мое тело охватил пронизывающий холод. Обвив себя руками, я окликнула учителя, словно в лихорадке:

— У-учитель...

— Хм?

— Да, я тоже это почувствовала. Он же, с его-то притуплёнными чувствами, вероятно, лишь ощутил лёгкую тревогу.

— Эй, следи за языком!

— Я была бы признательна, если бы ты не обижался на очевидное. Что более важно, мисс Серебряная принцесса, это, часом, не связано с барьером Изельма?

Принципиально говоря, барьер был «чем-то, что отделяет то, что внутри, от того, что снаружи». Если целью было что-то спрятать, то использовались барьеры высочайшего уровня, которые сами по себе невозможно было обнаружить. В конце концов, каким бы могущественным ни был маг, он не смог бы развеять барьер, о существовании которого даже не догадывался. Таким образом, невозможность их обнаружения была своего рода данностью.

Однако барьеры использовались и для другой цели.

Если в двух словах, то для защиты.

Барьер для защиты тех, кто находится внутри, от любого внешнего воздействия. Барьер, реагирующий на присутствие враждебного мага, был одним из таких. Самыми распространёнными являлись те, что извещали о присутствии враждебного мага, едва тот ступит на подконтрольную территорию.

Разумеется, какие-нибудь барьеры, раскрывающие мысли человека, на самом деле не существовали. Потому что в противном случае расследовать убийство, например, было бы совершенно необязательно.

Короче говоря, в данном случае магия как раз даже не пыталась скрыть себя от противника.

— Прошу меня простить.

Кратко попрощавшись, Серебряная принцесса резко развернулась и ушла.

— Профессор...

— Флат?

— Кажется, вон там, — Флат указал на подножие холма, в сторону ближайшего леса. — Похоже, что человек десять. Или двадцать... тридцать?

Способности Флата практически в любой области магии уже можно было назвать весьма выдающимися, но когда дело касалось магического обнаружения, то с ним никто не мог сравниться. И поэтому если от того, что он говорил, чаще всего отмахивались как от глупостей или бредней, то в таких случаях даже мой учитель придавал огромное значение его словам.

— Если их там так много... то, значит, кто-то решил напасть на Изельма? Сейчас? — в словах Райнес отчётливо чувствовалось удивление.

Это не могло быть совпадением.

Армия магов напала именно в тот момент, когда мы занимались расследованием убийства. Если это было совпадение, то в такой вещи, как магия, не было совершенно никакой необходимости. Магия по сути своей являлась способом обмануть мир, чтобы воссоздать сверхъестественные феномены, но если подобного рода негативное чудо было возможно, тогда магия давным-давно обрела контроль над миром.

— Разумеется, это не совпадение, — сказал учитель. — Это те люди, о которых ты собирал информацию, Свен.

— Но, профессор, если это так, то тогда мы...

Свен резко замолк.

Изельма с самого начала видела в нас врагов. Была ли это ситуация, которую мы могли использовать в свою пользу? Или нас просто сметут вместе с остальными? Как нам будет лучше поступить в этом хаосе?

Такая масштабная проблема, а мы уже были изнурены размышлениями.

Внезапно, солнце померкло.

Тучи. Тёмные грозовые тучи застилали небо с востока, бросая тень на все владения Изельма. Пока мы с тревогой наблюдали за ними, тучи расползлись над нашими головами с явно неестественной скоростью.

Наших ушей достиг низкий рокот грома.

— Учитель!..

Я инстинктивно прыгнула к учителю и крепко обхватила его.

В тот же момент мощный удар обрушился на моё тело со спины.

Это было подобно взрыву бомбы. Я могла лишь гадать, сколько магической энергии было вложено в эту атаку, если она до такой степени сотрясла землю под нашими ногами. В то время как сама молния большей частью ушла в землю, последствий удара было достаточно для того, чтобы ввергнуть всех присутствовавших в шок.

— Грэй!..

— Грэй?..

— Я... в порядке... — едва заметно кивнула я в ответ на встревоженный крик Свена и тихий вопрос учителя. Даже в такой ситуации Свен придерживался указаний учителя и держался как минимум в пяти метрах от нас. За его отчаянными и беспомощными блужданиями за пределами этого радиуса было почти забавно наблюдать.

— Эта молния была!..

— ...судя по всему, их вежливым приветствием, — тихо прошептал мой учитель. Окружённый горелым запахом, оставшимся после удара молнии, он щёлкнул языком и поднял взгляд к небу. — Магия, основанная на погоде и предназначенная для атаки на закате... я гляжу, делают всё по старинке. Целью было лишить Изельма защиты, даруемой землёй, не так ли?

Если ранить саму землю, то естественный поток магической энергии будет нарушен. Если земля находилась во владении мага, то было бы вполне естественно ожидать, что она сама была усилена защитными мерами, и поэтому со стороны нападающих было также естественно начать с того, чтобы нейтрализовать это преимущество.

Подход нападавших был бесхитростным и грубым, но при этом очень даже разумным.

Я ощутила, как магическая энергия в одной из башен Изельма без промедления пришла в движение в ответ на атаку.

Факт того, что реакция началась в Башне Луны, служил явным доказательством тому, что мастерская Изельма располагалась именно там. Магия, которая была приведена в движение, всё ещё оставалась тайной, но мысль о том, что она не станет нас трогать, была, мягко говоря, притянутой за уши.

— Учитель...

— Прежде всего нам нужно отступить, чтобы уцелеть самим.

«Отступить», конечно, слово красивое, но на самом деле он имел в виду, что нам нужно было спрятаться, чтобы не угодить под перекрёстный огонь. Разумеется, было очевидно, что ни с нападающими, ни с обороняющимися мой учитель не мог сравниться в магических навыках.

— То есть «бежим со всех ног»? — усмехнувшись, отозвалась Райнес.

— Разумеется, бежим. Я бы свалил отсюда, прикрыв голову, и никогда бы здесь больше не показывался. Если бы кое-кто не оставил им залог.

— Никогда бы не подумала, что мой брат скажет мне столь грубые слова. Моё тело вот-вот задрожит от такого позора. Впрочем, если ты любитель такого, то я вполне могу над этим поработать.

— Как будто кто-нибудь захотел бы видеть свою сестру такой. А теперь как можно быстрее найдём место, где можно укрыться, пока всё не утихнет, – произнёс мой учитель с очевидной горечью в голосе и развернулся, чтобы уйти.

— Или... — он замер, беря свои предыдущие слова назад, — ...возможно, для этого уже слишком поздно.

— А?... — поначалу я смутилась, но вскоре смысл слов учителя, горечь в голосе которого становилась всё сильнее, стал мне понятен.

— Флат! — развернувшись, бездумно выкрикнула я его имя.

Флата, разумеется, нигде не было видно. Даже будучи оглушёнными ударом молнии, учитель, Райнес и я ни за что бы его не проморгали. Разве что он намеренно пытался ускользнуть. Ну, подобная пронырливость всегда была его коньком как мага.

— Я иду за ним!

— Свен, стой!

Свен не стал дожидаться, пока его кто-нибудь остановит, и тотчас же устремился вперёд, причём с такой скоростью, что я едва ли догнала бы его даже с помощью Адда. Свен никак не мог знать, куда направился Флат, но, возможно, следуя его запаху, он бежал напрямик к лесу неподалёку.

— Поэтому-то я и сказал вам не приезжать!

Прижав ладонь к животу, учитель тяжело вздохнул, а морщины между его вечно нахмуренными бровями стали ещё глубже.

— Неплохо...

Атрам с жестокой улыбкой взирал на кратер, оставленный его магией.

Близлежащее плато, на котором он стоял, располагалось в нескольких километрах от места событий, но это не мешало ему смотреть сверху вниз на территорию Изельма сквозь старинный оперный бинокль, оставленный кем-то в вестибюле отеля.

Крепко прижимая к себе скудно одетую женщину, сидевшую рядом, он мягко прошептал:

— Что думаешь? Похоже это на сожжение замка твоей соперницы в любви?

Он хвалился своей работой, приписывая ей сходство с резнёй, учинённой древней Героической душой, известной как Медея.

Разумеется, его действия едва ли можно было сравнивать с тем, что делала она.

Для Медеи, существовавшей ещё до современной эпохи, в те времена, когда человечество было к магии гораздо ближе, самого обычного заклинания простого действия было достаточно, чтобы воспроизвести эффект, сравнимый с воздушной бомбардировкой. Если бы современный маг всю свою жизнь посвятил изучению таинств, совершая ритуал за ритуалом, то даже тогда вероятность того, что ему удалось бы достичь такого уровня, была бы ничтожно мала.

Но в этом отношении это и делало конкретно данное заклинание весьма впечатляющим.

Магия, использующая погодные явления, была, несомненно, крупномасштабной, но не такой уж редкой. Напротив, сложнее было бы найти хотя бы одно место, у которого не было долгой истории ритуалов по призыву дождя. Однако если взглянуть на современную магию, то успешных примеров можно было пересчитать по пальцам, в особенности учитывая, как сильно нынешнее состояние магии пришло в упадок. Да, успех Атрама был обусловлен тем, что приозёрная местность, где находилась его цель, располагала идеальными условиями для создания грозowych облаков, но результат всё равно был достоин похвалы.

Для этой цели здесь собрались все маги, связанные с его семьёй, чтобы принять участие в ритуале.

На границе между днём и ночью, когда множество разновидностей защитной магии становились слабее, он направил вперёд авангард своего наступления.

— А теперь грабьте! Заберите всё! Да будет наш набег плодотворным!

Молодой человек рассмеялся, голос его был громким и отчётливым.

Именно так семья Атрама, Галиаста, обрела свою известность.

Если хочешь что-то взять – тогда возьми.

Если рука твоя сжимает клинок – тогда маши им.

Подобные слова Атраму внушали всю его юность. Чтобы определить следующего главу семьи, отец ставил его с братьями друг против друга и подверг

множеству испытаний. Атрам справился с ними наиболее эффективно. И поэтому, заслужив титул в Часовой башне, Атрам превзошёл отца, отказавшегося ступить в мир магов, и с радостью занял его место.

В магии, уже давно считавшейся устаревшей, он, напротив, видел пользу и потенциал.

Даже невыносимая физическая боль от принятия семейной Магической метки была для него чистейшим удовольствием. Потому что эта боль была символом силы, величины, которую он обрёл.

— А теперь...

Он поднял бокал с вином.

— ...пришла пора вам пожалеть о том, что вы лишили меня моих законных трофеев.

*

Разумеется, хранитель этой земли был осведомлён о случившемся нападении.

Башня Луны.

Сосуд с водой.

В центре помещения стояла старая фарфоровая чаша, которая была наполнена водой, взятой прямоком из земли. Рябь на поверхности воды отражала силу и масштаб вражеской магии.

Подобной магии существовало бесконечно много разновидностей, но такого уровня точности можно было достичь только на собственной территории. Более того, использование таких Тайных знаков было особенностью факультета созидания.^{Вальюэ}

— Объявление войны, значит? — пробормотал маг исполненным ненависти голосом.

Взирая на воду в чаше, он с силой закусил мундштук своей трубки.

Едва ощутив что-то неладное, Лорд Байрон, глава семьи Изельма, тотчас же пробудил чашу и оценил силы противника.

И поэтому он назвал это объявлением войны. Потому что иначе они могли бы спокойно и незаметно проникнуть внутрь, подобно тем, кто убил его любимую дочь и горничную. Это даже было бы более ортодоксально. Как зачастую требовали короли и аристократы, самая сильная способность мага в бою - это убийство противника без прямого физического воздействия. Если кто-то отбросил в сторону это фундаментальное правило и начал со столь грандиозного шага, значит, это было не что иное, как объявление войны.

Он всегда знал, что они рано или поздно придут за Изельма.

Он слышал о семье Галиаста и также прекрасно понимал, что заслужил их недовольство. Они были семьёй, совсем недавно покинувшей Средний Восток и только начавшей свой подъём к славе, но именно поэтому он и ожидал от них столь

неистового варварства. Как и многие семьи в самой Часовой башне, если дело сулит награду, они без лишних раздумий применяют силу, чтобы заполучить её.

— Но... напасть именно в такое время...

Подумав немного над проблемой, Лорд Байрон покинул мастерскую. Прямо за дверь стояли два мага.

— Майо, Исло.

— Д-да!

— Да?..

В ответе фармацевта явно чувствовалась нервозность, в то время как портной лишь сдержанно кивнул.

— Пожалуйста, побудьте с Эстеллой.

— А сражение?..

В ответ на вопрос Исло Байрон покачал головой.

— Это всё равно не самая ваша сильная сторона, не так ли?

Не сказав больше ни слова, Байрон пошёл прочь с такой скоростью, какую только могла позволить его трость.

По пути он привлёк внимание слуги.

— Где сейчас леди Инорай?

— Лорд Вальюэлета в своей комнате. Она сказала, что ужин ей сегодня не требуется.

— Понятно, — кивнул он слуге.

Эта женщина попросту не могла не заметить столь странное происшествие. Другими словами, она всё равно что объявила о своём нейтралитете. И даже если Изельма падут в результате какой-нибудь распри, глава семьи Вальюэлета вмешиваться не намеревалась.

— Если леди Инорай не желает вмешиваться, значит, так тому и быть, — сказал Лорд Байрон.

Однако кое-что его беспокоило. Одна вероятность, словно заноза, угодившая под ноготь, рассылала волны тревоги по его душе.

Прежде всего он подумал, что смерть Золотой принцессы и её горничной - дело рук вражеской фракции.

Как и их главная семья Вальюэлета, Изельма были связаны с демократической фракцией Часовой башни. Любого рода саботаж со стороны аристократической фракции, возглавляемой Бартомелоями, или даже нейтральной фракции был бы в порядке вещей. В кипящем котле политической борьбы за власть Часовой башни человеческая жизнь ценилась даже меньше, чем мусор.

Но теперь по его голове расплзалась гораздо более ужасающая вероятность.

«Сама Лорд Вальюэлета в сговоре с этой семьёй?..»

Он хотел это отвергнуть.

Но в то же время его хладнокровная часть, засевшая где-то глубоко внутри, не желала отбрасывать эту вероятность.

Это едва ли можно было назвать беспрецедентным. Ради развития собственной магии главные семейства чуть ли не каждый день забирали ресурсы и

людей у своих же дочерних семей. Истории о родословных, воспротивившихся столь вопиющему воровству и в итоге полностью уничтоженных, были весьма распространены. Присоединение к одной из политических фракций Часовой башни даровало их покровительство, но и несло в себе угрозу подобного разорения.

Но опять же.

«Может быть, убийца принцессы – это...»

В голове Байрона всплыла ещё одна ужасная вероятность.

Он никак не мог её отвергнуть. Даже если между ними были хорошие отношения, их никак нельзя было назвать доверительными. В конце концов, человек, о котором он подумал, был тем, кто пожертвовал всем ради магии и избавился бы от собственных плоти и крови, если бы они стали ему помехой.

Кто мог стать таким магом?

— А-а... — он кивнул. Голос его скрипел, словно старый механизм. — Леди Инорай будет даже рада компании выскочки. В конце концов, в этом вся демократия Часовой башни. «Если в тебе горит страсть, то тебя должны принять. Если ты маг, то ты должен принять изменения».

Идя по коридору, он с трудом сдерживал отвращение, не давая ему закрасться в его голос.

Конечно, Изельма были связаны с демократической фракцией, в которой верили, что те, у кого есть способности, должны возвыситься вне зависимости от родословной. Но нельзя было сказать, что они приняли эту философию беззаветно. Маг инстинктивно тянулся к прошлому, и это значило, что сильно развитая родословная всё равно была критически важна.

«Сама по себе красота чудесна. Даже если она мимолётна, тот факт, что она существовала, уже придаёт ей ценность. Нам же стремление к чему-то за пределами этого момента попросту неинтересно. И, помимо этого, мы верим, что в наш век люди в состоянии работать и управлять вне зависимости от истории их родословных».

Эти слова Инорай сказала на светской встрече.

И она была права. В этих словах был заключён вечный идеал факультета ^{Вальюэ}созидания. Но идеал был лишь иллюзией, до которой нельзя было дотронуться. Тем, кто жил в реальности, нужно было не ослаблять хватки и изо всех сил держаться за него.

А что, если привнесение свежей крови было лишь способом избавления от старой?

Как тот молодой человек – Лорд факультета современной магии - ^{Норидж}ответит на этот вопрос?

Байрон скрипнул зубами.

Послышался раскат грома. Мимолётная белая вспышка осветила джентльмена с тростью... и на мгновение показала кое-что ещё.

— В таком случае Байрон Вальюэлета Изельма сам во всём разберётся...

Тень, на секунду возникшая позади него, можно было описать лишь как демона, затаившегося на стене.

Флат Эскадрос.

Имя молодого человека, родившегося близ Средиземного моря и ставшего средоточием надежд и ожиданий самых разных людей.

Семья Эскардос обладала длинной историей, но при этом не могла похвастаться какими-нибудь в особенности великими достижениями. Многие поколения они оттачивали свою магию и накапливали Магические цепи, но им не удалось создать ничего сверх того, что можно было описать лишь как «посредственность», - и так продолжалось до тех пор, пока не родился Флат, чей выдающийся талант можно было счесть лишь как аномалию.

Превосходное количество Магических цепей, направляемых потрясающим талантом.

Родные окрестили его вундеркиндом и быстро отправили в Часовую башню, но даже это почтенное заведение не смогло соответствовать его потенциалу. Начав свой путь на кафедре некромантии, он стал учеником Рокко Белфабана, главы отдела по призывам. Однако всего через несколько месяцев его уже перевели на другой факультет. Но ни один факультет не мог поспеть за его талантом, и поэтому он стремительно переходил с одного на другой к большому разочарованию его преподавателей. Из-за постоянных повторных подач документов он оказался на грани отчисления.

Причина была проста.

Каким бы идеальным ни был его магический талант, все прочие атрибуты жизни мага давались ему из рук вон плохо.

Ему часто говорили, что его поведение чересчур вольное.

На самом деле тем, что в действительности являлось естеством современного мага, была не сверхъестественная сила и не превосходное сознание, а упорство, выстроенное и усиленное за долгие поколения. Ревностная верность туманной идеологии в течение сотен или даже в некоторых случаях тысяч лет развивала отдельную разновидность чрезвычайной силы. Даже если наука превзойдёт магию во всех других отношениях, пока этот идеал сохраняется, сама магия будет неистребима.

Но в этом плане юноша был безнадёжен.

И, наверное, будет лучше сказать «безнадёжен из-за своего невероятного таланта», чем «безнадёжен, несмотря на свой талант». Окружавшие его не могли понять причин, но, по крайней мере, было очевидно, что молодой человек по имени Флат Эскардос не обладал этой ключевой для мага особенностью - упорством. Вечно небрежный и распушенный, он всегда совал нос в чужие дела, но при этом, словно губка, впитывал в себя всю информацию на всех занятиях, поддерживая почти идеальные оценки. В худших случаях он даже перебивал преподавателей с лучезарной улыбкой, добавляя собственные изменения и тем самым улучшая их формулы за доли секунды.

А для преподавателя нет унижения больше, чем это.

Он был для них словно безупречный алмаз, не требующий дальнейшей огранки. Его талант был настолько велик, что они просто ничего не могли ему дать, чтобы развить его навыки ещё сильнее, и поэтому окружающие награждали его безмолвным презрением. Часовая башня, существовавшая якобы именно для того, чтобы развивать таланты новых магов, не могла позволить себе лишиться такого самородка, но ни один из тех преподавателей, что пытались с ним работать, не смог долго продержаться.

Так продолжалось примерно год.

В итоге, переходя из рук в руки между различными факультетами и фракциями, словно ценное сокровище, с которым нелегко расставаться, он наконец оказался в классе Эль-Меллоев. Класс, уже вобравший в себя немало проблемных учеников Часовой башни принял его без вопросов. Способность местных преподавателей наставить его на путь истинный, что привело к легко различимому росту, привлекла всеобщее внимание. За это, конечно, одному Лорду пришлось расплачиваться поистине сокрушительными болями в желудке, но это уже совсем другая история.

Как бы то ни было, сейчас Флат шёл по следу магической энергии тех, кто напал на Изельма.

В лесу.

Почувяв их магическую энергию с холма, он устремился вниз по траве и вбежал в лес. Несмотря на плохо ухоженную тропу, он двигался с такой скоростью, что даже профессиональный марафонец вряд ли бы смог за ним угнаться. Разумеется, всё это было благодаря его магическому усилению.

Не останавливаясь, он запрокинул голову и посмотрел на тёмные облака в небе сквозь листву деревьев.

— Ого, потрясно! У магии управления погодой сильные побочные эффекты, поэтому в Часовой башне её, по сути, и не увидишь. Хм-м... но этот маг использует её довольно неэффективно. Сколько там человек он задействовал? Тридцать один... нет, тридцать два? Седьмого и двадцатого, вероятно, лучше исключить. Я должен сказать им об этом!

И эти абсурдные слова он произнёс с искренней живостью.

Любой, кто услышал бы это, сказал бы, что Флатом движут лишь благие намерения. Но именно эти благие намерения сыграли злую шутку с многими преподавателями Часовой башни. Если бы кто-нибудь назвал это новой разновидностью проклятия, с этим человеком вряд ли бы стали спорить.

Однако укоряющий голос, ответивший ему, раздался по другой причине.

— Флат.

— Ого! Уже нашёл меня! — Флат развернулся, и его глаза расширились от удивления.

На ветке дерева над ним стоял юноша с кудрявыми волосами. Прислонившись к стволу, он коснулся пальцем кончика носа, с неодобрением взирая на своего одноклассника.

Свен Глашайт.

Став частью класса Эль-Меллоев примерно за месяц до Флата, он был самым старшим учеником из ныне действующих. И это с учётом того, что Лорд Эль-Меллой II, скажем так, избавлялся от своих учеников сразу же после того, как они выходили за рамки основ, выпуская их одного за другим, словно у него не было сил и желания за ними присматривать.

— Что значит «уже»? Да я ни с чем не спутаю твой легкомысленный, фривольно жёлтый запах. А теперь пошли назад к профессору.

— Да ладно тебе! — жалобно воскликнул Флат, словно ребёнок, которому сказали, что пора уходить из магазина игрушек.

— Хочешь, чтобы я силком потащил тебя обратно?..

— Эй, эй, полегче! Сам подумай, Ле Шьен! Профессор ведь сейчас в беде, верно?

— А ты подливаешь масла в огонь!

— Вовсе нет! — отмахнулся Флат и с улыбкой рассмеялся. — Профессора это порадует!

— Что?.. — нахмурился Свен.

— Изельма забрали Трим, да? Так что, если мы отделаем тех, кто на них напал, они могут из благодарности вернуть её нам! А профессор будет нам крайне признателен! Это же идеальный план, Ле Шьен, тебе так не кажется?

Вместо того, чтобы называться идеальным, этот план, скорее, заслуживал того, чтобы его сразу же отвергли. Это было равносильно тому, чтобы увидеть перед собой яму-ловушку и из вежливости бросить в неё несколько отравленных клинков, прежде чем прыгнуть самому.

Но.

— Во-первых, хватит меня так называть, — сказал Свен.

После этого он на какое-то время замолк. От такого молчания Лорд Эль-Меллой II, будь он здесь, сразу же принялся бы массировать ладонью свой желудок. Потому что вместо покоя, который обычно воцарялся после шумихи, это больше походило на затишье перед ужасной бурей.

— Эти люди пытались навредить моей... пытались навредить Грэй, — пробормотал он. В конце концов, почесав пальцами голову и облизнув губы, он продолжил:

— Ладно, я в деле.

*

Несколько теней бежали сквозь густой подлесок.

Пробиваясь через поросль высотой по пояс собственными телами, они направлялись к башням-близнецам Изельма. Двигались они не сбиваясь с курса, совершенно не обращая внимания на ненадёжную почву под ногами и заросли

плюща, угрожавшие стать причиной падения, из-за чего эту группу несколько веков назад называли бы маршем демонов.

Одна из фигур подняла голову.

На открытом пространстве перед ними стоял хорошо одетый мужчина с тростью.

— Лорд Байрон.

— Впечатляет. Сделали своими союзниками сами элементы. Эта местность особенно чувствительна к изменению погоды, но я никогда прежде не сталкивался с кем-то, способным на столь выдающееся зрелище.

Джентльмен сразу же оценил уровень агрессоров.

Насколько трудна была такая магия для современных магов? Или, возможно, вне зависимости от сложности насколько она была возможна? В битве магов самым важным навыком являлась способность увидеть природу предпочитаемых формул противника. Верность основам, следование непоколебимой истории – Лорд Байрон шёл по испытанному и истинному пути.

— Если Вы всё это поняли, почему бы тогда просто не отдать то, что нам нужно? — игриво произнёс один из агрессоров, словно их цель была отчётливо ясна с самого начала.

Но.

Джентльмен ответил с бесстрашной улыбкой:

— Если вы думаете, что Изельма беззащитна, то, боюсь, вы сильно ошибаетесь.

Байрон ударил тростью по земле, и вокруг него возникло скопление сфер. Прогалина быстро заполнилась облаком пузырей, отражавших пёстрый свет заходящего солнца, проглядывавшего через листву. Зрелище было захватывающее.

Их истинная природа, разумеется, едва ли была безвредной. Невзирая на воздушные потоки в лесу, пузыри, наполненные магической энергией Байрона, двигались крайне неестественно, окружая магов. Образы агрессоров отражались в их вращающихся мыльных поверхностях.

Маги безмолвно наблюдали за пузырями.

Никто из агрессоров не был достаточно глуп для того, чтобы беспечно лопнуть один из них. Это был, разумеется, минимальный уровень предусмотрительности, необходимый для мага.

Но их бездействие означало, что пузыри могли беспрепятственно распространяться по прогалине, быстро окружая магов и отрезая им все пути к отступлению.

— Как вам Радужные сферы Изельмы?

Это было название заклинания, которое только что прошептал Байрон?

С громким треском пузыри взорвались.

Из них не появились никакие монстры или что-нибудь подобное - по крайней мере, ничего, что можно было увидеть. Тем не менее, несколько агрессоров упали на землю, хватаясь руками за горло.

— Байрон!

Разгневанные маги обрушили на него целый шквал зарядов молнии.

Как и ожидалось, пузыри, парившие вокруг Лорда Байрона, устремились на перехват, но они не смогли полностью его защитить. Примерно треть зарядов прорвалась сквозь пузыри и угодила в Барона, из-за чего тот упал на колени.

— Ха! Коллекционер, укрывшийся в своей глуши, всё-таки пал!

Маги, которые до этого подверглись атаке пузырей, начали вставать на ноги и вскоре приступили к сотворению нового заклинания вместе со своими разъярёнными товарищами.

Прижимая ладонь к ожоговой ране на плече, Байрон вновь ударил тростью по земле. Количество пузырей в воздухе удвоилось, создав радужную крепость перед агрессорами. Учитывая, что он был членом факультета созидания, ^{Вальюз} это означало, что исход сражения зависел от того, удастся ли искусству Лорда Байрона в достаточной мере противостоять атакующим магам.

Но.

— Ого, драка уже началась!

Из глубин леса эхом донёсся истеричный голос.

В ответ на это пузыри Лорда Байрона, автономно реагируя на новую угрозу, закружились за его спиной, опускаясь в подлесок в противоположной стороне от агрессоров.

Первичной функцией пузырей было уничтожение кислорода в воздухе, лишая тем самым противника возможности дышать. Поэтому то, что кто-то оказался совершенно невосприимчив к такой атаке, стало для Лорда Байрона полной неожиданностью.

— Что?!

— Один из псов Изельма?!

Маги напряглись при виде возникшего из леса юнца.

Но выражение на его лице было каким угодно, но только не враждебным.

— Вы же Лорд Байрон, да? Из дома Изельма? — с улыбкой спросил он.

Тот факт, что Лорду Байрону каким-то образом удалось скрыть своё изумление и сохранить невозмутимость, многое говорил о его характере.

— А Вы кем будете?..

— Флат Эскардос из класса Эль-Меллоев! К Вашим услугам! — быстро отсалютовав, светловолосый юноша повернулся к агрессорам.

Сложив руки на груди и триумфально ухмыльнувшись, он воскликнул, обращаясь к кому-то наверху:

— А теперь ату их, Ле Шьен!

— Сказал же, не называй меня так!

С гневным криком Свен спрыгнул с дерева. Пробормотав что-то про то, что его присутствие выдали, он легонько потёр свой нос.

— От вас всех пахнет острым металлом, вы в курсе? Вы смердите лишь уродливой, отвратительной жаждой крови!

До этого момента агрессоры смотрели на двух парней свысока.

Можно было не говорить, что любой, кто вклинился в эту ситуацию, стал бы считаться опасным. Также ещё более важным для мага было не списывать со счетов противника, исходя из его внешности. Именно поэтому они, не переставая смеяться, не стали медлить и начали готовить свою магию.

Но не успели они закончить, как...

Свен завыл.

Ударной волны от этого рёва было достаточно для того, чтобы смести магию агрессоров.

Во многих азиатских странах ходит поверье, что лай или вой собаки способен изгонять зло. И как будто голос юноши обладал похожими свойствами, магическая энергия, которая должна была течь по их Магическим цепям, полностью исчезла.

— Не может быть, ты!..

— Класс Эль-Меллоев, Свен Глашайт, — назвал он своё имя выпучившим глаза магам, и его вой принял другую форму.

Бледная смерть
— *Pallida Mors*.

Это было заклинание юноши?

С мягким гулом волосы Свена начали меняться. Они стали извиваться, словно превращаясь в какое-то другое существо. Под изумлённым взглядом окружающих волосы начали расти, покрывая его спину, а зубы Свена превратились в бритвенно-острые клыки. Его красота осталась прежней, но природа изменилась.

Он прыгнул.

Однако маги, несмотря на удивление, отреагировали должным образом.

Они одновременно высвободили свою магию, которую до этого удерживали. Их молнии были лишь заклинаниями простого действия, но, благодаря усиливающим эффектам магии управления погодой, они могли без проблем разорвать неудачливого противника на куски.

Однако вместо этого вытянутая вперёд рука одного из магов исчезла.

Так же, как его зубы превратились в клыки, ногти Свена стали невероятно острыми когтями. Лишившийся руки маг, возможно, даже не понял, что произошло, и без чувств рухнул на землю из-за внезапной крупной потери крови.

Не останавливаясь, Свен прыгнул в кроны деревьев. Прыгая от ствола к стволу, с ветки на ветку, он словно парил над лесом, как будто сама гравитация не была для него помехой.

Один из магов умудрился взять себя в руки, чтобы попытаться ответить на атаку, но когда он увидел, во что превратился Свен, то изумлённо вздохнул, выпучив глаза.

Тело Свена преобразилось.

Мускулы его тела вздулись, а волосяной покров приобрёл прочность металла, из-за чего его легко можно было спутать с оборотнем, представителем легендарного фантазменного вида. Нет, само его естество не изменилось. Приглядевшись, можно было заметить, что его одежда и обувь не были

уничтожены превращением. Странная магическая энергия, окутывавшая тело юноши, попросту пыталась придать ему облик оборотня.

Но, возможно, определение «фантазменный волк» было бы более уместно, чем «оборотень».

Звериная магия.

Во многих странах магия преследовала цель воспроизвести черты и способности животных в человеке.

И не только магия. Многие китайские боевые искусства, например, синъицюань и стиль белого журавля, за основу своих движений брали повадки животных. Также на западе лейтмотив лебедей и львов часто появлялся в танцах и искусстве. С незапамятных времён, когда люди отделились от царства животных, они почитали его как источник таинства.

Такова была природа магии Свена Глашайта.

Как словом «берсерк» изначально называли воина, носившего медвежьи шкуры, так и его искусство высвобождало огромную звериную мощь из его глубин. Насыщая тело таинством зверей, он обретал невероятные скорость и силу, которые во много раз превосходили простую магию усиления.

Даже если противником был маг, за скоростью Свена невозможно было уследить.

Он скосил ещё одного мага, словно тот был обычной соломинкой.

То, что они находились в лесной чаще, несомненно, также придавало Свену преимущество перед магами. Деревья преграждали лучи закатного солнца, и поэтому, даже улучшив своё зрение с помощью усиления, они не могли уследить за его перемещениями. Но за каждые доли секунды, когда неистовые когти Свена касались их тел, они расплачивались своей плотью.

— Раз так, тогда!..

Оставшиеся маги изменили стратегию.

Сломав своё плотное построение, они рассыпались по прогалине и высвободили очередное заклинание. Если сравниться с ним на ближней дистанции им было не по силам, тогда они разделяются с ним на расстоянии. Способность быстро менять стиль боя говорила о том, что все они являлись искушёнными в боях магами.

Однако ни с чем подобным они никогда прежде не сталкивались.

— Вот так, да, а теперь круговое движение, ага! — произнёс Флат, описывая рукой круг.

Сторонний наблюдатель, хорошо разбирающийся в спорте, мог бы заметить, что своей стойкой, предшествовавшей размахиванию руками, Флат копировал других магов. В психологическом плане это подражание позе и манерам другого человека несло в себе успокаивающий эффект. Однако в данном случае его движения несли в себе совершенно иную цель.

Игра в мяч

— Начать вмешательство.

Вектор магической энергии изменился.

Слетев с ладоней магов, молнии тотчас же развернулись, полностью поменяв направление. Воздух заполнили вопли магов, угодивших под собственные молнии. Использовать куклу, похожую на цель, чтобы наложить проклятие, - своими движениями Флат воссоздал эффект, похожий на этот широко известный вид симпатической магии.

Это проклятие время от времени можно было увидеть в различных школах юго-восточной азиатской магии.

Вот только... в Часовой башне, где в основе всех учений лежала европейская магия, такому никогда не учили.

Однако то же касалось и Флата.

Его магический стиль также был уникален.

Благодаря своему невероятно редкому элементарному родству с Пустотой, или Эфиром, все его заклинания находились на грани того, чтобы называться еретическими. В рамках изучения современной магии идею выделения сильных сторон различных стилей и их последующее объединение в одно искусство называли магией хаоса, но после того, как Лорд Эль-Меллой II оценил её как нечто «больше похожее на "странную магию"», Флат сам начал распространять это название, гордясь тем, что учитель окрестил его магию лично.

Обычно, такая формула ни за что бы не сработала.

Магия хаоса сама по себе была хрупкой и нестабильной с самого начала. Несмотря на то, что идея объединения сильных сторон различных стилей магии звучала как нечто невообразимо мощное и всемогущее, адепт магии хаоса мог брать лишь разновидности магии, с которыми он был знаком лично. В реальности же правильное совмещение этих сильных сторон в рабочие заклинания было сложной задачей. Но всё же подход Флата, который можно было описать как «я просто сделал вот так, и всё получилось», определённо делал из него инакомыслящего.

Но что самое главное, его способность вмешиваться в чужую магию была необоснованно мощной.

— Класс... Эль-Меллоев?... — со стоном произнёс один из агрессоров.

Два самородка класса Эль-Меллоев. Другими словами, номинальные лидеры новой восходящей силы в Часовой башне. Они оба обладали длинными и легендарными родословными и поэтому не могли называться «нью-эйджерами», однако именно поэтому они могли демонстрировать свои истинные способности без ограничений.

Союз мощи старой магии и гибкости новых учений.

Возможно, сами того не понимая, они действовали с идеальной слаженностью.

— Ладно, Ле Шьен, пора набрать темп! Покажем им, что значит быть асами класса Эль-Меллоев!

— Хватит пытаться мне приказывать!

Несмотря на свои с трудом произнесённые слова, Свен послушно обрушился на агрессоров, когда вмешательство Флата свело на нет их магию. Слаженно взаимодействовать со столь разными школами магии было невероятно сложно, и любой, у кого был такой навык, владел им в лучшем случае посредственно.

Вдобавок они оба обладали исключительно сильными эго. Тем не менее, Флат и Свен показывали командную работу, присущую близнецам, которые тренировались вместе с самого рождения.

Внезапно, они остановились, как по команде.

И не только они, даже маги-агрессоры замерли, отвернувшись от учеников класса Эль-Меллоев. Ужас, читавшийся на их лицах, полностью отличался от того страха, что завладел ими ранее.

— Могу я поинтересоваться, что именно здесь происходит? — произнёс сильно загорелый молодой человек.

С этими словами губы Атрама Галиасты искривились в зловещей улыбке.

Учитель и я прижались к стволу дерева вместе с Райнес, чтобы не попасть под дождь.

Дабы поддерживать контроль над мощнейшими духовными жилами, принадлежавшие магам земли зачастую находились вдали от городов. Поэтому пышущие растительностью области, подобно этой, были весьма распространены. Несмотря на очевидно большой возраст деревьев, все они носили кроны из молодых, ярко-зелёных листьев, словно сама духовная жила даровала им своё благословение.

Как долго они взирали на этот пейзаж?

Раскаты грома говорили о том, что буйство стихии вряд ли закончится в ближайшее время.

Густые грозовые облака целиком покрывали территорию Изельма, будто пытаясь прогнать заходящее солнце. Это напомнило мне миф об Орионе, который после смерти от укуса скорпиона стал созвездием, вечно бегущим от своего убийцы.

— Ничего, что мы вот так отпустили Свена и Флата?.. — спросила я учителя, наблюдавшего за ливнем.

— Да... Они в любом случае попытались бы влезть в сражение. Даже если их противники - маги внушительных способностей, эти двое не дадут себя одолеть. Эти дети невероятно одарённые, оттого и проблемные, — нехотя произнёс он, пыхнув сигарой, словно одолеваемый плохим настроением.

Слова о том, что их способностей было достаточно для того, чтобы считать их проблемными детьми, скорее всего, были с его стороны искренним признанием. В сравнении с другими факультетами класс Эль-Меллоев уже представлял собой сборище отщепенцев и диссидентов, но эти двое выделялись даже среди них. Разумеется, выделялись своими магическими способностями, но самой отличительной их особенностью был весь их образ бытия. Вкладывая невероятные усилия в изучение магии, они при этом обладали природой, которая каким-то образом отличалась от таковой у других магов Часовой башни.

Наверное, можно было сказать, что они были похожи на моего учителя, одновременно маги до мозга костей и максимально на них не похожие.

— Ну, за исключением того факта, что у них необычный противник.

— Необычный?.. — от слов учителя у меня по спине пробежали мурашки. Реакция, может, и была в какой-то мере жалкой, но её было очень сложно подавить.

— Атрам Галиаста. Человек, о котором Свен собирал информацию для меня. Ну, если случится худшее, то он не тот противник, от которого те двое не смогли бы сбежать...

— Галиаста...

Довольно редкая по звучанию фамилия.

Разумеется, что касается Часовой башни, то я не смогла бы отличить одну фамилию от другой, но, даже несмотря на это, для меня она звучала очень по-

чужеземному. Сухой звук. Воздух, горячий настолько, что обжигает кожу. Мечи с толстыми изогнутыми клинками. Примерно такие ассоциации возникли у меня в голове.

Словно подтверждая мои мысли, учитель продолжил:

— Это старая династия со Среднего Востока, которая лишь недавно стала частью Часовой башни. Их магия связана с проклятиями, так что противники они весьма непростые. Так или иначе, с помощью магии они принудили близлежащие организации к сотрудничеству, обеспечив себя тем самым правами на бурение нефтяных скважин. Во всём, что касается влияния в мирских делах, они впереди всех даже среди членов Часовой башни... и на аукционе по одному талисману они боролись до конца с семьёй Изельма.

— О? Это тот самый талисман, который, как ты сказал, недавно приобрели Изельма, верно?

Когда Райнес перебила учителя, я вспомнила одного человека.

«Вообще-то я хочу заполучить один талисман».

Мик Градзилье.

Человек, который как ни в чём не бывало заявил нам, что он шпион.

К слову о нём, я не видела его с самого утра. Интересно, что он собирался делать теперь, когда Изельма подверглись нападению. Если его признание о том, что он шпион, было на самом деле правдивым, тогда, может, он и Галиаста...

Я нервно сглотнула.

— Значит, это Галиаста стоял за убийством принцессы? — произнесла Райнес.

— Кто знает, — расплывчато ответил учитель.

Коснувшись пальцем губ, он сощурил глаза и начал раскладывать информацию по полочкам.

— Есть вероятность, что это была месть за то, что Изельма умыкнули талисман из-под их носа, но... если дело было в этом, тогда почему они вместо этого не прибегли к похищению? К тому же в случае с местью в этой атаке нет совершенно никакой необходимости...

— Что, если, например, они послали кого-то найти талисман втайне, но принцесса узнала об этом, и её пришлось убить, чтобы всё скрыть?

Учитель покачал головой в ответ на предположение Райнес.

— И после её убийства они вежливо перенесли её в спальню? Конечно, они могли бы с помощью магии очистить место преступления от крови, но как они тогда обошли Тайную печать?

— Хм. Ну... хм, — Райнес поскребла пальцем воздух и затихла.

К сожалению, принимать участие в подобного рода обсуждениях было выше моих сил. Я не могла постичь мысли и чувства даже этих двоих, не говоря уж о ком-то, кого я встречала лишь пару раз. Я была попросту не в состоянии предоставить что-нибудь, хотя бы примерно похожее на дельную гипотезу.

В результате я просто сидела и наблюдала за их разговором, сцепив пальцы рук.

— Хи-хи-хи-хи! В чём дело? Почему бы не попробовать поделиться своими мыслями? Если вы тут загадку разгадываете, то вполне можно озвучить пару глупых теорий. Чёрт, да хоть десять, почему бы и нет? Ты же вроде как Ватсон, так что кому будет не наплевать, если ты окажешься не права?

Со стороны моей правой руки донёлся смех Адда.

— Я... не такая умная, так что...

— Да ты просто всегда отказываешься думать, разве нет? «Я не могу, я не могу!» Ведь повторять это гораздо легче, чем на самом деле пошевелить извилинами, верно?

Мне нечего было ответить на резкие слова Адда.

Я, скорее, была с ним согласна. Честно говоря, от размышлений всегда было больше мороки, чем пользы. Если бы я могла закрыть глаза и зажать ладонями уши, жить стало бы очень легко. У меня не было смелости даже для того, чтобы убить себя. Мысль о том, что если я умру, то стану одной из... них, ужасала меня. Если бы я просто лежала себе тихо в земле, то это было бы нормально, но блуждать по земле, не имея возможности упокоиться...

Безнадёжно трусливая, безнадёжно ленивая. Да, такой я и была.

Даже если мне скажут, что мне стоит попробовать измениться, я буду не в силах даже сделать первый шаг. С тех самых пор, как я покинула родную обитель, я ни капли не изменилась.

Почему?

Это было болезненно.

Меня мутило, я чувствовала, что вот-вот упаду.

Случившееся здесь давило на сердце. Что-то в этой ситуации не давало мне покоя, и ощущалось это совершенно иначе, чем в Замке разделения, но я опять оказалась единственной, кто не был способен увидеть что-нибудь дальше своего носа.

— ...следуя этой теории, как ты объяснишь смерть горничной?

— Ох. Но если мы предположим, что преступник не один...

Пока я предавалась мыслям, разговор между Райнес и учителем успел уйти далеко вперёд. Я же чувствовала боль в груди.

Возможно, потому что это было что-то очень мне знакомое.

Что-то настолько важное, что я не могла с этим расстаться, и при этом столь очевидное, что я не могла заставить себя сосредоточиться на этом.

Создавалось ощущение, что вместе с непрекращающимся дождём с небес падали невидимые иглы. Если они вопьются в плоть, будет больно, несомненно, но страшно было даже думать о том, что их нельзя было увидеть, сколько ни вглядывайся. Ты не можешь сказать наверняка, есть они или нет, пока не увидишь кровь на своей коже.

Ты даже не узнаешь, что это вообще иглы, пока не упадёшь замертво на землю, униженный ими.

И если кто-нибудь взглянет на твой труп, когда дождь закончится, то, несомненно, будет недоумевать, почему ты просто не убежал.

— Хм. Но тогда по твоей логике создание Золотой принцессы...

— Нет. Красота Золотой принцессы, несомненно, была создана искусственным путём, но это не имеет значения. Концепция искусственного заключается в том, что оно возвращается к природе. Неважно, отполирован камень бегущей водой или же руками человека, он всё равно остаётся камнем. Если вкратце...

«А, понятно».

Слова, которыми обменивались Райнес и учитель, внезапно просочились в моё сознание.

Золотая принцесса и Серебряная принцесса.

На самом деле я была такой же, как и они. Лекция учителя о косметической магии и её истории поразила меня подобно тем самым иглам.

Я мягко коснулась своего капюшона.

Это были мои невидимые иглы. Лёд, сковавший моё сердце и не желавший таять вне зависимости от того, сколько времени прошло.

Если говорить о стеклянных иглах, то это очевидно не могло ссылаться на что-либо ещё. Тот факт, что я не осознала это раньше, лишний раз показывал, какой же глупой я была. Как бы далеко я ни бежала, собственная глупость всё равно пронзала моё сердце. Била в него. Пускала мне кровь.

«Лучше бы я умерла...»

Я бы предпочла, чтобы эта воображаемая кровь наполнила мою глотку и просто утопила меня.

Пусть на моей шее останутся следы от ногтей, пусть моё лицо побагровеет. Мне было всё равно, как жалко я буду выглядеть, когда рухну на землю. Мне казалось, что для меня это будет самый подходящий способ умереть. Я хотела избежать позора, которым для меня было превращение в призрака, но если этого можно было избежать, тогда...

— Грэй.

Я внезапно осознала, что кто-то назвал моё имя.

— Учитель?..

— В чём дело? Ты побледнела.

Учитель смотрел на меня сверху вниз, привычно нахмурив бровь. Может, он и воспринял выражение моего лица неправильно, решив, что мне нехорошо, но факт того, что он по одному лишь моему лицу понял, что что-то не так, указывал на то, как много времени мы провели вместе.

— Вообще-то я...

Я замолкла на несколько секунд в нерешительности.

Мной начала завладеть растерянность, но я довольно отчётливо помнила свои недавние мысли.

В таком случае я могла описать свои чувства более быстрым и понятным способом, чем прибегать к словам. Я немного сдвинула край капюшона назад.

Когда учитель увидел это, его глаза расширились.

— Грэй! Кажется, я сказал тебе не...

— Нет.

Он тут же начал ругать меня, как я и просила его когда-то, но мне удалось его остановить.

Несмотря на то, что я сдвинула капюшон лишь чуть-чуть, несмотря на то, что пальцы, сделавшие это, будто горели огнём, я наконец-то смогла заставить свои губы двигаться.

— Моё лицо... Думаю, здесь похожий случай... может быть...

— Здесь? Но...

Учитель внезапно замолк, быстро бросив взгляд в сторону.

Вероятно, тем самым он пытался сказать мне, что с нами была Райнес. То, о чём я хотела поговорить, не следовало рассказывать всем подряд. Видимо, догадавшись об этом, Райнес слегка наклонила голову вбок и произнесла:

— Хм. Если проблема во мне, то я могу подождать в сторо...

— Нет, всё нормально... Думаю, Вы тоже должны об этом знать.

Я на секунду перевела взгляд на учителя.

У него на лице читались смешанные чувства, но он, похоже, не собирался возражать.

Я мягко прикоснулась ладонью к своей теперь открытой взору присутствующих щеке.

— Это... не моё родное лицо.

— Что?! — черты Райнес тотчас же исказились в изумлении.

Кстати говоря, Райнес уже не раз указывала на мой капюшон.

«Знаешь, ты будешь гораздо милее, если снимешь этот капюшон».

Она, конечно, лишь дразнила меня, но её слова засели в моей голове.

Если она заинтересовалась мной, то я могла лишь сказать, что мне жаль. Очень жаль, но я не из тех, кто оправдывает ожидания других. В конце концов, я попросту не могла.

— Вы ведь уже знаете про Адда, верно?..

— Эй, ты чего?! Не доставай меня так внезапно! Мне нужно время, чтобы подготовиться!

Я освободила крючок, и из-под плаща показалась клетка. Едва появившись перед нами, Адд бешено задвигал своими глазами и ртом. Если подумать, то в моём родном городке мне помогали расслабиться лишь люди в телевизоре и этот кубик.

— В нём сокрыт Благородный Фантазм.

Ронгоминиад

Я решила не называть его настоящее имя, «Копьё, что сияет на краю света».

Сокровище, которым когда-то владел легендарный король Артур. Для Часовой башни оно имело особое значение. Именно поэтому учитель строго наказал мне никогда не упоминать про него вслух за исключением тех случаев, когда мне приходится его использовать.

Даже сдерживаясь, Райнес внимательно меня слушала. Она не задавала сложных вопросов о том, какова была его истинная природа. Короче говоря, она вела себя, как настоящий маг. Райнес привыкла задавать вопросы, ограниченные конкретными темами, определённой областью. За это я была особенно благодарна.

Кивнув, я продолжила:

— Моя семья... её целью было создать того, кто смог бы владеть содержимым этого куба.

В этом отношении мы были похожи.

Рождённые не просто с целью, а для одной-единственной задачи. Всё уже было решено за нас. Как принцессы появились на свет с целью создания идеальной красоты, так и я родилась, чтобы исполнить чужую роль.

А ещё мы с ними оказались наиболее успешными, чем все остальные.

— Чтобы имитировать того, кто изначально владел этим Благородным Фантазмом, было создано так много... так много людей...

Совсем как семья магов, стремившаяся создать абсолютную красоту.

Моя семья верила, что если им удастся создать кого-то похожего на изначального владельца не только лицом, но и всем остальным – от телесных пропорций до мышечной структуры, внутренних органов и кровеносных сосудов – если им удастся тщательно воссоздать это, то они получат того, кто сможет использовать этот Благородный Фантазм. Разумеется, можно было даже не говорить, что создание точной копии не представлялось возможным в силу множества элементов таинства, которым обладал тот герой старины, но которое было утеряно за многие столетия. Однако если им удастся воссоздать того героя хотя бы физически, то и его божественное сияние не заставит себя ждать. По крайней мере, мои предки верили в это.

Сотни, если не тысячи лет нескончаемых неудач... Я даже представить себе не могла то безумие, которое их охватило. Что главы всех этих поколений видели впереди, обречённые судьбой на это упорное послушание, которое не терпело даже малейших колебаний?

— Поначалу, десять лет назад, всё шло очень даже хорошо.

Десять лет назад.

Не знаю, почему.

По крайней мере, когда я родилась, я была такой же неудачей, как и все прочие. У меня была чрезмерная чувствительность к призракам – нечто, что в моей семье считали благословением – но даже с этим у меня не было причин сомневаться, что я была собой. Ничто не указывало на обратное.

Но десять лет назад.

Взглянув на себя в зеркало, тогда ещё совсем юная я увидела, как её лицо кардинальным образом изменилось.

Да, некоторые едва уловимые черты и особенности моего родного лица остались не тронутыми, но я всё равно с ужасом наблюдала как моё отражение в зеркале постепенно менялось, становясь абсолютно чужим. Я даже могла слышать звуки того, как перестраивается моё тело. Испытывая муки, которые совершенно отличалась от привычной мне боли, я отчётливо слышала, как скрипят и трещат мои кости и мускулы, принимая новые формы.

Утопая в этой невыносимой агонии, я, вцепившись в подушку, пролежала в постели всю ночь, которая, казалось, длилась целую вечность.

Увидев, что моё лицо изменилось и приобрело гораздо более благородные черты, родственники чуть не задушили меня в объятиях, открыто рыдая от радости. Я не знала даже, как на всё это стоило реагировать.

— Тогда же я обрела способность разговаривать с Аддом...

По-видимому, дело было в точности.

Как только я стала достаточно похожа на изначального владельца Благородного Фантазма, фальшивая личность, дремавшая в Тайном знаке, пробудилась. Как бы то ни было, вскоре он стал одним из немногих, с кем я разговаривала.

— Вот как... — едва заметно кивнула Райнес.

Учитель всё это уже знал. Это было своего рода введение. Нечто, о чём мы говорили в первый день нашего знакомства в моём старом доме. Когда я озвучила свою просьбу.

«Пожалуйста... продолжайте и впредь ненавидеть моё лицо».

Сейчас мне кажется, что просить его об этом было очень жестоко с моей стороны.

Мне оно не нравится, так что пусть оно не нравится и Вам. Что может быть эгоистичней? Я просто была так рада, что, в отличие от моей семьи, у кого-то вид моего лица вызвал лишь страх, но даже это не было оправданием.

Однако сейчас думать следовало не об этом.

подавив на время свою суицидальную ненависть к себе, я перешла к сути:

— В её комнате ведь не было ни одного зеркала, не так ли?..

Говоря это, я почувствовала, как у меня начали полыхать щёки.

Возможно, я была совершенно не права. Это даже дедукцией нельзя было назвать, просто высказывание идеи, пришедшей мне в голову. В конце концов, ну не было там зеркал, и что с того? Даже я не верила в то, что это поможет нам распутать дело.

Но ни Райнес, ни учитель не засмеялись надо мной.

Поэтому, вновь спрятав лицо в тени капюшона, я отчаянно попыталась объяснить:

— Мне... было страшно... — несмотря на то, что мой голос дрожал, я не могла остановить поток слов, срывающийся с моих губ. В этот раз пальцы руки,

вернувшие капюшон на место, были холодными, как лёд. — Это лицо в зеркале... смотреть, как моё лицо меняется прямо на глазах... было так страшно...

Почему?

Я просто взяла и честно во всём призналась этим людям. Так просто рассказала им то, чем никогда бы не поделилась ни с кем в своём родном городке. Ощущение было такое, будто я только что исторгла из себя зазубренный камень, но в сравнении со страхом, который я испытала тогда, это чувство едва ли стоило внимания.

— Не то, чтобы я... ненавидела это лицо, — продолжила я.

Разумеется, в нём остались следы моих родных черт. Я изначально обладала этой природой, и мои предки всё равно старались воспроизвести её во мне. Честно говоря, прожив с этим лицом десять лет, я не могла сказать наверняка, где исчезали мои прежние черты, а где начинались уже новые.

Возможно, если бы ничего не произошло, я бы всё равно обрела такое лицо. Или, может быть, по мере взросления моё лицо стало бы совершенно другим.

— Но смотреть в зеркало... даже теперь сама мысль об этом меня пугает... словно мною завладел призрак героя, который умер много веков назад...

— Я понимаю. Этого достаточно, — произнёс учитель, и я почувствовала, как его пальцы коснулись моей щеки.

Я осознала, что из моих глаз текли слёзы. С обеспокоенным видом учитель стёр их с моего лица своим платком.

После этого он, будто скучая, вновь взялся за сигару.

— Изменилось... Да, зрелище, несомненно, ужасающее.

Сквозь пелену, заставшую мои глаза, и дым, поднимающийся от сигары, я не могла разглядеть его лицо.

Капли дождя падали на землю.

Райнес хранила молчание.

Удивительно, но даже Адду нечего было сказать. Несмотря на то, что я раскрыла секрет, о котором знали лишь люди из моего городка и учитель, он не стал надо мной издеваться. Он пытался быть милым со мной? Как бы жалко это ни звучало, он был одним из моих немногих друзей.

Внезапно раздался странный звук.

Всё ещё сжимая сигару, учитель широко распахнул глаза и ударил рукой по коре дерева, к которому он прислонился.

— Стоп, неужели...

— В чём дело, дорогой мой брат? — увидев, как учитель выпучил глаза, Райнес в замешательстве склонила голову вбок.

— Серьёзно?.. Всё действительно так просто? — взяв сигару в рот, он принялся что-то бормотать себе под нос.

Похоже, что он даже не услышал голос своей сестры. Словно поменявшись со мной местами, он полностью погрузился в свои мысли.

— Если дело в этом, тогда расчёты совпадают. Как бы то ни было, это планета, так что сто двадцать градусов – это всё, что им было нужно. Но что касается... нет,

на эту проблему уже есть ответ. Они дополняют друг друга в красоте, поэтому уже достигли бы максимального эффекта... Проблема не в сравнении с Перро или Базиле... Нет, здесь всё гораздо более поверхностно...

Он продолжал бормотать, словно внезапно впав в бредовое состояние.

Его лоб вновь покрылся глубокими морщинами от размышлений. Я не могла сказать, что это его выражение лица мне не нравилось. Да, мне, в отличие от той же Райнес, было не по душе смотреть, как другие страдают или становятся жертвой неудач, но я со временем даже полюбила это выражение лица, появлявшееся так внезапно.

Что за зрелище сейчас разворачивалось в его голове?

Мне даже хотелось увидеть это самой.

Хотелось разделить это с ним.

Меня даже с натяжкой нельзя было назвать умной, но если бы я могла хотя бы мельком взглянуть на мир в его голове... у меня было чувство, что одно лишь это могло меня спасти. Может, это и не избавило бы меня от сомнений и не исправило бы мои недостатки, но я бы всё равно восхищалась этим, словно человек, смотрящий на небо, полное звёзд.

Может быть, точно так же, как он с восхищением смотрел на какого-нибудь гения.

— Всё было наоборот!.. — наконец произнёс учитель. — Солнце не олицетворяло что-то другое. Оно означало именно Солнце. Если использовать в качестве символа само Солнце, тогда всё становится гораздо проще. Нет, подождите... Если это правда, тогда...

Учитель вновь стиснул зубы и со стоном скрипнул ими.

Вновь раздался голос, но отличный от того, что слетал с губ моего учителя, поглощённого мыслями.

— Брат мой уважаемый, если ты хочешь просто прыгать с места в карьер и сразу же разбрасываться умозаключениями – пожалуйста, но ты не мог бы уделить немного больше времени нам? Что ты там говорил про Солнце? — сказала наконец Райнес, не в силах больше выносить его бормотание. Резкость тона выдавала её недовольство.

Но учитель, прижав ладонь к лицу, лишь смотрел в небо.

— Тогда это делает возможной наихудшую из вероятностей, не так ли? Почему я не осознал этого раньше? Чем я занимался всё это время?! Если бы я промедлил ещё немного, кто знает, что бы тогда произошло?!

Мне казалось, что я почти могла слышать, как скрипели его зубы.

Учитель наконец повернулся, но не к Райнес, а ко мне.

— Грэй.

— Д-да?

Внезапно услышав своё имя, я напряжённо кивнула. Словно от страха того, что он мог прочесть мои мысли, моё сердце бешено заколотилось. Вероятно, благодаря капюшону он не заметил, как я покраснела.

Но, не обратив на всё это внимания, он просто продолжил:

— У меня есть к тебе одна просьба.

Вернёмся немного назад во времени.

Незадолго до того, как Флат добрался до Лорда Байрона, одна магесса, пребывавшая в Башне Луны, кивнула головой.

— Вот как. Значит, таков твой ход, — негромко пробормотала Аозаки Токо.

Над чашкой с чаем, стоявшей на столе перед ней, поднимался лёгкий пар.

Семья Изельма выделила это место специально для неё, чтобы она могла проводить здесь свои исследования. Сквозь квадратные окна в её комнате она могла видеть тёмные тучи, пытающиеся заполнить вечернее небо. Не то, чтобы она не знала о том, насколько нестабильной бывает погода в приозёрной местности, но даже так изменение было слишком уж радикальным для того, чтобы можно было назвать это природным явлением.

Несмотря на то, что она смотрела на происходящее снаружи, в глазах её отражался вовсе не вид из окна.

Слуга магов. В зависимости от школы магии они могли называться фамильярами, агатионами или, как на Дальнем Востоке, сикигами.

Токо, разумеется, использовала марионетку. Заинтересовавшись слухами об одном маге, который с помощью стальных нитей создавал фамильяров в Четвёртой Войне за Святой Грааль, она сама сделала марионетку из пружин, шестерней и струн.

Впрочем, если взглянуть на неё теперь, она не была похожа на то, что было создано из столь надуманной прихоти. Для Токо создавать марионетку, служившую лишь одной конкретной цели и не обладавшую никакими другими особенностями, было, попросту говоря, скучно.

Облицованные латунью крылья, глаза-рубины – эта марионетка парила над другой башней, близнецом той, где сейчас находилась Токо.

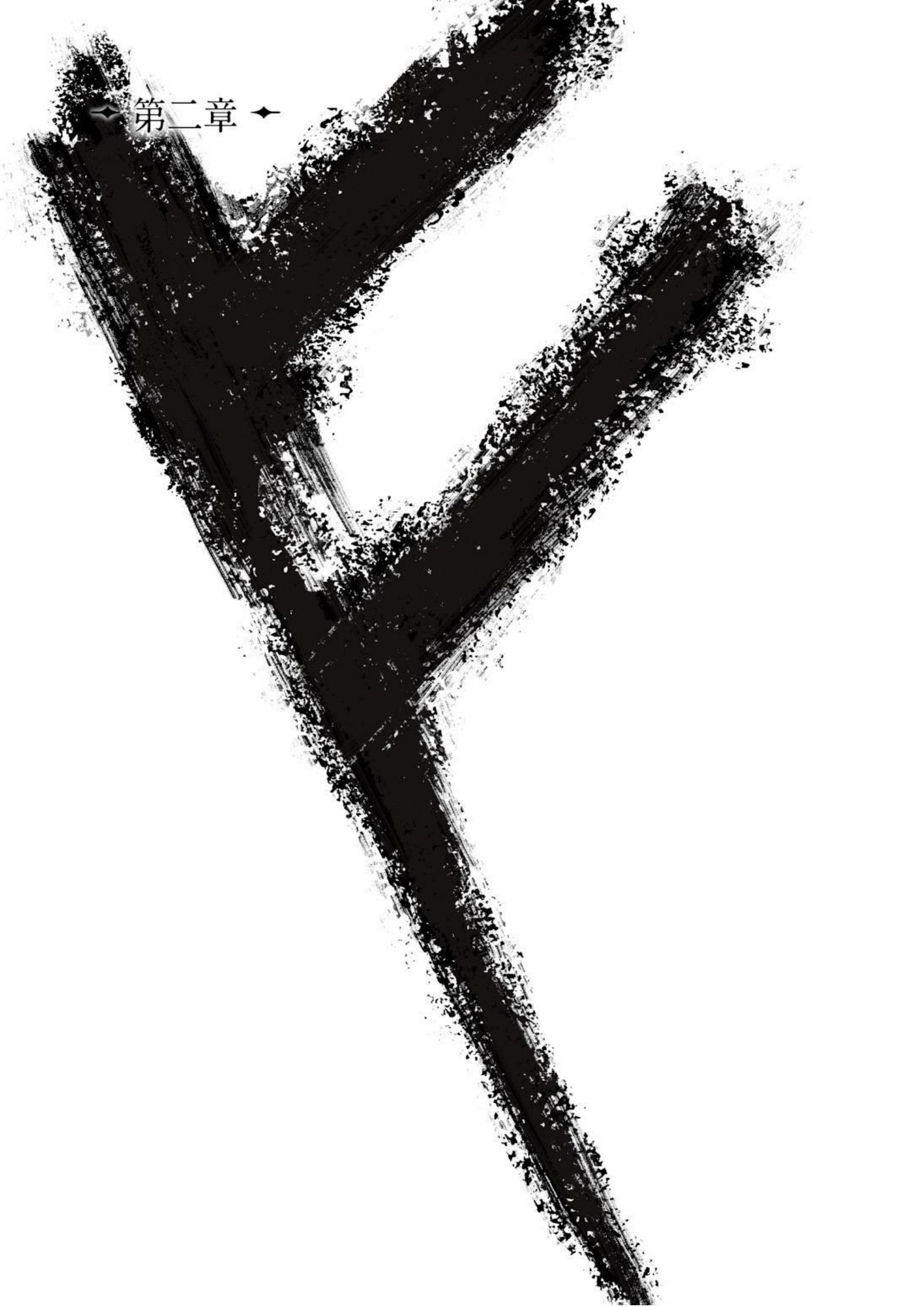
— Ну, это та ещё морока, но услуга есть услуга.

Негромко вздохнув, Токо встала.

Её взгляд тут же устремился вниз и замер на объекте, что ждал своего часа.

Это было нечто простецкое и чрезмерно большое, привезённая ею странная сумка, которая лежала в углу комнаты.

第二章 ◆

Глава 2

1

Майо и Исло укрылись в Башне Луны.

Следуя приказу Лорда Байрона, они отступили в свою совмещённую мастерскую, чтобы избежать сражения. В отличие от основной мастерской, обустроенной на вершине башни, эта, временная, находилась под землёй. Помимо того, что подобное размещение намекало на очевидные попытки избежать смешивания магической энергии и маны между двумя группами, оно также служило довольно точной метафорой их совместимости.

Разумеется, как и в Часовой башне, расположение под землёй давало преимущество, когда дело касалось магической энергии, но, учитывая, что магия Изельма полагалась на движения небесных тел, здесь явно были и другие, более внушительные плюсы.

Они сидели на значительном расстоянии друг от друга.

Мастерская и её каменные стены содержали в себе не только стандартные и вполне ожидаемые вещи – дистилляторы, например, и философские камни – но и фармацевтические принадлежности вроде ступок и пестиков, а также ремесленные приспособления – веретёна и ткацкий станок.

Разумеется, всё это предназначалось для Майо и Исло. Их можно было назвать образцовыми представителями магов, которых призывали оказать помощь в создании Золотой и Серебряной принцесс.

Совершенной красоты, открывшейся прошлой ночью, от которой теперь остались лишь фрагменты.

— Что нам... делать?.. — чуть ли не бессознательно произнёс Исло.

Его сложно заплетённые волосы начали покачиваться.

Он никогда не видел ничего интересного ни в людях, ни в обществе. На самом деле даже к магии, обретение которой стоило ему невероятных страданий, он не испытывал каких-то сильных чувств.

Ему хотелось лишь создать что-нибудь прекрасное. Несомненно, в этом своём стремлении он был в семье не один, поскольку она многими поколениями помогала Изельма в их ремесле. Но Исло считал, что единственными, кто был достоин носить его платья, были две принцессы.

Нет, даже он чувствовал, что его попытки извлечь их красоту своими творениями послужили значительным подспорьем в оттачивании его навыков. Он не только становился лучше в дизайне одежды, но и совершенствовал свои навыки мага, создавая одеяния, которые сами по себе являлись своего рода Тайными знаками.

Тайными знаками, принадлежавшими Золотой и Серебряной принцессам.

Они не были тем, что, как правило, считалось Тайными знаками: простым объектом, предназначенным для расходования магической энергии в процессе воплощения сверхъестественного феномена. Нет, они были лишь инструментами, призванными извлечь ещё больше красоты из принцесс, сущность которых Райнес, как ни странно, смогла заметить.

«Обрати свой взор на красоту и тогда сам станешь красивее».

Как семья Изельма многими поколениями улучшала Золотую и Серебряную принцесс в магическом и физическом плане, так и семья Себунан совершенствовала своё ремесло. Исло Себунан был человеком, который стоял в конце всего этого, результатом усилий его семьи.

В сравнении с ним...

— Я... я...

...фармацевтом Майо двигало несколько иное вдохновение.

Он пощипывал пальцами область своего лица в районе рта. Само же лицо было совершенно нездорового, бледного оттенка. Пытаясь побороть своё непрекращающееся заикание, он смог выдавить из себя слова, описывавшие его внутренние чувства:

— Я... Диа... то есть Золотая принцесса...

Исло прищурился.

Скрыв уныние в собственном взгляде, он хрипло произнёс:

— Ты и Диадра... много играли вместе, не так ли?

Лицо Майо тотчас же помрачнело.

Это была правда. С тех времён, когда они были лишь юными кандидатками на становление Золотой и Серебряной принцессами, он был их другом детства. Маги из разных семей довольно редко проводили так много времени вместе в юные годы, но в данном случае это было практической необходимостью, призванной постичь природу их тел как можно раньше. В конце концов, доктору нужно знать гораздо больше о теле пациента, чем самому пациенту. Представители семьи Майо – Клиnellы – много поколений служили фармацевтами для семьи Изельма, и за всё это время большое количество контакта между их семьями стало критическим.

С точки зрения Майо, его навыки предназначались лишь для поддержки девочек ещё до их рождения.

— П-почему ты это с-сказал? С чего в-вдруг?

— Калина и её сестра... тоже часто были рядом, да?

— Они всегда знали, в-во что можно п-поиграть... — тихо ответил Майо.

Горничные-близняшки были кельтского происхождения и знали много уникальных игр. Не только Диадра и Эстелла, но и даже Майо зачастую принимал в них участие.

— Д-Диадра очень любила «к-классики». У неё получалось г-гораздо лучше, чем у меня.

— Ах... — вздохнул Исло, не вставая с места. — Мне... они тоже нравились...

— Что?

Майо повернулся к нему, удивлённый столь внезапным признанием.

— Ты в-ведь почти никогда н-не участвовал, разве н-нет?

— Если не считать Эстеллу и Реджину... всякий раз, когда я пытался поиграть с Диадрой... ты ужасно злился, не так ли?

Майо сглотнул, не зная, что сказать.

Бессмысленно было пытаться обмануть старого друга. Как бы сильно они ни были магами, их симпатии и предубеждения ничем не отличались от таковых у обычных людей, особенно в столь юном возрасте. Его маленькие чувства, его небольшая ревность, он помнил их все. И вместе с ними он вырос, просто добавив природу мага к тому, что уже было в его душе.

— Я...

Он больше не мог сказать что-то ещё. Ему казалось, что обуревавшие его чувства вот-вот выплеснутся из него сами по себе, но он не мог облечь их в слова. Как, впрочем, и всегда.

— Я... н-не испытываю к тебе... н-неприязни...

— А-а... — Исло кивнул. Лицо его тоже было болезненно бледным.

Словно давая словам время улечься в их головах, он помолчал немного, прежде чем заговорить вновь:

— Майо... думаешь, это те, кто напал на нас... убили принцессу?

— Я не знаю.

Майо слабо покачал головой. Честно говоря, он вообще ни о чём не хотел думать. Ему хотелось лишь свернуться в клубок на полу и уснуть. Закрыть глаза на весь мир... насколько радостнее бы он стал тогда? Говорят, что среди магов есть те, кто может использовать самовнушение для проведения «Полевой зачистки», умственного разложения и очистки для полного избавления от стресса, но Майо хотел гораздо более совершенной формы саморазрушения. Полностью разложить душу вплоть до того, что каждый минутный кусочек станет бессмысленным, и затем никогда больше не собирать воедино. Нет, с самого начала было бы гораздо лучше, если бы он вообще не родился. Тогда ему не пришлось бы испытать потерю той, с кем он был так близок.

Сколько времени уже прошло?

Дверь отворилась.

Майо и Исло затаили дыхание.

Несмотря на то, что на пороге появилась та, кого они оба очень хорошо знали, она каким-то образом казалась ещё прекраснее, чем прежде. Живое воплощение небесных куш сопровождала горничная.

— Эс-Эстелла, Реджина... — произнёс Майо их имена.

Майо с малых лет был близким другом Серебряной принцессы, однако теперь её лицо как будто принадлежало кому-то чужому.

Нет... даже это лицо было результатом их работы. Как и в случае с почившей Золотой принцессой, они приложили все усилия, чтобы сотворить величайшую красоту и в ней.

— Значит, вы были здесь? Я рада.

Даже её голос звучал во много раз прекраснее любого музыкального инструмента.

Если бы она вернула себе хотя бы крохи того, какой она была в детстве... можно ли это было бы счесть жестоким? Чтобы создать эту идеальную, изолированную красоту, она была лишена всего ненужного. Теперь имя «Серебряная принцесса» казалось гораздо более уместным, чем «Эстелла Вальюэлета Изельма». Как это было и с Золотой принцессой.

— Тебе... что-то нужно, Эстелла?

Однако Майо упорно продолжал называть её так.

— Принцесса... — начала говорить её горничная, но принцесса жестом остановила её. Затем она открыла рот и заговорила сама:

— Могу я попросить вас о помощи?

Майо и Исло молча переглянулись. Однако, прежде чем они успели ответить, она продолжила:

— Я полагаю, что мою сестру убила Лорд Вальюэлета.

Из глотки Майо вырвался звук, будто он поперхнулся. Исло же не проронил ни слова.

В итоге фармацевт подал голос первым:

— П-Почему?

— Изельма - дочерняя семья Вальюэлета. Если мы добьёмся слишком большого успеха, это явно не будет выгодно основной семье.

Если подчинённые становятся слишком успешными, то их начальник оказывается под угрозой. Это была истина, которую во всём мире принимали как данность. Если бы просьбу Золотой принцессы о предоставлении убежища удовлетворили, то Лорд Байрон, разумеется, лишился бы репутации, но управление дочерними семьями неизбежно ложилось на плечи Лорда Вальюэлета.

Именно поэтому она и предполагала, что настоящим преступником была старая женщина.

Это была рациональная гипотеза. Учитывая техники, которыми владела Вальюэлета, порезать Золотую принцессу на куски в собственной комнате было бы для неё легче лёгкого, а если Калина что-то заподозрила, то было бы вполне резонно с её стороны избавиться от свидетельницы и повесить убийство на тот автономный Тайный знак.

И поэтому...

Майо молча сидел какое-то время, напрягшись всем телом, после чего поднял голову.

Собрав в кулак то, что можно было назвать его решимостью, он спросил:

— К-каков план?

Солнце наконец проиграло битву против надвигающихся грозовых облаков.

В лесу, где и в лучшие-то времена было довольно темно, мощный ливень падал во тьму, непроницаемую для всего, кроме усиленных глаз мага.

И в этой тьме стоял смуглокожий молодой человек, окидывая взглядом поле боя.

Не обращая внимания на дождь, он раздражённо вздохнул.

— Вы уже должны были достичь башен-близнецов Изельма, но... похоже, что возникли непредвиденные обстоятельства.

— Примите наши извинения...

Агрессоры в капюшонах склонили колени перед появившимся мужчиной.

Сам он, не удостоив их даже взглядом, начал медленно идти вперёд.

— Атрам Галиаста, — сказал он и меланхолично нахмурился, словно представляться для него было позорно. Несомненно, он намеревался огласить своё имя непосредственно перед башнями. — Так меня зовут. Я смотрю, Вы обзавелись весьма интересными детишками, Лорд Байрон. Впрочем, должен признать, им явно не хватает характера.

— Это ученики... одного из моих гостей, — произнёс Байрон, качая головой, будто ещё не до конца принял тот факт, что к нему подоспело подкрепление.

— Серьёзно? Я Вам завидую. Вы настолько популярны, что даже люди, которых Вы знать не знаете, пришли Вам на помощь. Как и ожидалось, ветераны Европы находятся на совершенно ином уровне. Там, откуда я родом, даже споры между членами семьи зачастую заканчивались кровопролитием, знаете ли.

Атрам вздохнул и деланно поморщился, словно у него разболелась голова, после чего продолжил:

— Итак, что скажете? Мои друзья наверняка Вас уже спрашивали, но, может, Вы всё-таки отдадите нам тот талисман?

— Вы уже знаете, что я на это отвечу...

Как и ожидалось, Лорд Байрон ни за что бы не подчинился. В конце концов, если бы он хотел сдаться, то не стал бы перехватывать агрессоров в лесу. Он бы просто спокойно ждал в своей башне и отдал талисман по их прибытии.

Напряжение между ними нарастало. И молодой человек первым превратил это напряжение в нечто совершенно другое.

Сделав шаг вперёд по сырой земле, он широко распростёр руки.

— Значит, война, — произнёс он, словно актёр на сцене. — Война, война, война... ах, какое варварское слово. То, что семья Изельма решила остановиться на этом выборе, несомненно, весьма и весьма прискорбно.

Атрам покачал головой, будто обуреваемый сожалением.

Но несмотря на это, он даже не попытался скрыть грубую улыбку, перекосившую его лицо. Улыбку, говорившую о том, что, несмотря на его слова, это варварство было одним из самых величайших наслаждений в его жизни.

Практически любой маг был готов рискнуть своей жизнью в подобной битве. Поле боя было не самым хорошим средством для применения какой-то конкретной магии, оттачивания инстинктов и пробуждения воли к сражению, но ситуация, вынуждающая человека выжимать максимум из его сил и жизни, была благодатной почвой для развития магии.

Но даже так количество магов, которые действительно любили сражаться, было неожиданно небольшим. В лучшем случае это было просто средство для достижения цели. Разумеется, рисковать раскрытием существования таинств или повреждением Магической метки, выкованной предками, в подобных авантюрных гамбитах, как правило, не нужно было.

Однако Атрам Галиаста не относился ни к тем, ни к другим.

Прекрасный в своей простоте процесс – победа сама по себе была тем, к чему он стремился.

— Но если такова Ваша воля, то с этим ничего не поделаешь. Невзирая на отсутствие опыта, я, Атрам Галиаста, приложу все усилия в качестве Вашего противника.

— Подождите, — вдруг раздался голос.

Взгляд Атрама метнулся туда, где стоял Свен.

— Лорд Байрон, у меня есть просьба.

— Просьба?

— Если мы избавимся от этих агрессоров, я бы хотел, чтобы Вы вернули нашему профессору... леди Райнес Объёмную ртуть.

— Вот как... — Лорд Байрон затих, не в силах дать ответ сразу. Атрам тотчас же воспользовался этим и произнёс:

— Не влезай, пожалуйста. В лучшем случае ты просто тратишь наше драгоценное время. Твои жалкие проблемы мне не интересны.

Сунув руку во внутренний карман своего костюма, он извлёк небольшой чашеобразный предмет.

— Первобытные батареи... Вам знаком этот термин?

Самые древние батареи в мире были обнаружены на окраинах Среднего Востока.

Вместо того, чтобы использовать их для хранения электроэнергии, считалось, что их разработали в попытке создать инструменты, применяемые в процессе золочения. Но метод их создания среди магов остался неизменным и передавался из поколения в поколение с целью, совершенно отличной от той, что преследовало научное сообщество.

И когда одна из таких семей магов полностью выродилась, Галиаста пустили в ход своё невероятное богатство и заполучили секрет батарей.

Будучи уже вовлечёнными в магию минерального и компенсационного типов, эти батареи идеально им подходили. В конце концов, они могли сплести электричество, которое хранили эти приспособления, с собственной магической энергией.

Таким образом они обрели контроль над силой, которая считалась божественной практически во всех древних землях. И с помощью этой силы они добились невероятного процветания. Разумеется, заклинания, управляющие погодой, не заставили себя долго ждать.

Выплеснись

— Неистовствуй.

С этим словом электричество приняло форму огромной руки.

Скорость, с которой она атаковала, была молниеносной. В мгновение ока прорвавшись сквозь сопротивление воздуха, словно его и не существовало вовсе, она обрушилась на юношу.

В ответ фантазменный волк взревел.

Обе эти техники переполняла магическая энергия. Молния и свет – да, среда была разной, но движущая сила обеих таинств оставалась неизменной. Короче говоря, более великое таинство, несомненно, сокрушит другое.

Молния и вой столкнулись, рассыпав невидимые искры, распылившие капли дождя вокруг них, сплелись в мешанину магической энергии и быстро рассеялись.

Судя по всему, столкновение закончилось ничьей.

В плане мощи молния Атрама явно была сильнее, но, как только дождь и ветер свели на нет поднявшееся облако пыли, все увидели, что фантазменный волк Свен всё ещё стоял на ногах с вызывающим видом.

— Весьма впечатляет, — пробился между клыков его голос. — Если брать магию в целом, то это была всего лишь второсортная показуха. Но в настоящем бою это, несомненно, высокий уровень мастерства.

— Второсортная показуха, значит? Сильные слова, особенно из уст ребёнка вроде тебя, — ответил Атрам с жестокой ухмылкой.

Не дрогнув перед жадной кровью, которой сочился голос Атрама, фантазменный волк продолжил:

— Ты ведь и сам это понимаешь, не так ли? Мой профессор раскусил бы эту технику в мгновение ока. Да, твоя магия безупречна, в этом сомнений нет. Как инструмент для нанесения вреда людям, для использования в бою, она более чем идеальна. Но магия предназначена не для этого, — Свен фыркнул. — Ты не маг, а, скорее, самый обычный заклинатель.

Насколько сильно эти слова попали в цель? Глаза Атрама расширились, в них закипела ярость. Он пропустил через Магические цепи энергию, объём которой во много раз превышал предыдущий, и активировал свою метку, вливая эту энергию в батарею. Заклинание, купленное семьёй Галиаста, преобразовало её в молнию с предельной эффективностью.

Это было похоже на дракона.

Любой, кто увидел бы происходящее, наверняка с лёгкостью представил бы себе челюсти этого ужасного существа, разверзающиеся перед ним.

Пресекая все попытки сбежать, дракон из молний устремился вперёд, чтобы проглотить Свена... который исчез за мгновение до столкновения.

С непостижимой для человеческого глаза скоростью Свен отпрыгнул в сторону.

Собравшиеся маги вскрикнули от изумления, когда Свен, снося на своём пути ветки и стволы деревьев, обрушился на них, словно метеор, направив свои когти прямо в голову Атрама.

*

Тем временем, недалеко от противоположной части леса.

Ветер и дождь порождали на травяной поверхности волны, очень похожие на океанские, которые, казалось, вот-вот проглотят прорезавшую траву узкую тропу. Из-за этого тропа, по которой ступали лишь маги, то исчезала из виду, то снова появлялась, будто под воздействием самой магии.

Однако теперь на этом эфемерном пути высилась большая фигура.

Лошадь, запряжённая в повозку.

Перед открытой дверью экипажа стоял крупный мужчина, раболепно держа раскрытый зонт над головой старой женщины.

Однако, прежде чем она успела сесть в повозку, в воздухе звонком колокольчика раздался потрясающе красивый голос:

— Стойте!

Его красоты было достаточно для того, чтобы лишить само слово «красота» всякого смысла. Несмотря на то, что зрелище травы, трепещущей под натиском бушующего урагана, едва ли можно было назвать примечательным, одно лишь присутствие этой женщины превращало его в произведение искусства, которое навсегда запечатлется в памяти всех, кто его увидит. Ничего прекраснее в их жизни уже никогда не будет. Хорошо это или плохо – уже другой вопрос.

Услышав голос, старая женщина повернулась.

Лорд Вальюэлета.

Полное имя – Инорай Вальюэлета Атрохолм.

— О, да ведь это же Серебряная принцесса, — произнесла она с широкой улыбкой на лице.

По тропе к ним приближалась принцесса, следом за которой шла её горничная Реджина.

— Чем могу помочь? Может, я просто ослышалась в силу своего возраста, но, похоже, ты довольно странно ко мне обратилась.

— Я сказала «стойте», — повторила принцесса.

Инорай присвистнула.

— Приказываешь мне? Знаешь, мне даже нравится, когда собеседник отбрасывает всю эту напускную вежливость, но такой грубости даже я прежде себе не позволяла.

— Это Вы убили Золотую принцессу, не так ли? — без всякого промедления принцесса перешла сразу к сути дела.

Никаких ухищрений, никакого эвфемизма. Просто вопрос, настолько прямой, насколько это было возможно. Реджина напряжённо смотрела на принцессу, словно для неё это был единственный способ поддержать свою хозяйку.

— О? — глаза Инорай расширились. — Значит, вот, что ты думаешь. Интересно. Разумеется, я тоже одна из подозреваемых. Ах, наверное, с моей стороны было весьма подозрительно остаться при осмотре тела, да? Я сделала это по доброте душевной, но, если взглянуть со стороны, то могло показаться, будто я пытаюсь избавиться от улики, верно?

— Вы тоже были замешаны с самого начала, да, Мик?

— Вовсе нет, — ответил он и поскрёб пальцами голову.

Человек, заявивший Райнес, что он шпион – Мик Градзилье – уверенно стоял рядом с Инорай, словно её личный слуга. Он был магом, связанным с факультетом проклятий.
Дзигмариэ

— Конечно, я немного использовал свои внешние связи, но точно не делал ничего такого, чтобы меня можно было назвать сообщником.

— Какая наглость. Полагаю, под «внешними связями» подразумеваются маги, которых Вы позвали, чтобы напасть на нас?

— Это не совсем так, — вставила своё слово Инорай, чьи губы слегка изогнулись в улыбке.

Выглядела эта улыбка точно так же, как и всегда, но это лишь добавляло глубины невыразимой тьме, что за ней скрывалась.

— Галиаста смогли осторожно выяснить, что я присутствую здесь, и связались с нами. Они попросили, чтобы «Лорд Вальюэлета не вмешивалась». Я согласилась на это, но сама точно ни о чём их не просила. Мик же лишь действовал в качестве посредника, не более.

— Хотите сказать, что явились на светскую встречу, даже не зная, что Галиаста планируют напасть на нас?

— Эй, какой бы коварной ты меня ни считала, я не могу стоять за каждым преступлением. Оставь это всяким конспирологам. Впрочем, думаю, существование магического общества само по себе тема для конспирологии. Как грубо с моей стороны, — Инорай тихо рассмеялась.

Зонт не мог полностью защитить её, и поэтому шаль Инорай колыхалась под натиском дождя и ветра.

— Ладно, давай предположим, что я и есть убийца. Что ты с этим будешь делать? Обратишься в Часовую башню с требованием судить меня? Не уверена, что ты можешь ожидать честного суда. Система правосудия в принципе работает из рук вон плохо во всём мире, так что думать, что она поможет чего-то добиться в мире магов, в лучшем случае, наивно. А если Лорд Эль-Меллой II не врал, то она ещё до своей смерти планировала податься в отступники. Как глава факультета созидания,
Вальюэ я имею полное право наказать её за это. Как бы ты ни старалась, в лучшем случае ты

добьёшься лишь небольшого изменения в балансе сил во внутренней борьбе Часовой башни.

— В таком случае убейте меня прямо сейчас, — чуть ли не шёпотом ответила принцесса.

Услышав это, Мик выпучил глаза, в то время как Реджина просто молча стояла рядом с хозяйкой.

Помассировав пальцами висок пару секунд, Инорай вновь заговорила:

— Вот как... Значит, вот она, твоя козырная карта?

— Да. Если за убийствами стоите Вы, то и от меня избавиться Вам не составит труда. Но если Вы сделаете это, об этом узнают все. Тем, кто позвал сюда Галиаста, тем, кто отнял жизни обеих принцесс Изельма, была не кто иная, как сама Лорд Вальюэлета. Вашей репутации придёт конец.

Сказав это, она повернулась в сторону близлежащего холма. Благодаря усиленным чувствам магов, они с лёгкостью различили стоявшие там две фигуры.

— Уверена, Вы всё поняли. За нами сейчас наблюдают Майо и Исло. Да, они сильно связаны с семьёй Изельма, но при этом оба являются частью нейтральной фракции Мелуастеа. Даже Вы не сможете заткнуть им рот.

Вальюэлета были связаны с демократической фракцией.

Короче говоря, это были те, кто верили, что даже «ню-эйджеров» нужно допустить к власти. Эта фракция стремилась реорганизовать Часовую башню. Какое бы высокое положение ни занимал маг, отгородиться от этой фракционной борьбы было далеко не так просто. Разумеется, для кого-то из трёх великих аристократических семей Часовой башни подобное было возможно, но это повлекло бы за собой определённые риски.

— Значит, ты ставишь на кон собственную жизнь. Как же тяжело с тобой в последнее время, да, принцесса? При других обстоятельствах мне бы такое поведение даже понравилось, — раздражённо произнесла Инорай, прикрыв один глаз.

— Если Вы не хотите всего этого, тогда почему не отзовёте агрессоров?

— Эй, ты вообще слышала, что я сказала? Я связана с этими ребятами лишь тем, что они попросили меня не вмешиваться. То, что я Лорд или член одной из трёх великих аристократических семей, мало что значит здесь в лесу, знаешь ли.

Её голос нельзя было в полной мере назвать ни холодным, ни безразличным. Просто так уж всё сложилось. Вот что она будто бы хотела сказать этими словами.

Как и в случае с её склонностью наслаждаться плодами современной науки, эта женщина была реалистом.

Плечи принцессы начали дрожать.

Даже если таким образом выражался её гнев, это всё равно было прекрасно. Если она была конечным результатом усилий Изельма по созданию совершенной красоты, то, разумеется, это будет отражаться даже в её чувствах и характере.

— Тогда... я... — начала она, словно пытаясь укрепить свою решимость.

— П... подождите! — раздался крик.

Со стороны, противоположной той, откуда пришла Серебряная принцесса, появился мужчина в чёрном костюме, задыхаясь от бега.

— П-прошу вас, подождите!

— Ты в порядке? Может, присядешь, брат? — слышался едкий голос. За его спиной, со спокойным видом поправляя свой берет, показалась Райнес Эль-Меллой Арчизорт.

— Лорд Эль-Меллой II... — прошептала Реджина.

Там, под проливным дождём, тяжела дыша и упёршись руками в колени, стоял не кто иной, как молодой Лорд.

Давайте взглянем на ситуацию с точки зрения мага и попробуем обсудить её здраво.

Не считая некоторых случаев, когда мы говорим про усиление тела мага, то, как правило, имеем в виду увеличение силы мускулов и подвижности. Но это не обязательно включает в себя повышенную выносливость. Поскольку физическое напряжение во время использования магии истощает как физическую энергию, так и умственную, это, скорее всего, будет иметь отрицательный эффект.

Разумеется, всё это зависит от навыков и талантов мага. Известно довольно много примеров тех, кто достаточно талантлив в усилении и способен использовать его практически без вреда для выносливости.

Короче говоря, факт того, что он запыхался, говорил о нём как о Лорде далеко не с лучшей стороны.

— Я... успел! — пытаюсь отдышаться, Лорд Эль-Меллой II поднял взгляд на женщин, стоявших перед ним. Повернувшись к одной из них, он продолжил: — Вы хотели сбежать, не так ли, Лорд Вальюэлета?

— Эй, проявите уважение, — огрызнулась старая женщина, блеснув в улыбке хорошо ухоженными зубами. — Изельма, может, и дочерняя семья Вальюэлета, но это не значит, что они находятся под нашей безусловной защитой. Если Галиаста заявили сюда с такой эффектной демонстрацией силы, значит, что-то здесь нечисто. Разумнее будет во всём разобраться уже после того, как всё утихнет.

— Верно. Я так и думал, что Вы это скажете, — смиренно кивнув, ответил Лорд Эль-Меллой II. Затем он обратил своё внимание на принцессу. — А Серебряная принцесса, значит, явилась сюда, чтобы попытаться Вас остановить. Потому что если Лорд Вальюэлета уйдёт со сцены, то Галиаста уже ничто не воспрепятствует.

Видя, что принцесса продолжала хранить молчание, он продолжил:

— И Вы обвинили в убийствах Лорда Вальюэлета, не так ли?

— Значит, Вы всё слышали?..

— Нет, к сожалению, все мои силы ушли только на то, чтобы поспеть сюда вовремя.

Использовать усиление восприятия, чтобы отыскать в урагане повозку и затем броситься к ней со всех ног, он вполне мог, но одно лишь это уже было на пределе его возможностей. Таланты всё равно не позволяли ему усилить слух, чтобы подслушать их разговор, но его сбивчивое дыхание служило достаточным доказательством тому, что он потратил все свои силы, только чтобы добраться сюда.

— Я просто понял истинную природу этого дела, вот и всё.

Да, осознание того, что происходило, пришло к нему лишь несколькими секундами ранее. Мысль, что преступницей была Серебряная принцесса... или, скорее, то, что для принцессы было бы очень удобно обвинить в убийствах Лорда

Вальюэлета. Этот случай не заключался в поисках виновника некого преступления. Это, скорее, был просто один из ликов межфракционной войны Часовой башни.

— И я, кажется, говорил, что беру на себя расследование этого дела.

— Эй, — подал голос Мик. Смуглокожий мужчина выглядел так, словно и не подозревал, что мокнет под дождём. — Вы всё ещё всерьёз планируете строить из себя детектива? Даже если Вы всё поняли, теперь это уже неважно.

Всё ещё держа зонт над Инорай, он поскрёб пальцами свой подбородок.

Но...

— Если он бросил все силы на то, чтобы поспешить сюда и сказать нам об этом, значит, это всё-таки важно. Не так ли, Лорд? — произнесла Инорай.

— Да. Я солидарен с Серебряной принцессой. Для меня тоже будет проблематично, если Вы сбежите.

— Можете говорить это сколько душе угодно, но я уже сказала, что мне незачем здесь оставаться, — фыркнув, ответила Инорай. Принцесса злобно глянула на неё из-под своей вуали.

Эль-Меллой II сильно нахмурился и наконец заговорил вновь:

— В таком случае заключим сделку.

— Сделку?

— По крайней мере, в интересах как Лорда Вальюэлета, так и Серебряной принцессы будет остановить агрессоров, не так ли?

— Легко сказать. Если они добровольно рискуют жизнями, напад на Изельма, значит, они настроены решительно. С тем, что мы сейчас имеем, нет никаких гарантий, что нам удастся их остановить. Сомневаюсь даже, что мы сможем заставить их остановиться, чтобы просто поговорить.

То, что сказала Инорай, было более чем очевидно.

Здесь, в этом лесу, Атрам уже объявил войну. И покончить с этим полномасштабным конфликтом было гораздо сложнее, чем привести его в движение. Даже если вовлечённые участники были магами, подобная попытка пойти против человеческой психологии зачастую была проигрышной битвой.

— У меня есть идея.

В ответ на неозвученный вопрос Лорд Эль-Меллой II предложил свой план.

Не только старая женщина, но и принцесса, Мик и даже горничная Реджина бурно отреагировали на сложность этого плана.

После долгой паузы Инорай наконец едва заметно кивнула.

— Ясно. И кто именно это провернёт? Уж точно не Вы, да, Лорд Эль-Меллой II?

— В таком случае я возьму это на себя, — произнесла девушка, которая до этого лишь наблюдала за происходящим.

Услышав эти слова, Инорай и принцесса развернулись.

Помимо молодого Лорда, там стоял ещё один человек. Настоящая наследница титула Эль-Меллой. Та, кто усадила преподавателя третьего класса в кресло Лорда, когда ей самой было лишь семь или восемь лет от роду.

— Ради плана моего брата я займусь агрессорами. Разумеется, для этого я одолжу немного сил, — заявила Райнес Эль-Меллой Арчизорт.

В то время, как все, кроме самого Эль-Меллой II, переглянулись между собой, раздался ещё один, совершенно другой голос:

— Ч-что вы делаете?! — пробиваясь сквозь заикание, закричал Майо.

За его спиной стоял Исло, настороженно осматриваясь. Несмотря на то, что изначально они должны были стоять на холме и стать свидетелями, если Инорай решит убить Серебряную принцессу, они решили спуститься со своего пункта наблюдения, когда увидели, что ситуация изменилась с прибытием Эль-Меллой II. Несмотря на то, что Майо по-прежнему держался слабо и робко, он тем не менее заслонил собой свою подругу детства, скрывая какой-то Тайный знак в глубинах пиджака.

В ответ на это...

— Как раз вовремя, — сказал Эль-Меллой II, уголки губ которого поползли вверх. — Вы двое тоже мне пригодитесь.

— А иначе выразиться ты не мог, дорогой мой брат? — издевательски заметила Райнес, на что её брат закашлялся, прочищая горло. — Я не буду вдаваться в детали, но у моего брата было довольно сложное прошлое. Нам нужно быть начеку и держать его в узде, иначе кто знает, куда ещё его занесёт?

— Мне одному в слове «ещё» почувствовалась некая злоба?

— Ну, — хихикнув, отозвалась Райнес, губы которой начали растягиваться в довольной улыбке, — я в принципе особа злобная, так что, боюсь, такое обвинение меня никак не заденет.

Поскольку Майо и Исло, чьи взгляды метались между другими присутствующими, не проронили ни слова, следующей подала голос Инорай:

— Кстати... куда подевалась Ваша ученица?

*

Глаза Свена мало что видели, помимо извращённой улыбки Атрама.

Однако нюх его никогда не подводил.

«Треугольный, броский жёлтый...»

Единожды втянув носом воздух, он моментально понял характер магии его противника.

Капли дождя испарялись в воздухе. Над головой Атрама раскинулась невидимая электрическая сеть. Ловушка, созданная им ранее, которая указывала на то, что его ярость, вызванная тем, что его называли «заклинателем», была лишь уловкой, призванной завлечь Свена в этот капкан. От осознания этого Свен содрогнулся.

Если смотреть с точки зрения обычного мага, то в чистой силе Атрама не было ничего особенного. Возможно, это был предел самих Первобытных батарей, но любой из старой гвардии класса Эль-Меллоев смог бы отточить это заклинание

сильнее. Однако, если рассматривать способности в реальном бою, которые выходили далеко за пределы сферы самой магии, Атрам был значительно сильнее.

В мгновение ока Свен вытянул заднюю лапу своей иллюзии, тем самым слегка изменив положение в воздухе, и запрыгнул на стоявшее рядом дерево.

Избежав попадания в электрическую сеть, которую Атрам возвёл для него, он привёл в движение свою магическую энергию, готовясь разорвать врага на части. Даже если противник собирался использовать тонкий слой электричества, чтобы защититься, ему нужно было лишь прорваться сквозь эту защиту. И поэтому Свен со всех сил прыгнул вниз.

Но в этот момент мощный удар, прилетевший откуда-то сбоку, отбросил его в сторону. Вырвавшись из своего иллюзорного тела, Свен лишь каким-то чудом умудрился приземлиться на ноги.

Это сделал не Атрам. Доказательством тому служила разорванная электрическая сеть, на что с изумлением отреагировал сам смуглокожий мужчина.

«Что это было?!..»

Сквозь пелену дождя и тьмы из леса показался ярко-алый цвет.

При приближении одинокой фигуры всё вокруг моментально затихло.

— Эй, — произнесла фигура. — Вы тут с магией не переборщили?

Женщина улыбнулась, словно это было для неё несколько проблематично.

Как и её волосы, запах женщины был отчётливого, насыщенного алого цвета. Однако по какой-то причине Свен остро ощутил, что ему никогда не стоит произносить это вслух.

Он не знал этого, но сейчас она стояла перед ними, сняв свои очки. Словно глубоко заинтересованная в происходящем, она пристально посмотрела на него.

— Н-не может быть...

Он знал её имя.

Как и Атрам, судя по всему.

Оба ощутили дрожь при её появлении. Никто из них даже представить себе не мог в подобной ситуации, что она вмешается.

— Прошу прощения, класс Эль-Меллоев, — пройдя по пропитанной влагой земле, она встала рядом с конкретным человеком.

Рядом с Атрамом.

Повернувшись к Свену, Аозаки Токо – та, кто достигла высочайшего ранга Гранда в Часовой башне, – мягко улыбнулась.

— К сожалению, меня попросили стать вашим врагом.

Нога Токо скользнула вперёд.

Первым, кто осознал, что она чертила ею, был Флат.

— Ле Шьен!

Руки Флата пришли в движение, творя то же самое заклинание, которым он до этого вмешался в магию молний. Однако не успел Флат закончить заклинание, как его смело в сторону.

— Ну что же ты, блондинчик. Это нормально, что ты пытаешься заставить меня врасплох, но ты делаешь это слишком очевидно.

Услышав слова Токо, Флат ошарашенно поднял своё лицо из грязи.

— П-почему?..

— Разве я могла не заметить? Вы же уверенно сражались с людьми Галиаста, не так ли? Значит, ты нашёл способ читать поток их магической энергии. Довольно распространённый талант, но ты весьма впечатляюще им пользуешься. Ни один нормальный преподаватель в Часовой башне не стал бы учить тебя вмешиваться в чужое заклинание и изменять его эффекты. После ты создаёшь эффект бумеранга, и заставляешь противников стать жертвой их же магии.

Токо разговорила, словно поистине восхищаясь увиденным.

Также она особенно подчеркнула слова «нормальный преподаватель».

— Но, по крайней мере, в моём случае заклинание готово ещё до того, как магическая энергия приходит в движение.

Токо плавным движением начертила пальцем в воздухе конкретную фигуру.

Магия рун.

У её ног была начерчена руна Феху. С обеих сторон от неё виднелись две руны Альгиз. Одна из них ранее смела в сторону Свена и магию Атрама, вторая – только что атаковала Флата.

Эти символы были характерной чертой магии рун. Да, для их нанесения требовалось время, но после их можно было высвобождать в виде заклинаний простого действия, всего лишь пропустив через них магическую энергию. Задержка между активацией заклинания и его завершением была исчезающе мала. Это ограничивало эффекты, которые можно было из них извлечь, но не давало Флату времени вмешаться.

Нет...

Разумеется, Флат едва ли стал свидетелем применения заклинания простого действия в первый раз. В Часовой башне их можно было увидеть повсеместно. К тому же саму магию рун Токо продала Часовой башне, из-за чего она стала достаточно распространена для того, чтобы даже Флат способен был пользоваться ею.

Проблема заключалась в красоте её плетения рун.

Для других магов это была не та очевидная красота, которая бросалась в глаза при виде Золотой и Серебряной принцесс, а, скорее, эстетическое изящество. Таким же образом программист мог восхищаться чужим кодом. То, как она была связана со своей магической основой, было попросту слишком идеальным.

Это была мечта, которую каждый, кто увлекался магией, несомненно, начинал лелеять рано или поздно.

Её чистую магическую энергию нельзя было назвать особенно ошеломляющей. К тому же она не использовала какой-нибудь ужасающий Тайный знак, как зачастую поступали члены Часовой башни высоких рангов. Но в потоке её магической энергии присутствовала некая идеальная красота, словно она текла через ленту Мебиуса. Для Флата, который был гораздо чувствительнее к чужой магической энергии, чем среднестатистический маг, её эстетическая красота была ещё более поразительной.

Такова была способность той, кто подняла целую сферу магии – и, возможно, не одну – с колен.

И всего лишь увидев это, Флат моментально принял решение.

— Нам с ней не справиться. Ле Шьен, валим отсюда!

— Что?.. Ты шу...

Свен повернулся к нему, и его глаза расширились.

— Ле Шьен, валим отсюда!

— Ле Шьен, валим отсюда!

Кричал это вовсе не Флат.

Да, фигуры выглядели в точности, как он, но при этом стояли совершенно неподвижно с застывшими лицами – словно куклы из чёрной бумаги.

— Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда! Ле Шьен, валим отсюда!

Они повторяли одну и ту же фразу, словно сломанная музыкальная шкатулка.

Пожав плечами, Токо произнесла:

— Значит, настоящий уже сбежал? Шустрый он, ничего не скажешь, разделился одним касанием. Хм-м... Похоже он запечатлел в тенях собственный образ и использовал их, чтобы создать свои копии. Интересно, в какой школе магии он этому научился? Может, в немецкой?

Переводя взгляд с одной теневой марионетки на другую, она вскоре нахмурилась.

— Нет, подождите-ка. Это же не работает ни с одной из существующих магических основ, не так ли? Он использует само заклинание в качестве импровизированной основы. Это всё равно что изобретать новый вычислительный процессор для каждого заклинания, которое он хочет сотворить. Значит, он из тех идиотов, которые творят безумные вещи только потому, что не знают, что такое в принципе невозможно. Впрочем, мне ли это говорить...

Токо раздражённо вздохнула.

Магия представляла собой практику пропускания магической энергии через основу с целью создания иллюзии сверхъестественного феномена.

Но, по крайней мере, в теории не существовало такого правила, которое не позволяло бы создавать основу на лету. Однако в данном случае импровизированная основа могла похвастаться огромным набором параметров. От классических переменных вроде духовной энергии в земле и движений небесных тел до таких вещей, как дуновение ветра, пригоршня песка и мысли о присутствующих – всё это необходимо было учитывать, вносить в вычисления для подготовки каждого заклинания.

Из-за того, что оно полагалось на такое огромное количество параметров, заклинание, которое в момент своего сотворения функционировало идеально, на следующий день – или даже через несколько секунд – могло полностью перестать работать. Основам, существующим вне веры или коллективного бессознательного, приходилось мириться с такой нестабильностью.

— Если отбросить необходимость этого в сторону, то, что он способен творить такие заклинания в столь юном возрасте, – уровень Бранда, не иначе. Интересные детишки у этого Эль-Меллоя.

Едва заметно улыбнувшись, Токо начертила пальцем в воздухе ещё одну фигуру. Несмотря на то, что она была похожа на букву «S» латинского алфавита, её истинной природой был смысл руны, лежавшей в её основе, Совило. От воздействия силы этой руны, означающей «Солнце», тени магии Флата стремительно развеялись, словно иней под натиском утренних солнечных лучей.

Даже при начертании одной и той же руны различия в способе её изображения и в окружении могут существенно изменить её эффект и силу.

Сама Токо однажды использовала эту же самую руну в некоем парке, лишив одно место атрибута ночи. В сравнении с тем, что она сделала тогда, её нынешняя магия казалась безнадёжно неряшливой. Магия сама по себе была твёрдостью воли. Превращение себя в шестерню этой машины было предварительным условием для её использования. Как бы сильно она ни отточила своё искусство за годы, проведённые в Часовой башне, все её старые друзья, несомненно, разочарованно вздохнули бы, увидев это, будь они живы.

Но даже так сейчас этого было достаточно.

Сдерживая различные эмоции, рвавшиеся наружу, Токо повернулась к оставшемуся юноше.

— Ну а ты что будешь делать?

— Разве не очевидно?..

Сказав это, Свен шагнул вперёд.

Задние лапы его полуматериальной звериной формы с силой впились в сырую землю. Клыки были обнажены, словно жажда впитаться в глотку противника.

— Игнорируешь предупреждение своего друга?

— Если другой вариант - сбежать, потому что он так сказал, то я лучше умру, — произнёс Свен. Клыки его всё ещё были обнажены. По всей видимости, состояние его фантазменного тела никак не влияло на его способность вести разговор.

— Ну... думаю, такие идиоты тоже бывают, — едва заметно улыбнувшись, пожала плечами Токо. Затем она повернулась к мужчине, стоявшему рядом с ней. — Вперёд, не стесняйся.

— А можно?.. — нахмурившись, нерешительно спросил её Атрам.

— В этот раз у меня нет причины называть тебя своим врагом.

Не успев даже вздохнуть после её ответа, Атрам стремительно развернулся, широко раскрыв глаза.

Одна теневая марионетка, несмотря на то, что они все должны быть уничтожены – видимо, эту держали в запасе – вдруг подала голос из нового места неподалёку:

— Эм-м, мисс Токо, верно? Если Вам нужны деньги, то почему бы не выбить всё дерьмо из этого загорелого парня, сделать из него марионетку и с её помощью захватить его дом? Решение более эффективное, как по мне, и все будут довольны!

Атрам скрипнул зубами в гневе, когда Токо бросила на него взгляд, будто всерьёз обдумывая это предложение. В конечном итоге, однако, она покачала головой.

— К сожалению, в этом нет никакой эстетики. Сомневаюсь, что смогу заставить себя сделать марионетку для такой скучной цели.

Глубоко вздохнув, чтобы стереть напряжение с лица, Атрам разъярённо начал пинать своих подчинённых, всё ещё лежавших на земле. Ударив по ним разрядом электричества, достаточно сильным для того, чтобы привести их в чувство, он повернулся к своей изначальной добыче.

— Итак, Лорд Байрон. Продолжим наши переговоры?

— Переговоры касательно чего, позвольте поинтересоваться? — спросил джентльмен, настороженно притянув трость поближе к себе.

Больше, чем внезапное появление Атрама и Флата, его беспокоила Аозаки Токо, та, с чьей силой он был знаком гораздо больше. Даже если учитывать только те способности, что она проявила здесь, он ни за что не мог позволить себе действовать беспечно.

Широко улыбнувшись, Атрам лениво шагнул вперёд, как вдруг...

— Ни шагу дальше.

...его остановил голос.

— Кто сказал, что я дам тебе пройти?

Свен, в глазах которого полыхал боевой дух, выглядел ещё более угрожающе, чем прежде. Воздух в лесу задрожал от магической энергии, питающей фантазматический облик юноши и очищенной его мощными Магическими цепями.

— Какой у Вас надёжный рыцарь, — пробормотала Токо. — Только вот ему, наверное, лучше ещё раз подумать о том, кого именно он защищает.

— В любом случае мне сперва придётся разобраться с этим, — сказал Свен под гнетом пугающей истины, которую ему уже раскрыл его нос.

Вокруг него в радиусе примерно десяти метров на земле были начерчены бесчисленные руны. Абсурдно было думать, что Токо начертила их все самолично, поскольку она прибыла сюда совсем недавно. Там, где, судя по всему, была исходная точка, находились руны Наутиз, Йера и Уруз.

«Не может быть!..»

Последовательность этих рун, скорее всего, означала «создание». Значит, умение Аозаки Токо пользоваться рунами было настолько велико, что она могла использовать магию рун, чтобы чертить сами руны.

Чувствуя, как волосы на его загривке встали дыбом, Свен отпрыгнул назад. Благодаря звериной магии, у него было более чем достаточно времени, чтобы обогнать даже активацию заклинания простого действия.

— Гха!

Что-то схватило его.

Один из магов, лежавших на земле, вцепился в его ногу. На его теле была начерчена руна.

«Манназ!»

Название руны было единственным, что он о ней знал. Но эта руна, значение которой было «человек», практически наверняка использовалась для того, чтобы управлять...

— Прости. Я не люблю разбрасываться хорошими инструментами, — голос Токо, казалось, донёсся откуда-то издалека. Несмотря на проливной дождь, она в какой-то момент запалила сигарету, которую теперь держала во рту. — Ох, на вкус та ещё дрянь, как я и думала.

Не успела она даже договорить, как бесчисленные руны, окружавшие Свена, взорвались, напрочь сменя как фантазменного волка, так и сознание юноши.

*

«Блин, блин, блин, блин, блин!»

Флат отчаянно пытался сдержать собственный голос.

Мчась на полной скорости через лес, он тем не менее поддерживал заклинание на большом расстоянии. Это чем-то напоминало «Разделение мыслительного процесса», отличительную особенность магов института Атлас, однако Флат, естественно, такой способностью не обладал и достиг подобной многозадачности лишь с помощью грубого навыка. Токо сделала вывод правильно, и это почти никак не зависело от его способностей как мага. Но подобного рода эффектные исполнения, которые не смог бы воспроизвести ни один маг его возраста или опыта, и были визитной карточкой Флата Эскардоса.

Возможно, это сейчас немного не к месту, но можно было предположить, что на развитие его талантов в таком направлении повлияли наставления Лорда Эль-Меллоя II.

Не останавливаясь, он использовал одну из своих теневых марионеток, чтобы поговорить с оставшейся далеко позади Токо.

«Эм-м, мисс Токо, верно? Если Вам нужны деньги, то почему бы не выбить всё дерьмо из этого загорелого парня, сделать из него марионетку и с её помощью захватить его дом? Решение более эффективное, как по мне, и все будут довольны!»

Через ту же марионетку ему пришёл ответ:

«К сожалению, в этом нет никакой эстетики. Сомневаюсь, что смогу заставить себя сделать марионетку для такой скучной цели».

«Разумеется», — кивнул Флат одновременно с теневой марионеткой вдалеке.

Если дело было в эстетике, то ему едва ли удастся уговорить эту женщину. Даже сам Флат был бы далеко не рад, если бы ему сказали сделать марионетку, похожую на того парня. Но в нынешней ситуации, разумеется, Флат попросту не мог остановиться на этом.

— Что же нам делать, Ле Шьен? — помрачневшим тоном пробормотал Флат.

В ответ на эту нехарактерную для него слабость вдруг раздалось:

«Ты не в том положении, чтобы беспокоиться за других, не так ли?»

— А?!

Звук, что он слышал, явно не был обычным голосом.

Да, его вполне можно было назвать голосом, однако он явно не был порождён человеческими связками.

«Ты ещё не выбрался из леса».

Кошка.

Флата преследовала кошку. Но, глядя на неё, он также заметил ещё кое-что: у неё не было глаз.

Всё её тело было угольно-чёрным и казалось полностью плоским, словно существовало лишь в двух измерениях.

— Ого! — воскликнул Флат и прибавил скорости.

Несмотря на то, что его ускорение было подкреплено как магическим усилением, так и собственной сверхъестественной способностью Флата ловко огибать различные кусты и прочую лесную поросль, двухмерная кошка без особых проблем следовала за ним, не отставая.

— Погодь, погодь, погодь! Ладно, чёрт с тобой! — пробормотав что-то нараспев, Флат развернулся и обрушил на преследовательницу свою магию.

Мощь, угол и эффекты заклинаний были самыми разными. От пламени до бурь, от дождя до бессчётных игл – все они не были похожи друг на друга. Как и заключила Токо, возможно, даже изменение местоположения делало некоторые заклинания непригодными к использованию. И все они ударили по преследовавшей Флата кошке.

Однако, в то время как заклинания разворотили деревья и лесную почву, сама кошка осталась полностью невредимой.

Она не рассмеялась. Однако её пасть изменила форму, из-за чего животное как будто улыбнулось.

— Не работает? Я зря надрываюсь, что ли? — чувствуя, как на лице его проступил холодный пот, Флат вложил в ноги ещё больше сил, чтобы бежать быстрее. Но, как бы он ни старался, расстояние между ними никак не увеличивалось. Напротив, оно начало сокращаться.

— Давай же!

В заклинании, которое Флат высвободил на этот раз, взрывной силы было гораздо больше, чем во всём, что он до этого использовал. Не то, что кошку, даже самого Флата отбросило взрывной волной. Но, отлетая в сторону, его тело начало ускоряться в воздухе.

— Ого-о-о-о!

Не сопротивляясь, Флат активировал Тайный знак, чтобы уменьшить свой вес. Прикрыв руками лишь лицо и жизненно важные места, он врезался в землю, не получив повреждений, но весь покрылся грязью и кубарем прокатился пару дюжин метров, прежде чем наконец остановиться.

Но...

— Блин, это тоже не помогло?

Флат бросил за спину взгляд, в котором всё ещё сохранялась нотка игривости, и увидел, что ему так и не удалось оторваться от преследовавшей его кошки. Животное не ответило, казалось, безраздельно властвуя в тёмном лесу.

Однако вместо кошки ему ответил кто-то другой.

— Ты в порядке?.. — раздался голос из-за дерева перед ним.

Когда Флат увидел девушку, шагнувшую вперёд из тени дерева, его глаза расширились.

— Грэй?!

*

Смотреть сверху вниз на выпучившего глаза Флата было в особенности странно.

Учитель сказал, что Флат убежал в лес в этом направлении, и, следуя его указаниям, я устремилась следом. На полпути сюда я ощутила крупное движение магической энергии, поэтому зафиксировать его местоположение было несложно.

Однако одного взгляда на вечно расслабленного и беспечного Флата, который теперь был покрыт грязью, измотан и явно спасался бегством что было сил, хватило, чтобы внутри меня щёлкнул переключатель.

Я посмотрела на тень, которая преследовала его.

— Кошка?..

Нет, это явно было что-то другое, не столь обыденное.

Оно лишь имело «очертания» кошки. Даже таинству для воплощения необходима была какая-нибудь фигура, образ, по крайней мере, приблизительно соответствующий чему-то реальному. Если я правильно помнила лекции, даже порождение магии, имея совершенно аномальную форму, могло создать «помехи», с которыми пришлось бы считаться.

— Хи-хи-хи-хи! Это ещё что такое? Это и вправду нечто, созданное современной магией?

Словно не в силах сдержаться, Адд рассмеялся. Хорошо, потому что такой Адд мне и был нужен.

— Адд!

Освободив крючок, я повела правым плечом, и из-под моего плаща показалась клетка с уже частично преобразившимся Аддом.

Излучающий призрачное сияние блуждающий огонёк в клетке тотчас же принял новую форму.

Форму, знакомую каждому и привычную для любого фермера. Но в данном случае она предназначалась для пожинания душ.

Коса Мрачного жнеца.

— А-а-а-а-а-а-а-а!

Оттолкнувшись от земли, я прыгнула. Проявляя усилие, добиться которого обычному магу было не по силам, я взмыла вверх, разбросав повсюду комья грязи,

навстречу плотно сплетённым ветвям деревьев и взмахнула косой, клинку которой не было никакого дела до столь стеснённого пространства.

Лезвие явно настигло свою цель.

Но.

Коса, которая могла рассечь даже мёртвых духов, прошла сквозь тонкое, как бумага, тело кошки, оставив на нём лишь лёгкую рябь. Существо задрожало, словно сбрасывая с себя капли дождя, и ринулось вперёд, чтобы нанести ответный удар когтями.

Уклоняясь, я кувыркнулась назад, но когти всё равно срезали несколько прядей моих волос. Это служило достаточным доказательством тому, что скорость кошки была равна моей или, возможно, даже выше.

«Быстрее даже, чем я?..»

Этот факт обрушился на меня подобно молоту.

Всего лишь какой-то половиной дня ранее я скрестила клинки с тем автоматом. Унижение от той битвы вновь неприятным чувством возникло в моей груди. Я знала, что это было глупо, но то, что меня превзошли в состязании клинков, порождало во мне странное горящее чувство.

— Адд.

— Хи-хи-хи! Распалилась, да? Это на тебя не похоже! — множество глаз, украшавших косу, посмотрели на меня.

— Мне учитель сказал...

— Как трогательно!

Пронзительный смех Адда эхом разнёсся по лесу, в то время как я начала собирать магическую энергию из окружающего пространства. В этой форме количество накопленной энергии было ограничено, но это была территория мага. Особенно с учётом действия эффектов магии управления погодой Галиаста, энергии вокруг было полно.

Собранная магическая энергия текла сквозь мои Магические цепи в нервы и мускулы. Существовала опасность того, что все кровеносные сосуды в моём теле могут лопнуть, если я перестараюсь с этим, но как человек, который ездил на велосипеде с самого детства, я действовала без колебаний. Короче говоря, я уже привыкла становиться шестернёй в механизме этого таинства. Магом я, может, и не была, но, несомненно, обитала в том же мире.

Моим образом, «спусковым крючком» была искра.

Собравшись воедино, искры стали призрачным пламенем, завихряющимся и ревущим в моей груди. По всему миру ходили легенды о мёртвых духах, принимающих форму пламени. Учитель однажды поделился теорией, почему именно эта форма была так распространена.

«Может, потому что они сжигают себя, тебе так не кажется?»

«Если ты существуешь, сжигая собственное духовное тело, то неизбежно сгоришь целиком, не так ли?»

Вздыхнув, я успокоилась.

Превратив себя в систему ради таинства, я повернулась к кошке.

Я знала, насколько остры были её когти. Вероятно, они могли разрезать не только железные трубы, но и стальные плиты, словно бумагу. Эти когти, невероятно тонкие, словно двухмерные, скорее всего, могли с лёгкостью пробить любой трёхмерный объект.

Если лежащее в её основе таинство было слабее таинства Адда, то эта коса должна рассечь её надвое.

На этот раз моё тело само пришло в движение.

Невзирая на когти кошки, коса начала вертикальное вращение в пространстве между деревьями.

Семь раз её клинок встретился с телом кошки.

Никакого урона. Никакой реакции. Кошка осталась невредима, потому что коса прошла сквозь её тело, словно разрезав воду.

Но если она хотела повторить танец, то я готова была сделать это ещё дюжину раз. Если и этого будет мало, то сотню. Подобное состязание для меня ничего не значило. Если она хотела вымотать меня физически и морально, то уже проиграла эту битву. Честно говоря, подобного рода изнеможение было для меня даже приятным.

Но...

— Грэй, вон там! — внезапно раздался голос.

Адд всё понял раньше меня.

— Грэй!..

Одних лишь этих слов было достаточно, чтобы я прыгнула ещё раз. Направление и дистанцию определял Адд, который полностью синхронизировался с моим телом. Я с плеском приземлилась, и моя коса вновь устремилась к ночному небу.

На этот раз я почувствовала удар.

Невидимый моему взору – вероятно, сокрытый с помощью какой-то магии, сделавшей его невидимым и незаметным, – он наконец явил себя и упал на землю.

Это был фамилльяр в форме птицы. Его тело и крылья были сделаны из латуни, а вместо глаз сверкали рубины. Внутри тела крутилось некое подобие бобины с киноплёнкой, пропуская мягкий свет через глаза из драгоценных камней.

Когда свет исчез, я знала, что двухмерная кошка тоже растворилась в воздухе.

— Это была лишь проекция, — пробормотал Флат.

Неудивительно, что её нельзя было разрезать.

Даже если у тебя есть коса, способная рассекать духов, она ни за что не может поразить тень, проецируемую на воздух. Точнее, сколько её не отсекай, пока проектор функционирует, она будет возрождаться раз за разом.

Это был Тайный знак, далёкий от современной эпохи. Вещь, несомненно, уместная в руках Гранда.

На этом силы покинули мои конечности. Я чувствовала, как каждый мой нерв работал на пределе. Сухожилия в руках и ногах кричали под напором струившейся через них магической энергии.

— Но, Грэй... почему...

— Учитель сказал... найти вас... — ответила я. — А если вдруг та магесса-Гранд...

— Хм-м... Содержимое этого кубика доставит проблем, да?

Услышав самый настоящий голос, я подпрыгнула. Нравилось мне это или нет, но я узнала его обладательницу.

Я напряжённо развернулась и увидела то, что я ожидала увидеть, – эти алые волосы. Вымокшие под дождём, но всё равно прекрасные.

От неё доносился лёгкий запах табака. Возможно, из-за дождя мы заметили его только сейчас. Женщина почесала голову, словно испытывая чувство разочарования. Её ледяной взгляд замер на мне.

— Гранд...

А, теперь я поняла...

Вот почему учитель выглядел так, словно его раздирали противоречивые эмоции, когда давал мне те указания. Его беспокоила вовсе не группа, которую привёл с собой Галиаста. Он даже на мгновение не задумался о том, смогут ли Флат и Свен одолеть магов такого уровня.

Но осознав то, что он мог упустить из общей картины, учитель начал беспокоиться.

Если в двух словах – что эта магесса, Аозаки Токо, может решить вмешаться в ситуацию.

— Почему?.. — спросила я её, нервно удерживая мою косу между нами. — Почему Вы на стороне Галиасты?

— Что, думаешь, я так тебе всё и выложу на блюдечке? Ты здесь, потому что тот Лорд послал тебя, верно? Я думала, что хотя бы это он тебе объяснил.

Представ перед её бесстрашием, я вспомнила одну историю, которую рассказал мне учитель. В Часовой башне тем, кто обладает особыми способностями, даруют «цвет», почётный титул. Тех, кто носит три первичных цвета, считают величайшими в их поколении. Поэтому абсолютно всем было ясно, что Аозаки Токо получит чистый Синий цвет.

Но этого не случилось.

Вместо первичного Синего цвета ей даровали один из производных Красного.

«Потому что она... не сильнейшая?..»

По какой-то причине я чувствовала, что это было не так.

Я не знала ни одного мага, который мог бы с ней сравниться. Возможно, всё было потому, что она избегала фракционной борьбы в Часовой башне, но, похоже, дело было и не в этом. Может быть, потому что сама её душа, как и волосы, горела ярко-алым? Цветом, красота которого проистекала из того факта, что он никогда не сможет достичь чистоты.

Я слабо сглотнула и, глядя на ту, что стояла передо мной, вновь произнесла:

— Учитель... он сказал мне, что Вы можете встать на нашем пути.

Эта фраза несла в себе тонкий нюанс.

Не союзники Галиасты, а именно она.

— А, вот оно что, — кивнула Токо. В её голосе не было даже намёка на хитрость. — Ну, мне заплатили. Поручили стать конкретно вашим врагом.

Запечатлев этот ответ в груди, я продолжила:

— А... Свен?..

— Хм? А, ты про волчонка? — Токо затихла на мгновение, словно вспоминая. — Ну, он пробудил во мне приятные воспоминания, так что я оставила его там. Не могу сказать, что глава семьи Галиаста будет с ним так же добр, но тут уж не мне решать.

Я закусила губу.

Я не чувствовала духа товарищества. Даже будучи частью класса Эль-Меллоев, я всё равно не была магом. Более того, даже не учитывая ту кошку, эта женщина была ужасающим противником. Один лишь её вид заставлял мои пальцы дрожать, а сердце – исступлённо биться. Но несмотря на это, я не чувствовала желания отступить. Потому что всякий раз, когда я оказываюсь в подобной ситуации, перед моим внутренним взором всплывает лицо юноши, который никогда ни от чего не бежал.

Я крепко обхватила пальцами древко косы.

— А, весьма интересная штука, — сказала Токо, указав на косу. — Я впервые её вижу, но она обладает более чем тысячелетней историей, не так ли? Готова поспорить, что оно даже не предназначено для человеческих рук. Любой современный маг с таким точно не совладает.

Таинство склоняется перед более великим таинством.

Разумеется, бывают ситуации, когда всё могут изменить совместимость и исполнение, но это было основополагающее правило. И во многих случаях сила таинства была связана с его возрастом. Пусть и смутно, но Токо ощутила Благородный Фантазм в ядре этой косы.

— В таком случае... может, Вы отступите? — со всей серьёзностью спросила я.

— Прости, но работа есть работа. Обстоятельства не позволяют мне просто отойти в сторону.

С беспечным видом Токо вывела пальцем очертания руны.

Руны. Я не могла читать их. А это было наказание за мою лень, когда дело касалось изучения магии.

Но даже так от одного её вида меня накрыло волной страха.

На то, чтобы взмахнуть косой, требовался лишь один вдох. Но поток магической энергии Токо был ещё быстрее.

Физическое движение не могло сравниться с ошеломляющей скоростью заклинания простого действия.

«Тогда!..»

Я прыгнула.

Из руны вырвались ледяные шипы, которые попытались сковать меня, но я не обратила на них внимания. Похоже, что она намеревалась сдержать меня, но заклинание не могло сравниться с таинством внутри меня и Адда. Я всего лишь высвободила магическую энергию, и та испарила лёд подобно солнечному свету.

— Впечатляет, как и ожидалось. Похоже, что руны современного футарка мало что могут тебе сделать. Если это состязание силы, то и я пушу в ход лучшее, что у меня есть. Если нет возможности измерить совместимость вовлечённых таинств, то слабое таинство всегда уступит более сильному. Таким трюком я тоже пользовалась.

В голосе Токо чувствовалась настороженность, но она продолжила чертить руны.

Вспышка пламени.

Невидимый удар.

Коса разрубила феномен и питающую его магическую энергию на куски, но Токо это никак не встревожило. Напротив, на её мокром от дождя лице возникла лёгкая улыбка, словно она была лишь учёной, наблюдавшей за ходом своего эксперимента.

— Итак... какую причудливую магию ты продемонстрируешь мне на этот раз, юный гений? — продолжая смотреть на меня, она пришла в движение.

Не глядя, она исполнила безупречный высокий удар ногой, отбрасывая Флата, который пытался подкрасться к ней со спины. Покатившись назад, он врезался в дерево. С его волос во все стороны полетели капли воды, когда его голова ударилась о ствол.

Бросив взгляд через плечо на явно выбывшего из игры юношу, Токо вздохнула.

— Этот пинок должен был лишь возвестить начало битвы магий... а ты просто взял и вырубился? Разве это бой?

Честно говоря, я была с ней согласна.

Даже я достаточно хорошо усвоила этот урок в Часовой башне.

Усиление не только влияло на грубую мышечную силу, но и повышало реакцию и чувство равновесия. Однако оно никак не улучшало опыт или рассудительность. Как бы сильно ни были повышены физические показатели Флата, он остался всё таким же неопытным в ближнем бою. Свои низкие оценки и неудачи на уроках по самозащите, за которые даже учитель выговаривал ему, он лишь пытался компенсировать грубой силой.

В любом случае, благодаря его выходке, ситуация стала ещё более незавидной.

«Такими темпами даже выиграть время...»

Затяжная битва поставит нас в невыгодное положение. У такой, как она, могло быть сколько угодно козырей в рукаве, но у меня в запасе осталась лишь пара секретов. Более того, ситуация была не из тех, когда я могла использовать эти секреты в полной мере. Таким образом, мне оставалось лишь пользоваться преимуществом в физических способностях, которое у меня должно было быть.

— Тц!

Движением ног я раскрутила себя.

Не сводя глаз с Токо, я использовала силу вращения, чтобы нанести диагональный удар сверху вниз. Адд уже впитал из атмосферы всю магическую энергию, которая была ему нужна. Сражаясь с кошкой, я была на много уровней

ниже – теперь же количество магической энергии в моём теле достигло критической отметки.

Несмотря на то, что у меня и в мыслях не было проявлять милосердие, коса вдруг остановилась в дюйме от Токо.

Это была не руна. Я ожидала, что в такой ситуации она применит какую-нибудь руну, чтобы защититься. Но это странное воздействие...

— Похоже, что собравшиеся здесь маги – и ты в том числе – кое-чего не поняли, — прошептала Токо. На фоне звуков дождя её голос, казалось, змеёй скользил по земле. — Если хочешь стать сильнейшим магом, не нужно пачкать руки самому. А, может быть, Лорд Эль-Меллой II всё-таки это понимает. Вероятно, именно поэтому он и выжил в предыдущей войне.

Несмотря на то, что мы, по сути, находились рядом друг с другом, её голос будто доносился откуда-то издалека.

В какой-то момент в правой руке Токо оказалась сумка, чересчур большая даже для путешествий. Она открылась, являя взору ничего, кроме непроглядной черноты. Даже моё усиленное восприятие не могло пробиться сквозь эту тьму. Казалось, сам чёрный свет обрёл физическую форму внутри этой сумки.

Во тьме что-то сияло.

— Нужно лишь призвать сильнейшего. Или сотворить его.

Внутри сумки горели две точки.

Глаза.

Я застыла.

Я наконец поняла, почему моя коса остановилась. Токо ничего не сделала. Просто я испугалась. Я поняла, что где-то глубоко внутри сумки затаился монстр. Именно. Форма этой сумки ничего тебе не напоминает?

Слишком большая, чтобы действительно называться сумкой, она представляла собой куб.

Как и Адд... это был «ящик», внутри которого скрывалось какое-то загадочное существо, не так ли?

— Аозаки Токо... Вы...

Мой голос не мог покинуть глотку.

То, что вырвалось из сумки... пожалуй, это можно было назвать щупальцем. Мягкое настолько, что даже Адд не смог бы его с лёгкостью разрубить, оно крепко обвилось вокруг клинка косы, его древка и даже моих рук.

И наконец из моей глотки вырвался вопль чистого, физического ужаса.

*

Внезапно из-за деревьев вылетело тело.

Проскользивший по сырой от дождя земле грязный костюм в британском стиле принадлежал Лорду Байрону.

— Приветик, мисс Аозаки, — произнёс бросивший Байрона молодой человек, потрепав пятернёй свои волосы.

— Полагаю, ты закончил, Атрам?

— Ну, думаю, можно сказать, что мы определились с победителем, — Атрам слегка похлопал ладонями, словно стряхивая с них пыль, и посмотрел на Лорда Байрона. Каким бы искущённым магом тот ни был, он попросту не обладал достаточными боевыми навыками, чтобы соперничать с кем-то вроде Атрама.

Для смуглокожего молодого человека, имевшего за плечами немалый опыт в ожесточённых схватках, замшелые маги, которые с утра до ночи были поглощены своей грызнёй за власть, не представляли никакой опасности.

За спиной Атрама появился один из подручных семьи Галиаста.

Свен был побеждён и схвачен врагом. Подчинённый Атрама тащил его, держа за шею, словно тяжёлый мешок. Каким бы худым этот маг ни казался, если он был способен усиливать себя, то волочить за собой вот так чьё-то тело было простой задачей. По крайней мере, во всём, что касалось обращения с магической энергией, навыки этих подчинённых можно было признать компетентными.

— Как Вы теперь себя чувствуете, Лорд Байрон? На это ушло какое-то время, но, может быть, вы всё-таки решили передумать.

— Передумать касательно чего?.. — Байрон поднял взгляд на молодого человека, сжимая ладонью рану.

— Хмф. Такой же упрямец, как и прочие сановники Часовой башни. Чёрт побери. У вас у всех мозги заплесневели, что ли?

В любом случае он понимал, что Атрам способен был спокойно замучить его до смерти, чтобы узнать то, что ему было нужно. И этот допрос мог начаться в любой момент, когда Атраму этого захочется.

Словно вид поверженного гордого британского джентльмена наскучил ему, Атрам вновь обратился к Токо:

— Ну да ладно. Что более важно, так это Вы, мисс Аозаки. Что и следовало ожидать от Гранда, в Вас не нашлось ни капли жалости даже для такой красавицы. Вы её окончательно покалечили?

— Эй, следи за языком. Я ни за что не опущусь до того, что навредит моей репутации. Я же не зверь, чтобы сотворить такое со столь милой девочкой. Я лишь захватила её чувство сверхъестественного, — ответила Токо с явным недовольством на лице.

Стоя прямо перед ней, всё ещё крепко сжимая свою косу, я не могла пошевелить ни мускулом.

В действительности сумка, которую Токо принесла с собой, была плотно закрыта. Она даже не открывала эту сумку, просто позволила мне мельком взглянуть на то, что было внутри.

— Эта девушка невероятно чувствительна к сверхъестественному. Настолько, что, вероятно, является каким-нибудь духовным медиумом. К сожалению, превосходство в данной области также является её смертельной уязвимостью. Это начинает выглядеть как обычное явление среди учеников его класса.

— С.. ве... н... Флат... — вырвались из моей глотки два имени.

Моё тело не могло пошевелиться.

Я не просто дрожала от страха, а была парализована от самых глубин своего разума. Зная, что любое беспечное движение может привести к высвобождению содержимого сумки, зная, что если я полностью почувствую это, то это подведёт черту моему саморазрушению, инстинкты полностью заморозили моё тело.

Я была бессильна.

В конце концов, я оказалась совершенно бесполезной.

«Это ты должна уничтожать».

«Это ты должна гордиться больше всех».

«В конце концов, ты оказалась ближе всех прочих к герою».

Где-то на задворках моего разума эхом разнеслись голоса.

Голоса с моей родины. Хорошие люди. Люди, радующиеся моему изменению. Мои родители и родственники, которым была оказана честь.

«А-а-а-а...»

Точно.

Я не могу просто так сдаться.

Ведь я была сотворена ради этого копья. Взяв его в руки, я просто должна была полностью высвободить свою силу. С самого начала мне не нужно было думать. С самого начала мне не нужно было убегать. Мне просто нужно было принять истину такой, какой она была.

Мне просто нужно было измениться.

Стать не собой, а тем героем из далёкого прошлого.

— ^{Тьма} Gray... ^{Страсть} Rave... ^{Жажда} Grave... ^{Лишение} Dergrave...

Мои губы начали шевелиться, распевая арию.

Не только Токо, которая стояла рядом, но и Атрам с Лордом Байроном тотчас же посмотрели на меня.

— Вот оно что, — едва заметно кивнула Токо. — Значит, вот каков твой секрет?

— ^{Запечатлись} Engrave... ^{во мне} in me...

Слова слетали с губ, но моя голова всё ещё безвольно висела. Сознание уже полностью угасло. Его стёрли давным-давно. Так что это был вовсе не мой голос. Он принадлежал кому-то другому – другой мне, что таилась глубоко внутри меня.

Монстр, сотворённый на моей родине.

Что-то задрожало.

— Хм. Плохо дело. Он начинает проявлять интерес, — на лице Токо возникла горькая улыбка.

Словно опровергая факт того, что её содержимое находилось под контролем хозяйки, сумка в руках Токо начала трястись.

С громким визгом она раскрылась сама собой – в этот раз по-настоящему.

— Мисс Аозаки...

Может, в ответ на слабую дрожь в голосе Атрама, может, по какой-то другой, известной лишь ей причине, Токо мягко пробормотала:

— Похоже, что со всей этой местностью можно распрощаться.

Почему? Из-за содержимого сумки?

Или...

— A grave... ^{могила} ^{для} ^{тебя} for you...

Магическая энергия закружилась.

Согласно контракту, заключённому между Аддом и моим телом, процесс был запущен. Началось воссоздание окружения. Перерождение плоти и костей с помощью магической энергии. Имитация фактора фантазмического вида, который, как утверждалось, был в роду героя.

Глаза Токо метнулись в сторону.

— Эй, не лезь.

— Думаете, мы можем просто закрыть на это глаза?! — в руке Атрама возник небольшой сосуд. Магическая энергия смешалась с электричеством, и с его пальцев слетела молния, порождённая этим союзом...

Но моё тело и копьё, что оно держало, уже начали реагировать на эту агрессию. Магическая энергия запульсировала, отдаваясь гулким эхом.

Мои губы зашевелились.

А затем раздался мой голос, словно выговаривавший слова ужасного проклятия:

— Святое копьё, яви себя...

И в тот же миг...

— ^{Узрите человека} Ессе Ното, — произнёс другой голос.

Как и ожидалось, я замерла, не в силах пошевелиться.

И не только я. Всё вокруг застыло.

Всё и вся, что меня окружало, узрело её.

Ритуал проводился тремя людьми.

И главной в этом триединстве была девушка с Мистическими глазами.

— Райнес, сосредоточь свои Мистические глаза.

Услышав голос учителя, она высвободила заклинание.

Причина, по которой её глаза перегревались так быстро, заключалась в незрелости её мозга и Магических цепей. Короче говоря, в своём развитии они не поспевали за Мистическими глазами, из-за чего те слишком остро реагировали на их использование.

Сейчас же, однако, это было на руку.

В силу этой слишком острой реакции точность девушки в магии значительно повысилась.

С каждым касанием Исло платье перестраивалось.

С каждым словом Майо концентрация различных веществ в крови и присутствие нейротрансмиттеров изменялись, возвращая их к жизни.

И когда всё это достигло идеальной гармонии, девушка активировала ритуал, громко произнеся слова.

Узрите человека
— Ессе Номо.

Время остановилось.

Место потеряло всякий смысл.

Казалось, что строгая определённости пространства и времени обратилась в ничто.

Не только собравшиеся маги, но и животные с насекомыми... нет, даже земля и дождь ощутили воздействие этого присутствия. Если эволюция означала оптимальную адаптацию к окружению, то это были конечные форма и размеры, угрожавшие привести к концу самого мира.

Это была ■■■■■■■■■. Слово даже не шло на ум.

Приходилось признать, что во всех несовершенных языках, доступных человеку, не было слова, которое могло бы описать то, что они увидели. Говорят, ^{Хозяин Вавилона} был однажды Подлежащий Печати маг, использовавший Единый язык, слова которого не допускали ошибок и которому обязано было подчиняться всё в этом мире, живое и неживое. Её ■■■■■■■■■ была такой же, чистотой, достигшей глубин самого Истока.

Золотая Принцесса, которая должна была быть мертва, теперь стояла посреди этого леса.

Это была не просто потеря слов.

Магам, которые мгновениями ранее доводили себя до предела, вовлечённые в состязание душ, затмевавшее любой другой конфликт, оставалось лишь просто стоять столбом.

И не только.

— Адд... он... — произнесла я, глядя на свои руки.

Несмотря на то, что коса была готова вот-вот явить свою истинную форму копья, она вновь приобрела очертания небольшого кубика в клетке.

— Мне тоже досталось, да? — сказала Токо, прикрыв один глаз и разочарованно качая головой. Сумка в её руке снова была плотно закрыта.

— Что... это было...

Исчезла не только молния, которую Атрам пытался высвободить, но и грозовые облака, затянувшие ночное небо. Магию управления погодой, результат усилий дюжин магов, буквально сдуло, словно она была не более чем тонким листком бумаги.

Всё вернулось к своему началу.

Когда появилась эта абсолютная ■■■■■■■■■■, вся неестественная и несовершенная магия обратилась в ничто.

Это деяние могло сравниться с раздвижением морских вод одним пророком, пытавшимся вывести тысячи людей из Египта.

В то же время это было повторением того же явления, которое произошло днём ранее.

Через несколько секунд чудо подошло к концу.

Перед ними стояла не убитая Золотая принцесса, а Серебряная принцесса.

— Вот как... Проекция, значит? — пробормотала Токо.

Для достижения величайших проявлений магии применялось преобразование магической энергии в идеальный образ, используемый в качестве замены материалов, которые невозможно было заполучить, – простая магия, сохранявшаяся в лучшем случае несколько минут. На более высоких уровнях потребление ею магической энергии становилось невообразимо большим, из-за чего немногие маги могли это провернуть.

Но только что...

Мой учитель, возникший рядом с нами, едва заметно кивнул и произнёс:

— В точку. На холст, которым стала Серебряная принцесса, был спроецирован образ Золотой принцессы... моей ученицей Райнес.

— Хмф. Заклинание разработал ты, а подготовили его два мага Мелуастеа. Кажется, мне тут особо нечем гордиться, — скривила губы Райнес, прижимавшая ладонь к глазам.

За их спинами стояли Майо и Исло. У обоих был измождённый вид, что, впрочем, соответствовало тому, что они только что воплотили Великую магию.

При обычных обстоятельствах идея воссоздания конечного результата магии Изельма – самой Золотой принцессы – обычной проекцией была бы абсурдной. Однако, когда в уравнение добавилась её сестра-двойник, рождённая той же магией, это деяние пусть и с натяжкой, но стало возможным. Разумеется, без точного направления, достигнутого Мистическими глазами Райнес, и помощи Майо и Исло в воссоздании внутренней и внешней форм Золотой принцессы это всё равно было бы за гранью их возможностей.

Скрипнув зубами, Атрам с вызовом произнёс:

— И что? Думаете, что если застали нас врасплох на секунду, то этого будет достаточно, чтобы нас остановить?

— Ох, хорош блефовать, — с горькой улыбкой отмахнулась от Атрама Токо. — Магия зиждется на вере в то, что в этот мир можно вписать какое-либо изменение, и на концентрации, достаточной для того, чтобы это изменение воплотить. Это лицо возникает в моём разуме, даже когда я закрываю глаза. Сомневаюсь, что смогу использовать что-нибудь выше магии уровня Коуза в ближайшие два или три часа.

Токо прямо объяснила ситуацию, в которой она оказалась. Несмотря на то, что один лишь звук этих слов вполне мог стоять жизни, эта женщина просто произнесла их, словно какую-то ерунду, без всякого намёка на бравату.

Что же до меня... моё тело всё ещё казалось невыносимо тяжёлым.

— Учитель...

Я начала заваливаться вперёд, но вдруг почувствовала, как кто-то подхватил меня. Запах табачного дыма и касание его кожаного пальто отозвались во мне невероятным облегчением.

— Прости. Я попросил тебя лишь выиграть для нас немного времени, но даже это было чересчур, да? Правда, мне очень жаль, — раздался рядом со мной нескончаемые извинения моего учителя. — Я подготовился. Пришло время наградить тебя за твои усилия.

Придерживая меня одной рукой, он обратил взгляд на ту женщину.

— Мисс Аозаки, — произнёс он. — Похоже, что Вы утратили всё желание продолжать это, но что Вы будете делать теперь?

— Полагаю, это значит, что я открыта для переговоров, — прямо сказала она, призывая тем самым моего учителя продолжить.

— Как бы то ни было, теперь, увидев это, Вы всё поняли, верно?

На мгновение Токо замолкла, после чего произнесла:

— Не сказать, что я не думала об этом, но это правда, не так ли? Ваше недавнее представление также послужило мне ответом.

— Полагаю, всё так и есть, — кивнул учитель.

Я ничего не понимала. Учитель спросил её, поняла ли она, она ответила, что да, она поняла, но я попросту не поспевала за тем, о чём они говорили. Они изъяснялись на знакомом мне языке, но будто общались шифром, который понимали только они.

Однако я осознала, что они достигли некого согласия.

— И... это лишь моя догадка, но я подозреваю, что наградой, которую Вам предложили за это, был...

— Верно. Я поняла, что Вы хотите сказать, так что не надо всё портить. Впрочем, теперь мне кажется, что меня провели. Ну, не сказать, что мне лгали, так что я, должно быть, просто делаю поспешные выводы, — ответила Токо, пожав плечами и качая головой.

По какой-то причине её слова казались странно энергичными. Словно её полностью застал врасплох сюжетный поворот в фильме, который она смотрела, выражение её лица сияло от восхищения.

Взгляд учителя вновь сместился в сторону.

— Атрам Галиаста, я полагаю?

— Что Вам нужно, Лорд? — огрызнулся смуглокожий молодой человек, в тоне которого не было ни намёка на уважение к титулу собеседника.

Не обратив на это внимания, учитель произнёс:

— Вы не могли бы вернуть мне моих учеников?

— Что? Кем Вы себя возомнили? Этот парень пытался убить меня, знаете ли. Пусть Вы и Лорд, думаете, я просто забуду про это?

Свен и Флат были без сознания и находились в руках подчинённых Атрама. Несмотря на то, что большая их часть была охвачена благоговением перед проекцией Золотой принцессы, это не означало, что мы смогли бы с лёгкостью с ними справиться.

— Я знаю, что Вам нужно.

— Я это особо и не скрываю. Скорее, было бы странно, если бы Вы об этом не знали, — сверкнул зубами молодой человек, очевидно блефуя.

В отличие от Токо, Атрам проявил странную эмоцию, когда увидел моего учителя. Они явно встретились впервые, но воцарившаяся между ними атмосфера почему-то казалась враждебной.

Спустя секунду учитель продолжил:

— В прошлом месяце Вы и Изельма боролись на аукционе за реликвию одной Героической души.

После этих слов у меня перехватило дыхание.

Я вспомнила. Вскоре после того, как её пригласили явиться в башни-близнецы Изельма, Райнес сказала что-то подобное моему учителю.

«Ты ведь всё ещё хочешь стать представителем Ассоциации в Пятой Войне за Святой Грааль, да?»

«К тому же, судя по всему, есть ещё одно место... Похоже, его отвели какому-то новичку, заполнившему деньгами правильные карманы».

Что, если этим новичком был Атрам Галиаста?

В таком случае факт того, что он охотился за реликвией, был ожидаемым. Война за Святой Грааль была великим ритуалом на Дальнем Востоке, в котором маги призывали Героические души, чтобы те сражались за них. Разумеется, необходимо было заполучить реликвию, относящуюся к желаемой Героической

душе. Например, если хочешь призвать Героическую душу, владеющую одним святым мечом, то можно в качестве реликвии использовать ножны этого меча...

...по крайней мере, насколько я слышала.

— И что? — снова огрызнулся Атрам.

В ответ на это мой учитель медленно произнёс:

— Если мои подозрения верны, угрозами Лорду Байрону Вы ничего не добьётесь. Ведь он даже не знает, где находится эта реликвия.

— Что?! — Атрам с ненавистью посмотрел на Лорда Байрона. Который лежал между деревьями, корчась от боли.

Лорд Байрон ничего не сказал, словно всё отрицая.

Вместо него вновь заговорил мой учитель:

— Однако я могу Вам сказать, где эта реликвия.

— Ха-ха. Значит, взамен на жизнь Ваших учеников Вы поделитесь со мной своими дедуктивными выводами, а я буду просто уважительно слушать, раскрыв рот? Возможно, мне стоит напомнить Вам, что моей силы в бою хватит, чтобы исторгнуть жизнь из Вас вместе с Вашими учениками и даже не вспотеть. Мне не составит труда так или иначе заставить Вас сказать то, что я хочу услышать.

— По крайней мере, это я могу Вам обещать, — кивнув, ответил мой учитель на чрезмерную враждебность Атрама. — Более того, если мои выводы верны, я могу пообещать Вам реликвию гораздо величественнее той, которую Вы стремитесь заполучить.

— Что?.. — Атрам на мгновение остолбенел, но после рассмеялся. — О чём это Вы? Я прекрасно знаю, в какой ситуации сейчас находится семья Эль-Меллой. Вам не по силам достать реликвию сильнее этой. Если только... подождите.

Он замолк.

Слова моего учителя – и возможность, что они открывали, – наконец-то дошли до него. И не только до него. Даже я ощутила, как смысл этих слов навалился на меня невыносимой тяжестью. Их смысл был настолько полон отчаяния, что даже мысли об этом угрожали разбить мне сердце.

— Учитель!

Но, словно не слыша меня, он посмотрел на свою сестру.

— Ты же не будешь против, Райнес?

— Поступай, как хочешь. По крайней мере, эта вещь находится в твоём личном владении и не является собственностью семьи Эль-Меллой, — вздохнула Райнес. Видимо, недавняя проекция отняла у неё слишком много сил, поскольку лицо её было бледным и измождённым.

Услышав это, учитель продолжил:

— Как Лорд Эль-Меллой II, я клянусь, — сделав паузу, он заявил: — Я отдам Вам реликвию, которой владею в данный момент.

Реликвия моего учителя.

— Не может быть... из Четвёртой Войны за Святой Грааль?.. — глаза Атрама расширились от изумления.

Учитель медленно достал свой портсигар. Он извлёк из него сигару и спичку, поднёс сигару к губам и запалил её. Завершив этот небольшой ритуал, он произнёс:

— Проверена в бою. Эта реликвия помогла мне призвать Героическую душу, благодаря которой я и пережил ту войну. Вот что я Вам предлагаю.

Воцарилась тишина.

Казалось, это молчание, смешанное со страхом, от которого у меня пересохло в горле, могло длиться вечно. Я провела с учителем лишь несколько месяцев, но мне было известно, что Четвёртая Война за Святой Грааль и воспоминания о ней, были тем, что придало форму его личности. Помимо этого, я знала, что прямо сейчас, посреди этой битвы, он в своих воспоминаниях вновь проводил время с Героической душой, которую он тогда призвал.

По мере того, как запах табака распространялся всё дальше, на лице смуглокожего молодого человека расцвела яркая улыбка.

— Кто бы мог подумать... что Вы зайдёте так далеко ради столь проблемных учеников, — в его бормотания закрался глубокий вздох... и нечто вроде странного проявления доброй воли. Я понятия не имела, что могло стать причиной столь положительных изменений в его отношении к моему учителю.

Словно теперь наслаждаясь собой, Атрам Галиаста провёл пальцами по своим волосам.

— Однако я не настолько груб, чтобы растаптывать убеждения других. Если Вы желаете заплатить сверх этой цены, я не могу просто так отойти от стола переговоров. С величайшим радушием я постараюсь удовлетворить Вашу просьбу, Лорд Эль-Меллой II.

Атрам широко улыбнулся, словно только что обвёл вокруг пальца своего хорошего друга.

◆ 第三章 ◆

Глава 3

1

Что на самом деле есть красота?

Прежде чем мы отправились к башням-близнецам Изельма, Райнес спросила у моего учителя нечто вроде этого.

Проще говоря, если красота есть «нечто, вызывающее у людей приятное чувство», я думаю, что то, чем обладала Золотая принцесса, было чем-то иным. Оно было далеко за гранью того, что мы могли осознать; это нельзя было описать такими простыми словами, как «приятное» и «неприятное». Если сказать ещё проще, то это словно вытягивало все эмоции из сосуда, коим были «мы», таким образом, который мы не могли ни вместить в себя, ни даже постичь. Воссозданная форма Золотой принцессы была настолько трансцендентной, что даже Токо могла отреагировать на неё лишь горькой улыбкой.

Возможно, это было нечто вроде ада.

Раем это точно не было. Если священники в церквях правы, тогда рай должен быть местом, приводящим людей в восторг гораздо более мягким образом. Но это... Выходящее за грань понимания, шокирующее, импульсивное, разрушительное, даже убийственное – казалось бы, это должно быть гораздо ближе к аду. С самого начала маги были теми, кто отвернулся от Господа и обратил свои сердца к аду, но это всё ещё было далеко от попытки воссоздать этот ад на Земле. Если бы кто-нибудь испытал это по-настоящему, то его или её взгляд на мир необратимо изменился бы. Узрев при жизни концепцию, которая должна открываться взору только после смерти, любой понял бы, что большинство религий и идеологий потеряли всякий смысл.

Жизнь и поиск смерти станут по сути одним и тем же. Рай и ад были лишь целями, которые люди попросту вообразили себе и отчаянно желали увидеть в конце своего пути. Испытать по окончании жизни страдания или счастье, выходявшие за рамки человеческих возможностей, – об этом мечтал каждый. Чтобы распространить эту невыразимую идею, были созданы самые разные виды религий и искусства, где рай и ад получили очень яркое изображение.

Парадокс был в том, что их изображали в мельчайших деталях тысячи, десятки тысяч рук, но при этом все всегда понимали, что эти изображения даже близко не соответствовали истине. Какими бы прекрасными или, напротив, далёкими от концепции красоты ни были картины, этот парадокс был уместен. Окно в неведомое было приоткрыто лишь чуть-чуть, и поэтому несведущему верующему оставалось лишь воображать и гадать. Рай, дарующий величайшее счастье, или ад, порождающий величайшее отчаяние, – и то, и другое изображали как душе было угодно. Свобода видеть и вольно мечтать внутри клетки, коей являлся наш собственный разум, была первым грехом человечества... и первой карой.

И всё же.

Когда всё уже закончилось, мне в голову пришёл один вопрос.

Золотая принцесса, достигшая этой Истины по ошибке и ставшая адом во плоти...

...какие чувства это у неё вызывало?

*

— Это была весьма впечатляющая демонстрация Истинной магии.

Когда мы вернулись в вестибюль Башни Луны, нас встретила Лорд Вальюэлета. Иной раз сидела на диване с бокалом виски в руке. Не зная, чем закончились переговоры моего учителя, она просто ждала в башне, словно ей было всё равно, кто возьмёт верх.

Люстра открытого типа бросала ослепительный свет на собравшихся магов.

Озаряемый этим светом, мой учитель едва заметно нахмурил бровь.

— Как маг, я не думаю, что Вам стоит так беспечно бросаться такими словами.

— Я серьёзно. То, что вы провернули, – несомненно, Истинная магия. Вместо того, чтобы изобрести новый метод для достижения чего-либо, вы попросту совершили невозможное, — покрутив морщинистым пальцем в воздухе, она одним глотком допила свой напиток, после чего прищурилась и перевела взгляд на смуглокожего молодого человека, сидевшего на софе позади неё. — Готова поспорить, ты тоже этого не ожидал, да, Галиаста?

— Не стану это отрицать. В итоге я ухватился за шанс получить гораздо большую выгоду. Разумеется, меня немного застало врасплох то, что Лорд Часовой башни готов пойти на столь абсурдную авантюру, — ответил Атрам. В его голосе чувствовался сарказм.

Вообще-то я чувствовала то же самое. Никогда бы не подумала, что он поставит эту реликвию на кон. Прошло уже два часа, в течение которых я помогала Райнес и учителю с приготовлениями, а у меня всё никак не получалось успокоиться.

— Что же до меня, узреть нечто столь прекрасное... что ж, думаю, теперь я довольна, — едва заметно улыбнулась Токо, так и не надевшая очки.

Учитель лениво скосил взгляд в сторону.

— Не чувствуете никаких побочных эффектов от проекции?

— Нет... строго говоря, моё тело было лишь отправной точкой, — слегка кивая, произнесла Серебряная принцесса.

Проекция представляла собой магию, создававшую временный объект с помощью эфира. Было бы точно сказать, что они словно наложили тонкий слой вуали поверх Серебряной принцессы. Несмотря на то, что схожесть между принцессами увеличивала шансы на успех, магия, судя по всему, никак не повлияла на её тело. В этом отношении она довольно хорошо подходила под научное определение катализатора.

Рядом с принцессой молча стояла Реджина. Майо и Исло с подозрением наблюдали за моим учителем.

Да, они объединились ради того, чтобы остановить нападение Галиаста, но как только эта общая цель была достигнута, их отношения, естественно, вновь стали прежними.

Теперь они вновь видели в нём лишь следователя и подозреваемого в деле об убийстве Золотой принцессы и её горничной.

— Для начала выслушаем Ваше предложение, — сказал Лорд Байрон.

Ситуация его вовсе не радовала, но факт оставался фактом: если он откажется от переговоров, то Атрам снова станет ему врагом. Лишь по этой причине Байрон согласился, по крайней мере, выслушать моего учителя.

В вестибюле собрались все, кто был связан с инцидентом.

Инорай и Мик Градзилье.

Атрам Галиаста.

Серебряная принцесса.

Реджина.

Майо и Исло.

Лорд Байрон.

Итого одиннадцать человек, считая меня, моего учителя и Райнес.

Примерно час назад Свен и Флат пришли в сознание и, прислушавшись к пожеланиям учителя, на время оставили нас.

Более того, по периметру вестибюля стояло на страже несколько магов из отряда, который привёл с собой Галиаста. Остальные ждали снаружи, несомненно, готовые ворваться в башню без всяких колебаний, если дела пойдут плохо.

— Итак, Лорд Эль-Меллой II. Вы сказали, что почитите нас своими великими выводами, когда все соберутся, не так ли?

— Я ничего не говорил про выводы. Так, просто догадки. В любом случае логики нет никакой, — как обычно, скучающим тоном произнёс мой учитель. Причём произнёс он эти слова так, словно это был какой-то пустяк.

Однако для него это должно было быть весьма важно. Как он неоднократно говорил, в любом происшествии с участием магов существовало железное правило: в «whodunnit» («Кто совершил преступление?») или «howdunnit» («Как было совершено преступление?») нет никакого смысла. Единственное, на что можно положиться – это поиск «whydunnit» («Почему было совершено преступление?»).

«Но...»

Если мы не сможем раскрыть дело в этот раз, то потери уже нельзя будет назвать «огромными» и вообще как-либо описать словами. Учителю было абсолютно всё равно, как это скажется на влиянии семьи Эль-Меллой, однако реликвия, которую он поставил на кон, – совершенно другое дело. Нет, учитывая нападение Галиаста, здесь нужно было не просто решить загадку.

С обычной для него горечью на лице мой учитель оторвал взгляд от потолка и посмотрел на хозяина башен-близнецов.

— Во-первых, прошу удовлетворить мою предыдущую просьбу, Лорд Байрон.

— Конечно... — нехотя кивнул тот и щёлкнул пальцами.

Повинуясь сигналу, вперёд вышли слуги с ящиком. Запечатывавший его магический круг исчез, как только его надрезали ножом в одном месте. Спустя секунду из ящика выплеснулась жидкая ртуть, которая постепенно приняла форму горничной.

— Трим.

Я сразу же заметила, как расслабилось лицо Райнес. В конце концов, в её глазах Трим была спутницей, не покидавшей её в течение многих лет.

Например... для меня таким спутником был Адд.

— Однако, если Вы совершите нечто неподобающее, я буду вынужден вновь конфисковать её.

— Само собой. Можете следить за ней, я не против. К Вам ведь уже вернулась сосредоточенность? — огрызнулась Райнес, осматривая Трим с головы до ног.

— Полагаю, с приготовлениями наконец покончено? — Атрам лениво развалился на софе, скрестив руки. Здесь, где во всех направлениях расходились сложные подводные течения, он был единственным, кто выделялся. Единственным, кто ничего не терял. Единственным, кто пришёл лишь затем, чтобы брать. Непринуждённость отчётливо проявлялась в его способности улыбаться в такой ситуации.

— Нет, ещё пара моментов.

Сказав это, мой учитель повернулся к двери. Через несколько секунд в передней послышались громкие шаги, и дверь распахнулась.

— Вот и мы!

— Прошу прощения. Простите, что помешали.

— Флат, Свен...

У меня перехватило дыхание, едва я увидела, что было на руках у юноши с вьющимися волосами.

С предельной заботой и уважением он держал завёрнутое в одеяло тело Калины.

— Калина... — разнёсся по вестибюлю исполненный боли голос оставшейся в живых горничной.

Свен аккуратно положил тело на пол. Учитель тотчас же опустился рядом с ним на колени.

Достав лупу и фонарик, он приступил к осмотру тела. При этом он походил больше на полицейского или судмедэксперта, чем на мага. В мою голову вдруг закралась ненужная мысль: если подумать, то знаменитый детектив Шерлок Холмс тоже пользовался передовыми для его времени технологиями медицинской экспертизы в расследованиях преступлений.

Увидев столь неприглядное для мага зрелище, окружающие начали шептаться. Однако мой учитель явно не собирался переживать по поводу того, какого мнения о нём были другие. Не обращая внимания на их приглушённые комментарии, он коснулся лица усопшей, настолько безмятежного, что она как будто просто спала.

Поглощённый своим делом, он, видимо, даже не заметил, как я несколько раз вытерла пот, выступивший на его лице.

Он какое-то время изучал тело, пока наконец...

— Как я и думал, — прошептал он странным голосом. — Барабанные перепонки порваны. Повреждение, отчётливо показывающее, что она потеряла слух. Если проявить внимательность, то это можно заметить. Как она сама сказала, она жила в окружении, где эту слабость могла восполнить магия, так что проблемой это не назовёшь.

Окружающим могло показаться, что он говорил о методах преступника.

Но я кое-что вспомнила. Признание Золотой принцессы, когда она пришла в комнату Райнес. Глухой она была с рождения.

Нахмурившись, Исло спросил:

— И что... это значит?

— Точно, — мой учитель медленно поднялся с колен. Слегка поглаживая свой живот, он глубоко вздохнул. — Что ж, начнём с выводов.

Стоя над телом Калины, он смело и безоговорочно произнёс:

— Это Золотая принцесса.

В вестибюле повисло молчание.

Словно попав под воздействие какой-то магии, в помещении воцарилась тишина, будто все звуки в мире внезапно перестали существовать.

Учитель иногда проделывал такое во время своих лекций.

Окружая себя ореолом, присущим сведущему и хорошо подготовленному человеку, он то и дело выдавал из ниоткуда какие-то безумные выводы, вызывая тем самым у своих учеников полное недоумение. Как правило, Флат реагировал на это тем, что возбуждался сверх меры, Свен изо всех сил старался сдержать его в узде, и в итоге всё оборачивалось хаосом и трагедией. Однако в этот раз всё было иначе.

Брызжа слюной, самопровозглашённый шпион Мик Градзилье возмутился первым:

— Погодите-ка, что это значит?

— Ровно то, что я сказал. Эта девушка – Золотая принцесса, ради которой Изельма и устроили эту светскую встречу.

Все собравшиеся в вестибюле явно хотели спросить: «Вы с ума сошли?» – однако никто не издал ни звука.

В конце концов, слова моего учителя выходили далеко за грань безумия.

Разумеется, она была горничной, которая всегда находилась рядом с Золотой принцессой. Но какой такой поток мыслей мог привести его к выводу, что она сама была Золотой принцессой?

— Хотите сказать, что это некое подобие того трюка с проекцией, который вы провернули? — сказал Атрам за всех нас. — Но это ведь сработало только благодаря Серебряной принцессе, потому что она была очень сильно на неё похожа, разве нет?

Верно.

Использував уникальный катализатор, коим была Серебряная принцесса, и объединив свои таланты, Райнес, Майо и Исло лишь смогли создать иллюзию на несколько секунд, но это тем не менее была Золотая принцесса. Обычную горничную, совершенно другого человека, никак нельзя было использовать, чтобы добиться такого же результата. И пускай её появление на светской встрече не продлилось долго, Золотая принцесса явно была у всех на глазах гораздо дольше, чем несколько секунд.

Мой учитель едва заметно кивнул.

— Метод, разумеется, другой. Скорее, я не понимал этого очень долго. В конце концов, для завершения Золотой принцессы время было слишком уж неподходящим... Флат.

— Да-да, я всё зарисовал! — Флат поднял руку и помахал листком бумаги.

Взглянув на изображение, Райнес подула на руку Триммау. Рука рассеялась под воздействием заряженного магией дыхания и превратилась в лёгкий туман, который окутал окружающее пространство. Спустя несколько секунд туман замерцал, и в воздухе повисла увеличенная копия диаграммы, изображённой на листке.

Это был гороскоп.

Карта небес, показывавшая Солнце и Луну, которые отказывались сходиться.

Одна за другой появлялись орбиты планет, и основной рисунок менялся, реагируя на них. Карта не учитывала достоверность гелиоцентрической модели и не отображала орбиты планет с предельной точностью, потому что для магии важно было не научное понимание движения планет, а данные, зафиксированные наблюдениями за этими движениями.

— Учитывая калибр тех, кто здесь собрался, я уверен, что вам всем уже известно текущее состояние созвездий, — начал мой учитель. — Магия Изельма, возведение Башен Солнца и Луны – всё это было смоделировано с невероятной точностью по образу заклинания, выстроенного на основе Солнца и Луны. Но если для завершения Золотой принцессы был использован талисман, за который боролись Изельма и Галиаста, то это никак не вяжется со временем. Изельма заполучили талисман примерно месяц назад, однако Солнце и Луна не находились в благоприятном выравнивании несколько месяцев.

Сказав это, он указал на Солнце и Луну на парящем в воздухе изображении.

На первой диаграмме два небесных тела находились в одном и том же месте, в то время как на второй, они располагались противоположно друг другу.

— Лучшим из возможных вариантов было бы затмение в полдень. Соединение Солнца и Луны, находящихся в одном месте. Вторым наилучшим вариантом было бы расположение Солнца и Луны в оппозиции друг к другу, в то время как Сатурн, отвечающий за искусство и созидание, находился бы по отношению к линии между ними под углом в сто двадцать градусов. Но за последний месяц ничего из этого не произошло.

— Вы... — лицо Лорда Байрона, уже давно сдерживавшего гнев, начало приобретать болезненно мрачный вид.

Прямо сейчас объяснения моего учителя были сродни вежливому и доскональному разбору магии Изельма. Однако если бы Лорд Байрон опрометчиво начал возражать, то тем самым лишь признался бы в истинности слов моего учителя и тем самым лично поспособствовал бы в уничтожении собственной магии. Куда там Атраму с его жестокостью, одни лишь слова моего учителя были для него достаточной пыткой.

— Но если бы место Солнца в формуле заняло что-нибудь другое, то тогда никаких проблем бы не возникло.

— О? И что же могло занять это место? — произнёс полностью поглощённый интригой Атрам, подавшись вперёд. На что мой учитель с предельной вежливостью ответил:

— При осуществлении магии порой возможно заменить Солнце, поставив на его место одну из других планет. Венера, наверное, наиболее распространённый выбор. В конце концов, это самая яркая звезда в небе. По этой причине Венеру боялись, на Дальнем Востоке её считали божеством несчастья. В библии её даже связывали с падшим ангелом Люцифером. «Утренняя звезда». «Вечерняя звезда». И даже само название «Венера» корнями уходит к месопотамской богине Иштар. Как

звезда, повелевающая концепций красоты, она бы в данном случае послужила идеальной заменой, не так ли?

— Лорд Эль-Меллой II, — мягко обратилась к нему из-под своей вуали Серебряная принцесса. — Я не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет талисман, но если это, как Вы утверждаете, Золотая принцесса, то чем тогда является труп моей сестры, который видели мы все? Полагаю, останки до сих пор находятся в её комнате.

На комнату была наложена магия, чтобы сохранить тело погибшей и само место преступления, но, по сути, Золотая принцесса так и осталась лежать там.

Ответ моего учителя был спокойным и собранным.

— Разумеется, те останки принадлежат настоящей Золотой принцессе. Однако на светской встрече перед всеми предстала вовсе не она.

Даже я озадаченно наклонила голову вбок.

Чем больше он говорил, тем меньше я понимала. Он не раскрывал нам всей картины, лишь скармливал подсказки одну за другой. Пока что я была не в состоянии сложить их во что-нибудь вразумительное.

Но не все, разумеется, были столь же некомпетентны, как и я.

— Вот оно что, понятно... — внимательно слушавшая его Инорай улыбнулась и поднесла к губам вновь наполненный бокал виски. Она занимала такое же положение, как и мой учитель... точнее говоря, она была настоящим Лордом в отличие от него. Её лицо прояснилось, когда она поняла, что мой учитель пытался сказать. — Это была просто наспех сделанная замена, верно? Ну, не могу сказать, что на их месте я бы поступила как-нибудь иначе.

— Читаете мои мысли, — вежливо кивнув, ответил ей учитель. — Настоящая Золотая принцесса умерла задолго до светской встречи. Это вскрылось уже после демонстрации, когда мои ученицы случайно обнаружили её сохранные останки.

— Что Вы такое несёте?! — закричал Лорд Байрон, но ответ моего учителя был холоднее льда.

— Скрывать это уже нет смысла, не так ли, Лорд Байрон? Ваши шансы сохранить это в секрете испарились, когда вмешались Галиаста. Даже без судебно-медицинского анализа любой, кто хорошо в этом разбирается, по крайней мере, скажет, что время смерти явно не совпадает.

— Вы ни за что не сможете это доказать, — продолжил отчаянно упираться Лорд Байрон, не зная, что ещё сказать. — Поэтому я попрошу Вас воздержаться от посягательств на нашу честь своими дикими домыслами.

— Тогда, может, спросим у свидетеля? — сказав это, учитель развернулся.

Он указал на конкретного человека. Магессу, возвышавшуюся над всеми остальными. Женщину с алыми волосами, державшую в руке сигарету.

— Кого, меня? С чего вдруг? — словно взволнованная тем, что указали на неё, Токо сделала шаг вперёд.

Мой учитель мягко коснулся тела у его ног.

— Я хочу попросить Вас взглянуть на неё.

— Хм. Значит, Вы утверждаете, что это и есть Золотая принцесса, которую мы видели на светской встрече? — спросила Токо, словно желая услышать подтверждение.

— Да, — кивнул учитель. — Золотой принцессой, которую представили на встрече, была эта девушка. Горничная Калина, которую Вы подвергли пластической хирургии. Не так ли, Аозаки Токо?

В вестибюле повисло молчание.

Возможно, все оценивали смысл этих слов.

Пластическая хирургия. Если бы мне сказали, что с целью добиться совершенной красоты Золотую и Серебряную принцесс поколениями подвергали множеству процедур, различными техниками изменяя тело и разум, то я бы поняла это без всяких проблем. Но слова «пластическая хирургия», стоило их упомянуть, оказали на всех неописуемый эффект.

— Ну надо же, — рассмеялась Токо, явно наслаждаясь собой. — Думаете, я превратила её в Золотую принцессу с помощью пластической хирургии? Я польщена, но, к сожалению, не припомню, чтобы делала это. Да уж, память меня подводит. Может, стоит провериться, вдруг у меня болезнь Альцгеймера? — сказала она, постукивая пальцем по виску.

Мой учитель сделал шаг назад, освобождая место перед телом Калины.

— В любом случае, взгляните, прошу Вас.

— Ладно, как скажете, — встав перед телом на колени, Токо начала осмотр, внимательно изучая линии щёк и кожу за ушами. — Хм-м... Да, я вижу следы пусть и минимального, но всё же хирургического вмешательства. Если бы операцию проводили с помощью магии, то остались бы лишь косвенные признаки. Впрочем, это зависит от методов. В конце концов, если при этом также применялась лечебная магия, то даже в иголке с ниткой не было бы нужды. В любом случае, тогда не осталось бы следов, которые можно было бы заметить в повседневной жизни.

В отличие от моего учителя, ей не нужны были инструменты. Создавая впечатление мастера, способного различить невооружённым глазом трещину толщиной с микрон на поверхности зеркала, она продолжила скользить пальцем по различным частям тела Калины.

Спустя какое-то время Токо произнесла:

— О, похоже, я ошиблась. Это, определённо, моя работа.

Услышав это, все вновь принялись шептаться.

— Но как я могла забыть нечто настолько важное? — спросила Токо, выражение лица которой мрачнело на глазах.

— Вы ничего не забыли, не так ли? — заявил мой учитель. — Вы попросту не запомнили.

— Да?.. — Токо нахмурилась. Не потому что слова моего учителя показались ей бессмыслицей. Напротив, она всё поняла.

Учитель повернулся к другому человеку.

— Майо, — обратился он к фармацевту.

— Д-да?

— При первой встрече с Райнес Вы использовали какое-то лекарство, чтобы изобразить опьянение, верно?

Да, незадолго до представления принцесс...

Два мага из разных фракций Часовой башни принялись спорить, и атмосфера начала накаляться. Вусмерть пьяный Майо вклинился между ними, тем самым «случайно» прервав спор, грозивший перерасти в потасовку. На самом деле то опьянение было результатом лекарства, которое он принял. Употребив другое, протрезвляющее средство сразу же после этого, он мгновенно пришёл в норму.

— Д-да... — подтвердил Майо, и учитель тотчас же нанёс новый удар.

— В таком случае Вы более чем способны создать лекарство, препятствующее сохранению памяти, не так ли?

Даже для тех, кто не являлся частью мира магии, потеря памяти в силу чрезмерного опьянения не было чем-то из ряда вон выходящим. Когда человек что-то узнаёт, его опыт сохраняется путём перемещения из кратковременной памяти – области памяти, хранящей лишь то, что произошло секундами ранее, – в память среднесрочную, удерживающую информацию, которая была получена в промежуток от полудня до месяца. Однако некоторые спирты могли препятствовать этой передаче информации, тем самым предотвращая сохранение событий в более постоянной форме. Поскольку в магии память была важна так же, как и в науке, мой учитель – преподаватель факультета современной магии – говорил об этом на своих лекциях.

Но теперь его слова подразумевали, что кто-то искусственно воссоздал этот феномен с помощью магии.

И не только. Если перемещению информации из краткосрочной памяти в среднесрочную можно было воспрепятствовать, то, скорее всего, Майо вполне мог создать лекарство, вмешивающееся в этот же процесс между среднесрочной и долгосрочной памятью. К тому же, что касается предотвращения сохранения памяти, он потенциально мог выбрать конкретные слова, которые нужно было забыть.

Токо подняла голову. На её лице читалось любопытство.

— Хм. Хотите сказать, что я, сама того не заметив, приняла какое-то лекарство, подавляющее память?

— Нет, не думаю, что Вы настолько беспечны. Но если бы принятие лекарства было условием предложенной Вам работы, Вас бы это не остановило, не так ли?

— Вот как. Разумеется, в зависимости от того, насколько мне интересна предложенная работа, — подтвердила она.

В зависимости от того, насколько интересна работа.

Если эта работа привлекла интерес величайшей магессы Часовой башни, достигшей ранга Гранда, то...

Мой учитель даже не думал останавливаться.

— Почему они попросили провести пластическую хирургию? — он поднял палец вверх. — Зачем нужно было стирать память Аозаки Токо после этого? — вслед за первым пальцем поднялся второй.

Сложив эти пальцы вместе, он прижал их к своему лбу, словно силясь понять какую-то иррациональную предпосылку.

— Всё не так уж сложно, — продолжил учитель. — Он ни за что не мог допустить распространения вести о смерти Золотой принцессы. Уверен, он готов был предложить любую награду, чтобы вернуть её. Даже если результатом стала просто фальшивка.

Лорд Байрон, похоже, устал возражать.

Атрам, Мик и другие опытные маги были полностью поглощены речью моего учителя.

Между словами учитель извлёк свой портсигар из нагрудного кармана. Достав сигару и запалив её спичкой, он продолжил:

— Я могу даже предположить, что за магию они использовали, чтобы этого добиться.

Сигара, которую он держал во рту, медленно горела, испуская слабый багрянистый дым. Глядя на мерцающий огонёк, он пробормотал:

— Наверное, оно, да?

— Ха! — внезапно Токо рассмеялась. Словно не в силах больше сдерживаться, женщина прижала ладони к животу, сгибаясь от громогласного хохота. — Ха-ха, ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Пепел?! Заклинание Золушки?! Неужели всё так просто?!

— Да, всё весьма просто, достаточно лишь увидеть.

Разумеется, я ничего не поняла.

Единственное, что пришло мне в голову, это сказка о Золушке. Возможно, Перро и Базиле, о которых бормотал прежде мой учитель, были авторами этой истории. Несмотря на то, что версий сказки существовало очень много, самой знаменитой была та, которую опубликовали братья Гримм. Оригинал прослеживался до Шарля Перро и итальянца Базиле.

Нет.

«Пепел?..»

Разве я не слышала о них где-то раньше?

— Байрон Вальюэлета Изельма, Атрам Галиаста, — мой учитель повернулся к двум мужчинам. Всё ещё не понимая, что именно вызвало у Токо смех, они посмотрели на него с озадаченным выражением на лицах. — Я уже говорил это, но позвольте повторить. Вы не против, если я ещё немного поговорю про талисман, за который вы боролись?

— Делайте, что хотите.

— Если без этого никак...

Сдержанный ответ Лорда Байрона резко контрастировал с нетерпением Атрама.

Получив дозволение, учитель продолжил:

— Талисман представлял собой липовый лист.

Европейский фикус священный был известен как символ святости, связанный с Девой Марией и несколькими другими святыми. Его часто сажали рядом с церквями или зданиями суда, которые выполняли функции городского центра.

Также, благодаря медицинским свойствам этого растения, его втайне использовали маги и алхимики.

— Однако этот был связан с конкретной Героической душой. Ведь его коснулась кровь дракона.

Внезапно все напряглись.

Каждый знал легенду, связанную с образом этого листа. Даже среди тех, кто не являлся магом, едва ли нашёлся бы человек, который не знал бы великую Героическую душу из северной Европы. С помощью легендарного меча Бальмунга он сразил злого дракона Фафнира. Этот рыцарь обладал бессмертным телом, неуязвимым для когтей, клыков и оружия.

Зигфрид.

Главная фигура «Песни о Нибелунгах», герой среди героев. Когда он купался в крови дракона, к его спине прилип липовый лист, который стал причиной появления единственной уязвимой точки на его бессмертном теле. И талисманом, о котором говорил мой учитель, был именно этот лист.

— Подождите-ка, — вскочил на ноги Атрам.

В его голосе чувствовалась лёгкая дрожь. Похоже, что смысл слов моего учителя – каким бы он ни был – наконец-то дошёл до молодого человека.

— Что-то не так? Про талисман всё-таки нельзя говорить?

— Нет. Вы упомянули пепел, не так ли? Неужели Вы хотите сказать, что...

— Всё верно. Лист, однажды вымоченный в крови дракона, никогда не увянет и не сгниёт. Однако есть маги, которые в состоянии сжечь его нетрадиционными методами и превратить в катализатор для единичного использования.

Молчание, воцарившееся после его слов, воспринималось теперь совершенно иначе.

Точно таким же молчанием обычно реагировали, например, на чьи-нибудь слова об уничтожении бесценного сокровища. Причём уничтожил не человек, кто не понимал всей ценности вещи, нет. Скорее, тот, кто обладал исключительным авторитетом в данной области, прекрасно понимая, что он делает, сжёт предмет, представлявший для мира невыразимую ценность.

С таким видом, будто он чем-то подавился, Атрам повернулся к Токо.

И не только он.

Резкий звук эхом разнёсся по вестибюлю. Это Лорд Байрон, изумлённо распахнув глаза, выронил свою трость.

— Н-невозможно... Мисс Аозаки... Вы же не могли...

Если Атрам выглядел так, будто он задыхался, то Байрон словно умолял о чём-то. Возможно, человек, который посвятил всю свою жизнь искусству, увидев, как это искусство разбили вдребезги прямо у него на глазах, попросту не мог отреагировать как-то иначе.

— Не, я бы вполне смогла, — Токо же, напротив, была предельно сдержанна.

— Понятно. Использовать лист, вымоченный в крови дракона, для заклинания Золушки. Совместимость же превосходная, вам так не кажется? Миф о Зигфриде рассказывает не о человеке, ставшим бессмертным, а, скорее, о том, как он

переродился в бессмертного героя. Чем не аналогия с Золушкой? Косметика и платья тоже по-своему являются магией. Пластическая хирургия – лишь ещё один шаг на этом пути. Липовый лист, связанный с перерождением человека в героя, – это талисман, который слишком уж совершенен. Тот факт, что я не помню всего этого, сводит меня с ума.

Словно сдерживая очередной приступ смеха, она прижала ладонь к рту, и её плечи затряслись.

Все собравшиеся маги – даже Райнес и Флат – изумлённо уставились на неё. Даже Флату, магу, выходившему за рамки нормального, действия Токо казались беспрецедентными. Даже я, совершенно незнакомая с путём магов, не смогла избежать изумления от этого откровения. Потому что даже я была рождена вместе с этим кубиком и прикована к прошлому с самого начала. Даже меня научили тому, что слепое повиновение прошлому есть данность.

Возможно, потому что я правильно угадала её ответ.

Или, может, была какая-то другая причина.

— П... почему... — Лорд Байрон наконец-то громко сглотнул и повернулся к Токо. — Почему?! Мисс Аозаки, Вы же потребовали это в качестве оплаты! Почему Вы использовали талисман, чтобы выполнить мою просьбу?! Это же просто чересчур!..

— О, вот как всё было? Ну, тогда спасибо, что дали мне нечто настолько ценное, — непринуждённо пожала плечами Токо в ответ на стенания Лорда Байрона. — Я ничего этого не помню, но если догадки Лорда верны, тогда я могу понять, почему я так поступила. Я взялась за эту работу, потому что она показалась мне интересной. Но если налицо нехватка материалов и средств, то это будет видно по готовому продукту. Поэтому вполне разумно использовать полученную награду, чтобы обеспечить результат, который меня удовлетворит. Довольно логично, не так ли?

— Что?!.. Никто не просил Вас заходить так далеко! Нам нужно было лишь как-то продержаться одну ночь!..

— Пожалуйста, хватит. Такая уж я есть, — На лице Токо возникла улыбка. Проявление искреннего и чистосердечного извинения.

Не считая горькой улыбки на лице Лорда Вальюэлета, все прочие – и я в том числе – просто стояли, застыв в изумлении.

С точки зрения мага то, что она говорила, явно не было чем-то неправильным.

Это желание окунуться как можно глубже в бездну магии не станет отрицать ни один маг. Но даже так мне оставалось лишь гадать, сколько из них смогли бы переварить такое варварство со стороны Токо. По крайней мере, каждый из собравшихся здесь магов смотрел на Токо так, словно она была каким-то непостижимым монстром.

Единственный маг, которым не овладело изумление, продолжил говорить.

— Таким образом и была обнаружена подмена, о которой мы говорили ранее, — произнёс мой учитель.

До этого он сказал, что в качестве замены Солнцу была использована Венера.

Но это не была просто какая-то игра слов. Ценой столь важного талисмана магесса уровня Гранда совершила великий ритуал, выйдя за рамки даже собственных навыков, и произвела замену.

— Для заклинания, призванного сделать принцесс ещё более красивыми, расположение звёзд было совершенно неправильным. Но если целью заклинания было превратить другую женщину в Золотую принцессу – если вместо Солнца встанет Венера, тогда магия подействует. Солнце и Луна в оппозиции друг к другу и Сатурн, покровительствующий созиданию, в тригоне. Но если место Солнца займёт Венера, то всё меняется. Пусть она и заменяет Солнце, факт того, что Венера на самом деле является планетой, остаётся неизменным. Короче говоря, нужно, чтобы Луна, Венера и Сатурн все находились в тригоне – в ста двадцати градусах друг от друга.

Учитель подал знак, и Райнес пошевелила рукой. Изображение звёзд сменилось.

Место гороскопа заняла карта, показывающая расположение и движения различных небесных тел.

Увидев новую карту, маги, собравшиеся в вестибюле, разом вздохнули, когда до них дошёл смысл сказанного учителем.

Тригон. Луна, Венера и Сатурн, идеально выстроенные под углом в сто двадцать градусов друг от друга.

— Этот момент наступил примерно месяц назад. И это довольно хорошо вяжется со временем проведения аукциона, где Изельма заполучили талисман, — произнёс учитель. Его голос был холоден и груб.

Но всё было по-другому, да? Именно из-за расположения звёзд Токо и попросила тот липовый лист. Карта, повисшая в воздухе между всеми нами, была единственным доказательством, которое нужно было другим магам, чтобы подкрепить слова моего учителя.

— Подождите, то есть эта горничная на самом деле была Золотой принцессой, которую мы видели?.. — простонал Мик, глядя на тело Калины, лежащее на полу вестибюля. Затем он задал новый вопрос: — Тогда почему мы видели Калину вместе с Золотой принцессой на светской встрече? И даже когда мы обнаружили тело принцессы...

— Во время встречи их видели только на балконе. Поставить вместо горничной гомункулу или марионетку было бы вполне достаточно. Если же в этом не была замешана магия, то кого-нибудь из прислуги того же роста и телосложения в её одежде хватило бы, чтобы создать иллюзию. Присутствие только одной горничной было бы слишком подозрительным, поэтому со стороны Лорда Байрона было вполне разумно об этом позаботиться.

Я вспомнила, как мы с Райнес впервые прибыли в башню.

Когда повозка остановилась у входа, извозчик, управлявший ею, как будто растворился в воздухе. Не знаю, был ли это гомункул или результат какой-то другой магии, но нечто подобное без особых проблем могло сойти издалека за горничную.

— Что же касается момента, когда было обнаружено тело Золотой принцессы, то тут всё ещё проще. Заклинание эффективно, но недолговечно. Поэтому оно и называется заклинанием Золушки.

Согласно сказке, заклинание, наложенное на Золушку, испарилось ночью.

Когда часы пробили полночь, магия исчезла. Осталась лишь хрустальная туфелька. Несмотря на то, что детали разнились в зависимости от версии сказки, все они следовали этой общей теме.

— Вне зависимости от того, какой вариант сказки вы читаете, результат всегда один и тот же. Магия, наложенная на главную героиню, исчезает сразу же после бала. Не сомневаюсь, вскоре после того, как тело настоящей принцессы было изрублено на куски, а комнату заперли Тайной печатью, заклинание Аозаки Токо тоже исчезло. Хотите ли вы верить в то, что магесса уровня Гранда своими навыками пластической хирургии способна воспроизвести волны магической энергии настоящей принцессы, или в то, что Тайная печать изначально была перенастроена на Калину, одно можно сказать наверняка: она смогла бы попасть в комнату без всяких проблем.

— Магия... исчезает...

Я вспомнила один факт.

На светской встрече, когда нам показали Золотую принцессу, одного взгляда на неё было достаточно, чтобы от её красоты я разучилась дышать.

Однако когда она пришла в комнату Райнес, чтобы поговорить с нами... Да, она была невероятно красива, но мы спокойно могли с ней общаться. Тогда мы подумали, что просто немного привыкли к ней, поскольку уже видели её до этого. Но что, если причина тому была совершенно иная?

Что, если заклинание, превратившее Калину в Золотую принцессу, уже начало развеиваться?

Нет, дело было не только в этом.

Тогда Калина сопровождала Золотую принцессу.

Значит, это была не Калина, а её близняшка Реджина...

«Как много?..»

Как много мы упустили?

Вместо того, чтобы просто сидеть на месте и ждать прибытия учителя, мы наверняка могли что-нибудь сделать. Я увидела, как Райнес, словно думая о том же, закусила губу.

— Могу я кое-что спросить? — подняла свой бокал с виски Инорай, стоявшая рядом с яростно трясущим головой Лордом Байроном. — Целью хирургии было воссоздание Золотой принцессы, верно? Но в результате процедуры, проведённой моей глупой ученицей, получилась фальшивая Золотая принцесса, во много раз превосходившая настоящую. Почему? Потому что моя глупая ученица настолько хороша? Или виной тому был талисман?

— Несомненно, Токо и талисман повлияли на это, — кивнул учитель. — Но есть и другая причина. Что касается магии, красота – это не только нечто

эстетическое, и вы все это, я уверен, прекрасно знаете. «Те, кто видят красоту, сами становятся красивее». Или что-то вроде этого.

Райнес тоже рассказывала мне об этом.

Искусство есть вид симпатической магии. Очищение души и духа человека, когда он ценит что-то красивое, – вот какова истинная природа красоты. Поэтому если и существовало нечто, достойное называться абсолютom красоты, то его лицезрение могло вознести наблюдателя на более высокий уровень естества.

— Это одна часть того, что красота значит в магии. Когда Золотую и Серебряную принцесс представили вместе, они обе стали ещё более красивыми. Это можно назвать «дополняющей красотой». Но Золотой принцессе нельзя было видеть собственное лицо. То же касается и Серебряной принцессы. Если бы их лица хотя бы даже в зеркале отразились, то уровень их красоты снизился бы.

Слова моего учителя наполняли вестибюль вместе с клубами дыма от его сигары.

— Вот почему для такого заклинания необходим третий человек.

— Что?!.. — простонал Лорд Байрон, отшатнувшись назад.

Да, Золотая принцесса так и сказала.

«Однако методы нашего отца на данный момент утратили свою эффективность... нет, будет лучше сказать, что стадия, на которой его методы были действенными, уже прошла».

Если это была не просто беспринципность, а самая настоящая правда, тогда... в магии Изельма был роковой изъян. И если этот изъян вёл их к стагнации, то это был лишь вопрос времени, когда мой учитель обнаружил бы его.

«В конце концов, это особенность моего...»

Видеть насквозь магию других и доводить её до правильного состояния было тем самым навыком, который сделал Лорда Эль-Меллоя II не имеющим себе равных преподавателем Часовой башни.

Свен победоносно фыркнул, словно гордясь своим учителем.

— Разумеется, даже когда было решено подвергнуть Калину пластической хирургии, Лорд Байрон не принял эту идею во внимание. Взволнованный потерей Золотой принцессы, он лишь отчаянно хотел заполнить образовавшуюся пустоту.

Выражение лица учителя оставалось недовольным, резко контрастируя с таковым у Флата. Словно необходимость говорить всё это вслух причиняла ему боль.

— Несмотря на это, третий человек появился в уравнении, и заклинание было доведено до совершенства. Та, кто всю свою жизнь взидала на принцесс... Когда Калине была дарована та же красота, она намного превзошла их.

Троица. Трое как один.

В христианстве это ссылалось на идею о том, что Отец, Сын и Святой дух есть проявления одного Бога. И не только.

Когда соединяешь точки на поверхности, с трёх точек начинается формирование изображения.

Когда у символа есть два лица, их противоположность создаёт стабильность. Если же лиц уже три, то каждое из них влияет на другие два, и между ними начинает циркулировать некая энергия.

Пока принцессы были одни, они находились в состоянии стабильной противоположности, равные друг другу. Но когда третий человек, который наблюдал за ними со стороны, получил их красоту, им пришлось измениться.

В каком-то смысле потеря настоящей Золотой принцессы тоже могла подстегнуть этот процесс.

Заклинание, которое должно было находиться в состоянии стабильности, что-то потеряло, и из этой пустоты родилась огромная энергия. Как и в случае с идеей о потенциальной энергии, покотившись под откос, это оказало воздействие даже на магию. ■■■■■■■■■■, даже более великая, чем та, которой обладала Золотая принцесса, досталась Калине.

Нечто настолько могущественное, что даже Гранд вроде Аозаки Токо, не смог бы перед этим устоять...

— Подождите, профессор, — поднял руку Свен. Он был полон энергии, словно вновь оказался в аудитории Часовой башни. — Если то, что Вы говорите, правда, тогда разве Серебряная принцесса не должна была вознестись в своей красоте, узрев новую Золотую принцессу?

— Тут всё просто, — взгляд моего учителя сместился. Глядя на Серебряную принцессу, он произнёс: — Мисс Эстелла, Вы ведь слепы, не так ли?

— Почему Вы так решили?.. — негромко отозвалась принцесса.

— Похоже, что Золотая принцесса была глуха. В магии это весьма распространённая практика. Запечатать одно из пяти чувств, чтобы отточить магию. Магия Изельма была выстроена путём внедрения этой потери в их генетический код. Было очень важно, чтобы хирургия Токо воспроизвела этот эффект, поэтому Калина и лишилась своих барабанных перепонки. Если подумать, то отсутствие зеркал в комнате Золотой принцессы было вызвано необходимостью соответствовать Вашей комнате, верно? Ваша повседневная жизнь совпадала вплоть до процессов сна и принятия пищи, поэтому само собой разумеется, что такой влияющий на магию момент, как отсутствие зеркал, тоже нужно было учесть. И если уж комнаты должны так или иначе совпадать, то проще убрать зеркала из обеих комнат, чем вешать их.

Он извлёк сигару из рта.

Послышался скрежет зубов. Эта манера существования, магии, которая достигла своих пределов и стала попросту душной, принималась в мире магов за данность. Неважно, как трудно им было дышать, бежать всё равно было некуда, поэтому и для сожаления не было причин.

Но даже так это, должно быть, для моего учителя было невыносимо.

Несмотря на то, что он был одним из двенадцати Лордов Часовой башни, ему ещё только предстояло принять такую жизнь.

— Разумеется, существует множество способов преодолеть эту преграду в повседневной жизни. Например, магия, имитирующая эхолокацию летучих мышей,

и так далее... но это не меняет того факта, что Вы не можете видеть. Поэтому Вы и не смогли войти в этот круговорот красоты, в котором обитала Золотая принцесса.

Дело было не только в неспособности видеть. Круговорот магии сам не мог достичь её.

— Однако... учитывая, что за дело взялась мисс Аозаки, я не могу себе представить, что эту вероятность она просто упустила из виду.

— Хм. Я, конечно, не помню, но, вероятно, я тоже смогла бы до всего этого дойти, — Токо едва заметно прищурилась, услышав свою фамилию. — О, и кстати, избавиться от учеников класса Эль-Меллоев меня попросила Реджина, — сказала она, указав на горничную.

В девушке больше не чувствовалось замешательства.

Возможно, у неё было время набраться решимости, пока она слушала объяснения моего учителя. Она стояла, сцепив руки на своём переднике, с непоколебимым взглядом.

— Взамен она предложила секрет красоты Золотой принцессы. Вот, значит, как всё было, да? Понятно. Ну, думаю, ты не врала. Возможно, ты легко могла мне рассказать этот секрет. Просто не упомянула, что эту красоту я никогда не смогу забрать себе. Раз такое дело, тогда я тоже не обязана держать твою личность в секрете, верно?

Внезапно Токо кивнула.

Взгляды всех присутствовавших замерли на Реджине.

— Значит, это ты... — первой заговорила Райнес. — Из-за тебя меня обвинили в убийстве Золотой принцессы?

На вопрос Райнес горничная ответила лишь молчанием.

Стоявшая рядом с ней Серебряная принцесса тоже держала рот на замке. То ли он пребывал в полнейшем шоке от происходящего, то ли всё ещё отходил от известий о том, какая судьба постигла талисман, но Лорд Байрон лишь сонно переводил взгляд с одной девушки на другую.

— Ну? — вновь спросила Райнес. — «Калиной», которая пришла в мою комнату вместе с Золотой принцессой, должно быть, тоже была ты, да? Валяй, может отрицать это или даже признать, просто скажи что-нибудь. Или пускай твоя хозяйка скажет за тебя, я не возражаю.

Как и ожидалось, горничная не проронила ни слова. Она просто стояла с невозмутимым видом, спокойно выдерживая нападки Райнес.

Атрам с усмешкой фыркнул.

— Полагаю, наш выдающийся Лорд Эль-Меллой II и этому нашёл объяснение?

— Я как раз думал, сказать или нет.

— Ну конечно. Вы же сами раздули из мухи слона, когда взялись за это дело. Работа детектива включает в себя поиски ответов даже на самые незначительные загадки и вопросы, не так ли?

Возможно, по причине того, что Атрам Галиаста всё ещё злился из-за потери талисмана, его последняя фраза получилась довольно резкой.

В ответ на это учитель нахмурился.

Словно пролитие света на это дело было наказанием для него самого, он просто протяжно затянулся своей сигарой. Выдохнув облако сильно пахнущего дыма, он медленно произнёс:

— Смерть настоящей Золотой принцессы, скорее всего, была последствием исследований. Прогресс в магии семьи Изельма уже вгрызлся в генетическую природу подопытных, и поэтому, если переборщить, какая-либо смерть более или менее неизбежна.

Как и сказала нам Золотая принцесса, магия семьи Изельма уже обернулась неудачей. Так что неудивительно, что результатом этой неудачи была смерть.

— Однако Лорд Байрон на этом не остановился. По крайней мере, он продолжал действовать вплоть до окончания светской встречи. Несмотря на то, что изначальная Золотая принцесса умерла, он пригласил Аозаки Токо, и благодаря её усилиям Калина стала даже более успешным образцом. В результате Серебряной принцессе и её горничной Реджине, должно быть, также пришлось набраться решимости.

— Потому что... Серебряная принцесса... в конечном итоге тоже умерла бы?.. — дрожащим голосом произнёс Исло.

Но мой учитель покачал головой.

— Нет. Есть проблема серьезнее. После той светской встречи многие маги, наверное, подумали: с ней они, вероятно, смогут достичь Истока. Что, если бы об этом прознала Ассоциация магов?

— А-а... — невольно вырвалось у меня.

Потому что мы недавно слышали похожую историю.

— Назначение на Печать, значит?.. — с горькой улыбкой прошептала Токо.

Талант, признанный в маге и ограниченный лишь одним поколением, с которым ничто не сравнится ни в прошлом, ни в будущем. Ответ на вопрос, как сохранить таких индивидов живыми навеки. Величайшая честь для мага. Значит, Лорд Байрон не должен был беспокоиться. Значит, у Эстеллы не должно было быть причин отказываться.

— Строго говоря, Золотая и Серебряная принцессы магессами не являются, и поэтому они могут и не подойти для назначения на Печать. И даже независимо от этого исследования Изельма не ограничиваются лишь одним поколением, так что это условие тоже не соблюдается. Но если бы Часовая башня решила, что существует вероятность достижения Истока, то ни за что не закрыла бы на это глаза.

Токо кивнула.

— Значит, Серебряная принцесса и её горничная вознамерились сбежать, но перед этим им необходимо было разобраться с телом Золотой принцессы. Я права?

Этой возможности их уже лишили. Несомненно, Изельма необходимо было это прояснить.

Прежде чем вести со светской встречи дошли бы до Часовой башни и там успели бы вынести суждение, нужно было показать, что исследованиям Изельма был нанесён огромный ущерб.

— Скорее всего. Вероятно, Райнес ложно обвинили в убийстве по этой же причине. Если бы удалось втянуть в это кого-нибудь из другой фракции – в идеале кого-нибудь известного из аристократической фракции – тогда всё можно было бы решить в кругу семей Изельма и Вальюэлета. Райнес идеально подходила на эту роль.

— Благодаря кое-кому моя фамилия стала весьма известной в Часовой башне, не так ли? — с сарказмом отметила Райнес, впиваясь глазами в моего учителя. Взгляд её был полон неприязни, но я чувствовала, что эта её неприязнь была совсем иного рода, чем та, что она проявляла по отношению к Атраму.

Мой учитель продолжил:

— Короче говоря, когда Золотая принцесса просила убежища, она отчасти говорила искренне. Скорее всего, они всерьёз обдумывали это. Но недостаточно доверяли Райнес, чтобы делать на это ставку.

Естественно.

Доверять свою жизнь магу, с которым ты до этого даже не говорил ни разу, было безумием. Неудивительно, что сама Райнес преисполнилась подозрением, когда её попросили об этом. Не стоит верить в то, что маг будет действовать в

соответствии со здравым смыслом, не говоря уж о нравственности и этике. Да, они, скорее всего, обдумывали этот план, но ни за что бы к нему не прибегли.

Как итог, вместо того, чтобы полностью оставить эту идею, они использовали её в качестве окольнотой приманки, чтобы подвести нас с Райнес к обнаружению тела Золотой принцессы.

— В общем, когда Лорд Байрон увидел тело Золотой принцессы, он уже должен был знать, что она была настоящей. В конце концов, только он мог так разрезать её на куски. Да, думаю, не стоит объяснять, зачем нужно было разрезать тело. Для мага вполне разумно извлечь как можно больше данных для создания следующего испытуемого.

Губы Лорда Байрона были крепко сжаты.

Никто из собравшихся магов не стал его в чём-либо обвинять. В конце концов, он поступил как подобало магу – это было вполне естественно для того, кто был погружён в этот мир.

— Поэтому Лорд Байрон, должно быть, из всех сил искал, кого обвинить. Вариантов было бесконечное множество. Даже его предполагаемые друзья во фракции Вальюэлета могли в любой момент нанести удар в спину. В его глазах практически у каждого был достаточный мотив.

Фракционная борьба.

Маги, которые легко могут начать грызть друг другу глотки даже в пределах этих фракций.

Мир, в который Райнес и мой учитель угодили давным-давно.

— Однако второе происшествие – другое дело.

Его тон внезапно изменился.

— Учитель?..

— Первый инцидент был целиком и полностью фарсом. Ширмой, призванной скрыть смерть Золотой принцессы. Серебряная принцесса и горничные должны были сбежать, воспользовавшись воцарившимся хаосом. Поэтому смерть Калины была совершенно необязательной.

— Что Вы имеете в виду?..

— Разумеется, то, что здесь действительно произошли убийства. Первой жертвой была Золотая принцесса, случайно погибшая по вине Лорда Байрона, а второй – Калина, которая была убита...

Здесь он вдруг замолк.

В вестибюле воцарилась такая мёртвая тишина, что даже можно было отчётливо услышать, как кто-то сглотнул.

Серебряная принцесса и её горничная начали слабо дрожать.

— ...Вами, — закончил мой учитель, указав пальцем.

Там, куда был направлен его палец, стоял лишь один человек.

Из нейтральной фракции.

Молодой, бледный мужчина с факультета фольклора.

Бришисан

Глаза фармацевта Майо Бришисана Клинелла широко распахнулись.

Майо, стоявший посреди вестибюля, ошеломлённо качал головой.

С глухим стуком он упал на спину и начал отползать от моего учителя. При этом голова его болталась из стороны в сторону.

— Н-нет... Я... Я...

— Возможно, мне стоит объяснить, — голос моего учителя был ужасающе холоден.

Как и прежде, я ощутила в его тоне чувство вины.

— Флат.

— Да! — словно ожидая именно этого момента, Флат резко поднял руку вверх, которая сжимала какую-то одежду и сумку. — Как и сказал профессор, мы нашли это рядом с тем родником!

Дорожная сумка и одежда Золотой принцессы.

Увидев это, я каким-то образом поняла, что произошло. Когда магия рассеялась, Калина отправилась к роднику, чтобы переодеться. А для того, чтобы сбежать от Лорда Байрона, она приготовила сумку и спрятала её неподалёку, чтобы отправиться в путь без лишней задержки.

— Во множестве легенд о Зигфриде он тоже проводил время рядом с подобными родниками. Например, когда смывал с себя кровь дракона или когда отправился навстречу своей смерти. Разумеется, когда дело касается магии, это тоже имеет значение... но нет, всё не настолько сложно. До этого я был уверен где-то процентов на восемьдесят или девяносто, но только теперь окончательно уверился в том, что Вы и есть убийца.

Спрашивать «whodunnit» бессмысленно, сказал как-то мой учитель.

Ещё он говорил, что даже в «howdunnit» нет никакого смысла.

Если преступником был маг, размыть эти понятия можно было самыми разными способами. Всяких трюков было не счесть. Пройди сквозь стену, чтобы создать «запертую комнату», если захочешь. Наложь одно-единственное проклятие – и дело сделано.

Однако «whydunnit», какими бы скудными ни были выводы, являлось исключением из этого правила.

— Единственными, кто мог прикрыть Реджину и Золотую принцессу, были Вы и Исло, верно? — прошептал мой учитель.

Услышав эти слова, Серебряная принцесса и её горничная начали заметно содрогаться.

— А причина, по которой это не мог быть Исло, - Триммау. Гранду Аозаки Токо или Лорду Вальюэлета удалось бы остановить Триммау. Даже Атрам Галиаста смог бы это сделать.

— Можно было и без «смог бы», — резко отозвался Атрам.

Поскольку он ограничился лишь этими словами, это послужило достаточным доказательством тому, что он не был уверен, что смог бы остановить горничную из ртути, стоявшую прямо перед ним.

— Однако вы двое слишком уж узконаправлены. Будучи портным и фармацевтом, вы не то, что остановить её, даже защититься едва ли смогли бы. Чтобы полностью обезвредить её, нужно досконально знать формулы и устройство Тайного знака. Да, полагаю, мой ученик Флат особенно искушён в подобных вещах, но сделать такое на самом деле довольно сложно. По крайней мере, я бы точно не смог. Вам же нужно было как-то изучить Триммау вблизи. И моя сестра, как она сама мне сказала, один раз утратила бдительность.

— Тогда я слишком нервничала, потому что находилась на вражеской территории. Не будь таким грубым, дорогой мой брат.

Пропустив просьбу Райнес мимо ушей, мой учитель продолжил:

— Более того, пачкать кровью руку Триммау было уже чересчур. В этом попросту не было необходимости. Райнес уже была загнана в угол, её подозревали в убийстве Золотой принцессы. Поэтому я и решил, что в инциденте с Золотой принцессой и в убийстве Калины были виновны разные люди.

— Тогда... получается, что... — с отчётливой болью в голосе произнёс Исло и повернулся.

Глядя на своего друга детства, он видел лишь монстра, облачённого в знакомую одежду.

На этот раз фармацевт ничего не стал отрицать.

По-прежнему сидя на полу, он начал улыбаться. Его дрожь полностью прекратилась, рот растянулся в широком полумесяце улыбки. Он был совершенно спокоен.

— Но... — наконец произнёс Майо. — Почему... почему то, что я сделал, — неправильно?

Его болезненно пустой голос эхом разнёсся по вестибюлю.

Наши уши всё расслышали правильно. В глазах Майо мы видели убеждённость, о которой не мог мечтать даже человек, получивший откровение от самого Господа. В его вопросе было искреннее недоумение.

Нет, это было неправильно.

Потому что даже мне казалось, что он был прав.

— Я з-знал её, с самого детства. М-много лет. Знал л-лучше, чем кто-либо! Н-но та женщина была для меня чужим человеком!

Интересно, какую женщину он имел в виду?

Настоящую Золотую принцессу Диадру?

Горничную Калину, которая всегда была рядом с ней?

Или...

— В-вот я и подумал, что соберу хотя бы частичку её. Препней её, ещё до смерти...

Вероятно, это произошло до того, как Райнес обнаружила те отпечатки ног и послала Триммау по следу.

Как и мы, Майо пытался выяснить, кто убил Золотую принцессу. Или, может, он даже не задумывался о поисках убийцы. Может быть, как он и сказал, он просто хотел собрать немного остаточной сущности её жизни. Если он мог усиливать свои чувства, тогда пойти по следу, как Триммау, для него не составило бы проблем.

А когда он наткнулся на Калину у того родника, она, скорее всего, готовилась к бегству от Лорда Байрона.

— Когда я спросил её, то удивился. Ведь она сказала, что Золотой принцессой была она, Калина. С-сначала я не поверил ей, н-но можете себе представить, как я был рад? Потому что! Потому что! Диадра, м-может, и умерла, но Золотая принцесса всё ещё была жива! Т-та красота, пускай отчасти, н-но всё ещё была там! — прокричал Майо.

Пересиливая своё заикание, он излил всё, что таилось в его сердце. Будучи очарованным результатами заклинания Золушки, он был подобен миссионеру, вещавшему о величайшем Евангелие.

— Н-но! Она сказала, что убегает! Что с-собирается сбежать от Лорда Байрона, увести Серебряную принцессу и Реджину из башен! И она п-попросила меня помочь!

Она считала Майо надёжным другом детства.

Считала, что Майо пусть и узнал правду, но всё равно помог бы им. И поэтому она всё ему рассказала.

Но они думали по-разному.

Нет, их мысли были направлены в совершенно противоположные стороны.

— Это... это было бы непростительно, верно?! Она была мертва, и поэтому ту красоту необходимо было вернуть. Я должен был остановить её, даже если ей пришлось для этого умереть! Исследования для Серебряной принцессы должны были продолжиться! Я к тому, что м-мы же видели! Видели итог! Мы уже вкусили его, и поэтому нам нужно было продолжать двигаться вперёд! Это обязанность любого мага!

Он был прав.

В том, что он говорил, не было совершенно ничего плохого.

Перед лицом той ■■■■■ жизнь одного человека и чужая свобода не стоили даже грязи под ногами.

Чтобы воссоздать её, ты с радостью пожертвуешь дюжинами, сотнями жизней.

Вот почему я решила стать тем героем. Я приняла изменившуюся себя, потому что думала, что должна сделать людей на моей родине счастливыми. Нет, даже теперь ещё было не поздно. Адд всё ещё был со мной.

— Э-эй! Грэй! Опомнись!

Голос, раздавшийся в районе моей правой руки, казалось, доносился откуда-то издалека.

Зачем мне нужно было колебаться? Я должна была лишь принять этот путь. Тем человеком, который должен был признаться в том, что ему не удалось поступить правильно, была я. И сейчас было самое время встать на колени и просить о прощении.

Но передо мной вдруг возникла чья-то спина, затянута в чёрное.

— Ты был прав. — этим человеком оказался мой учитель. — Как маг, ты поступил совершенно правильно.

— Лорд Эль-Меллой II... — тихо пробормотала Инорай, прижав руку к груди.

Не обратив на неё внимания, учитель продолжил:

— Для мага пожертвовать другом детства ради достижения мечты вполне естественно.

В полумраке вестибюля глаза Майо начали дрожать.

Словно у потерянного дитя, только что обретшего спасение, на его лице расцвела до жестокого невинная улыбка.

— Т-т-тогда...

— Но если так, то почему Вы просто не попросили её умереть?

Словесный удар моего учителя был прямым, честным и резким.

Даже остальные маги уставились на него, широко раскрыв глаза и гадая, к чему он клонил.

— Ч-что...

— Вместо того, чтобы сразу прибегать к убийству, почему Вы просто не попросили Вашу подругу детства умереть ради Вас? «Я хочу увидеть абсолютную красоту ещё раз, поэтому, прошу, позволь мне разорвать тебя на куски!» Почему Вы не попросили? Если это была Ваша мечта, почему Вы не попросили Серебряную принцессу или Реджину сделать то же самое? Почему не заявили об этом гордо и открыто?

Слушая слова моего учителя, Майо беззвучно открывал и закрывал рот, словно пытаясь надуть пузырь.

— Я-я-я бы никогда не...

— «Я бы никогда не попросил нечто настолько нелепое», да? И это всё, что Вы можете? — произнёс, будто плюнул, мой учитель. Его отвращение было как никогда искренним.

Этих резких слов хватило, чтобы избавить мой разум от помутнения.

По какой-то причине я ощутила запах железа.

Чёрный костюм, обтягивавший его высокую фигуру, походил на непроницаемый доспех. Подрагивающий дым, поднимавшийся от его сигары, был подобен серебряному копью. Он будто явился из далёких земель.

— У Вас не было энтузиазма, способного растоптать множество стран без всякой на то божественной воли или нравственной причины, только для того, чтобы удовлетворить своё желание. «Я хочу увидеть самое дальнее море». Ради одного такого желания Вы не смогли бы разбазарить славу и гордость армий и махараджи, не смогли бы собрать войско, чтобы продвинуться вперёд. У Вас так мало веры в собственную цель, но Вы при этом всерьёз думаете, что сможете воплотить свою мечту в реальность?

В голосе моего учителя было нечто, говорившее, что сам бы он никогда не дрогнул.

Его голос был таким, словно он собственными глазами видел конец света.

Даже если это было нечто, что он сам никогда не видел, даже если это была лишь давнишняя тень на его сердце от лицемерия мира кого-то другого, эта затаённая мечта была тем, что никто не мог высмеять.

— Неважно, маг ты или нет, для человека нет ничего важнее эго. Сколько бы добра ты ни совершил, сколько бы зла ни посеял, сколько бы людей ни спас и ни ранил – всё это неважно. Даже если это просто недопонимание или недоразумение, если это образ жизни, который ты избрал, выпяти грудь вперёд и гордись этим. Если ты готов сражаться ради себя, то, по крайней мере, пролей часть этой самоуверенности на окружающих. Если Вы так думаете, тогда скажите это с гордостью, прежде чем мы ввяжемся в эти глупые игры. «Я увидел, как Калина пытается сбежать, и поэтому убил её!»

Ты не сделал этого и проиграл.

Ты не смог этого сделать и теперь ползаешь по полу.

Значение его слов тронуло меня до глубины души. Я не думала, что его моральные убеждения были настолько велики. У обычного человека они были обычными. Магу были присущи этика и здравый смысл мага. Но в нём уживалось и то, и другое.

В каком-то смысле, возможно, этого стоило ожидать. Магия сама по себе была историей, идеологией. Мой учитель, разобравший до мельчайших деталей самые разные виды магии, должен был знать архитектуру идеологии лучше, чем кто-либо.

Лорд.

Один из двенадцати магов, королей Часовой башни, независимо от родословной или таланта.

В ответ на пустой взгляд Майо учитель сказал:

— Ваши амбиции – не более чем алчность.

Приговор был вынесен.

Мне почему-то показалось, что я услышала звук падающего лезвия гильотины.

Теперь, когда в вестибюле Башни Луны воцарилось некое подобие спокойствия, с таким видом, словно вкус его сигары вдруг стал кислым, учитель сместил взгляд в сторону.

— Почему Вы его не выдали?

Выражение лица Серебряной принцессы, как и всегда, невозможно было различить за вуалью.

Но в этот раз она наконец произнесла:

— Вообще-то мы намеревались сбежать той же ночью. И сбежали бы, если бы Майо не убил Калину.

— Тогда почему?

— Вы же понимаете, не так ли? Вы же сами сказали, что поняли только причину. Реджина?

Реджина прекрасным голосом ответила:

— Как её близнец, пускай ограниченно, но я могла чувствовать её мысли и эмоции.

Среди магов это было достаточно распространено. В конце концов, городских легенд о близнецах, обладающих телепатической связью, было пруд пруди.

— Но мне удалось чётко воспринять её мысли, прежде чем она умерла... её желание спасти Майо.

— Майо с юных лет не сводил глаз с моей сестры Диадры. Взгляд Калины точно так же был прикован к Майо.

Как лучше всего было назвать такие отношения?

Может, любовью? Но видел ли Майо что-нибудь дальше красоты Диадры? Ведь он так невинно радовался возвращению Золотой принцессы, когда услышал о превращении Калины.

Однако у Калины всё равно были чувства к нему?

Я не могла понять.

Нет.

Неправда.

Я понимала. В конце концов, несмотря на то, что все те люди у меня на родине хотели лишь, чтобы я стала тем древним героем, я всё равно не могла заставить себя ненавидеть их. Рано или поздно я бы тоже стала радоваться, как и они, не так ли? По крайней мере, я так думала.

— Поэтому мы и решили не выдавать Майо. Вот и всё.

Как будто испытал облегчение, Токо пробормотала:

— Получается, что если бы ты попросил её умереть, то она вполне могла бы это сделать.

— К Вам у меня тоже есть вопрос, Лорд Вальюэлета, — прошептал мой учитель. — Оставим в стороне пластическую хирургию. Вы ведь должны были знать, что с семьёй Изельма что-то не так. По крайней мере, Вы знали, что Золотая принцесса, которую показали на светской встрече, была фальшивкой, разве нет?

— Знала ли я?.. — ответила она, едва заметно пожав плечами. Осмотрев помещение и словно решив, что ей никого обмануть не удастся, она негромко вздохнула. — Ну, у меня были подозрения. Семья Изельма хорошо себя проявляла, но они не смогли бы показать такие результаты ещё несколько поколений. Затем начали расползаться слухи о том, что они срезали дистанцию и оказались сразу у финиша, вплоть до того, что даже моя глупая ученица начала совать к ним свой нос.

— И поэтому Вы позволили Атраму Галиаста пуститься во все тяжкие в попытке положить этому конец.

— Что-то вроде этого, — словно признавая поражение, сказала старая женщина.

С её точки зрения внезапное обращение Атрама, должно быть, было неожиданным благословением. Возможно, причиной было представление принцесс на светской встрече или, может, участие Изельма в том аукционе на чёрном рынке. Возможно, нечто, произошедшее ещё раньше. Как бы то ни было, случилось нечто, потребовавшее более глубокого изучения работы Изельма. Должно быть, Мика Градзилье она наняла по той же причине.

— Ещё кое-что, — сказала Аозаки Токо, повернувшись к Инорай. — Я уже давно хотела спросить, но как Вы отнеслись к моему назначению на Печать?

— Мне это показалось хорошей идеей. Ты одна из лучших возможных кандидатов на помещение под Печать в этой эпохе. Когда я спрашивала мнение других, они все тоже поддерживали эту идею. Что Аозаки Токо и её Магические цепи должны быть навеки сохранены в глубинах Тайного отдела правосудия, — без всяких колебаний ответила Инорай.

Словно говоря, мол, сама виновата, что решила спросить, не подумав.

Такова была Лорд Вальюэлета.

Очень человечная и великодушная улыбка, которую она показывала на светской встрече, явно не была показной. Но в своём сердце она была идеальным магом. Если она верила, что это поспособствует развитию магии, то без всяких сомнений отдала бы одну из своих учеников под Печать. Идеальный Лорд.

Несомненно, это был идеальный образ существования для Лорда Часовой башни.

— Так я и думала, — мягко ответила Токо.

В следующее мгновение она опустила взгляд на свою грудь.

Там пробивалось зелёное лезвие. Глядя на него, словно в замешательстве, Токо наклонила голову набок.

Из тела Токо прорастал корень какого-то растения.

— У м-м-м-меня п-получилось! — заикаясь, воскликнул голос, донёсшийся с пола.

За последние несколько минут Майо будто внезапно постарел. Вид у него был крайне измождённый. В пальцах он сжимал бутылёк.

— А, лекарство, значит? — пробормотала Токо, словно всё это для неё было лишь досадной мелочью.

Неужели к блокирующему память лекарству, которое Токо пришлось принять, было примешано что-то ещё? Скорее всего, какое-то растение, реагирующее на присутствие в воздухе определённого химиката внезапным и стремительным ростом.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — засмеялся фармацевт. — Ч-что есть Гранд? Бессмысленный титул! Она – единственное, что имеет значение! Результат мечты Изельма... моей мечты! Не так ли, Лорд Байрон?!

— М-Майо... — произнёс Лорд Байрон, который всё ещё с трудом поспевал за развитием ситуации. Отчаявшийся, убитый горем джентльмен мог лишь тупо качать головой из стороны в сторону, в то время как худощавое лицо фармацевта сотрясало от смеха.

— Ещё р-раз! Вам п-просто нужно создать это ещё раз! — прокричал он и повернулся к своим подругам детства. — П-прошу, ради меня! Проведите пластическую хирургию ещё один раз! На Серебряной п-принцессе, на Реджине, неважно, просто разрежьте её н-на куски!

Он будто сошёл с ума.

Токо же, напротив, оставалась до ужаса спокойной.

— Иначе ты убьёшь меня?

— Д-да! Этот к-корень обвился вокруг Вашего с-сердца! Вокруг Ваших внутренних органов! Если попытаетесь р-разрушить это заклинание, то оно заберёт с собой Ваши внутренности! Какой бы изумительной н-ни была Ваша Магическая м-метка, Вы просто умрёте...

— Ну, это мало что значит, потому что у меня нет Магической метки... — Токо начертила какой-то символ на корне, пробивавшемся из её груди, и он тут же завял и рассыпался.

Она ничего не сделала для того, чтобы закрыть рану. Оставшись с дырой в груди размером с кулак, она лениво произнесла:

— Вот, значит, как. Небрежно было с моей стороны позволить вот так стереть мне память, но, поскольку это позволило бы мне снова начать всё сначала, я решила, что это поможет мне ещё больше насладиться этим. Чёрт, у меня просто ужасная личность. Благодаря этому, конец получится немного разочаровывающим. Я ничего не имею против тебя, Майо, но сейчас я уже ничего не смогу сделать, чтобы это остановить, — Токо подняла взгляд к потолку. — Я перестраховывалась, делила себя. Пусть в последнее время на меня и не покушались в Часовой башне... Вот как, я не сказала, да?

Воздух заполонил странный треск.

Не такой, который посылает волны, воспринимаемые ухом.

Нечто более фундаментальное – шум, который не принадлежал этому измерению.

Резкий скребущий звук, который, казалось, ощущался самой душой.

— Простите, но я вынуждена попросить Вас поддержать это у себя, — сказала Токо, бросив моему учителю маленький бумажный коробок.

Пачку сигарет.

Выражение лица Инорай изменилось.

— Токо, ты...

— Ха-ха, ну разумеется, Вы уже всё поняли, — с улыбкой произнесла Токо. Станный внеземной звук становился всё громче.

Нет, я была единственной, кто понял.

«Когда мы сражались в лесу...»

Тогда я ощутила странное присутствие в чрезмерно большой сумке, которая была у Токо.

Невероятная, внушающая отчаяние магическая энергия, которая, как мне даже показалось, стояла наравне с Ронгоминиадом.

Теперь это же самое ощущение исходило само тело Токо.

Это была истинная форма содержимого той сумки.

— Давным-давно меня застали врасплох, поэтому я научилась принимать контрмеры. Теперь оно здесь, внутри... о, не беспокойтесь. Оно ограничено лишь отвечать на агрессию. Если не будете мешать, оно не причинит вред никому, кроме того, кто на меня напал. Лорд Эль-Меллой II, я загляну к Вам позже, чтобы забрать сигареты.

С очередным треском живот Токо раскрылся. Одежда, кости и плоть разошлись в стороны, словно она была не более чем статуей, – и внутри открывшейся раны своего часа ждала «дверь».

Гнетущая тьма.

Не бесконечная, но и не имеющая размеров – вечный нескончаемый ад.

Позже я узнала от учителя, что у этого монстра не было имени. Поскольку его существование было обусловлено лишь магией Токо, никому не удалось определить природу скрывавшегося за ним таинства. Вероятно, даже сама Токо не знала, чем именно была эта тварь.

Это походило на фильм ужасов.

Невыразимо безмолвное.

Никому не понятное.

И более того... бессмертное.

В глубинах этой непрерывной тьмы, там, куда никогда не проникнет ни одна магия, горели два огня.

Два глаза, которые я увидела тогда в лесу!

Лорд Байрон сдавленно закричал, и тело Токо полностью разверзлось, выпуская на волю тень внутри неё.

Словно усеянное шипами растение, когтистое щупальце устремилось вперёд и схватило фармацевта, ранившего его хозяйку.

— Майо!

На крик Реджины Майо ответил лишь глухим ворчанием.

Похоже, что он уже сдался.

Меньше, чем за секунду, его затащит в «дверь», которой была Аозаки Токо, где его сожрут тысячи челюстей.

А, точно. Он никак не мог на это отреагировать.

В каком-то смысле оно находилось на том же уровне, что и Золотая принцесса. Будучи полной её противоположностью, одним лишь своим существованием этот монстр тем не менее мог полностью сокрушить душу человека. Даже если бы он был маленьким и мог за раз поглотить лишь кончик пальца, невероятный ужас всё равно возобладали бы над всеми чувствами,

Конец. Конец.

Этому инциденту, всему и вся пришёл конец.

Словно «бог из машины», оно подведёт черту всему, кусочек за кусочком.

«Это нормально?...» — спросил кто-то.

Вопрос, заданный мне мною же.

Я боялась того героя прошлого, который пытался взять надо мной верх.

Этот человек просто был ошеломлён той абсолютной ■■■■■■■■■■.

Правда, мы мало чем отличались. Отличались лишь тем, что я была готова пожертвовать собой, а он – кем-то другим. Вне зависимости от того, был ли у нас потом шанс или нет.

Благодаря лишь этому маленькому различию я останусь здесь, а Майо заберёт тьма.

— Эй, Грэй! — раздался голос в районе моей правой руки.

Прежде, когда я слышала этот голос, меня привело в чувство смелое заявление моего учителя.

Но теперь? У меня просто разыгралось воображение? Неужели это была лишь эгоистичная иллюзия, заставляющая меня поставить себя на место кого-то, чьи обстоятельства были похожи на мои?

— Я... — вырвалось у меня.

В этот момент глаза Токо, всё ещё пребывавшей в разверзнутом состоянии, посмотрели на меня.

Мне показалось, что она улыбалась.

Словно говорила мне делать, что я хочу. Жить, как я хочу.

До сего момента она, должно быть, была самым вольным человеком из всех, что я видела. И это было её уверение.

— А-а-а-а-а-а-а-а!

Моё тело пришло в движение.

Одним прыжком я сократила разделявшие нас пять метров. Прежде чем кто-либо попытался остановить меня, Адд изменил форму и впитал остаточную магическую энергию из воздуха. Один мощный удар – и шипастое щупальце оказалось разрублено.

Майо уже успел потерять часть своих ног, но всё ещё был жив.

— Майо!

Реджина и Серебряная принцесса подбежали к нему.

Несмотря на все его попытки отдать их жизни ради магии, их чувства к нему не исчезли. Несомненно, связь между ними была нерушимой. Пусть меня это почти никак не касалось, мысль о том, что где-то в этом мире ещё могли существовать такие узы, по крайней мере, была очень приятной.

— Грэй!

— Простите, — ещё раз рубанув существо, извинилась я.

Я чувствовала движение магической энергии. Токо – нет, зверь, который прежде был Токо, расценил нас как врагов и, похоже, начал менять подход к этому бою.

— Он такой же, как и я. Только немного храбрее.

Если бы я окончательно сдалась, то полностью уступила бы место тому герою из прошлого.

Даже несмотря на то, что я могла использовать Адда, я бы стала кем-то более достойным.

Люди на моей родине, несомненно, обрадовались бы. В конце концов, неловкий человек, коим я была сейчас, перестал бы существовать.

Но как можно было выразить это чувство?

Несмотря на моё явно недостаточное объяснение...

— Чёрт побери, — кивнул мой учитель. Он повернулся и посмотрел на тьму, внутри которой нельзя было разглядеть ничего, кроме бесформенной черноты. — Похоже, тут я бессилен. Но время и пространство, в пределах которых оно может действовать, должны быть ограничены. Просто идеальный расклад для фильма ужасов. Вампиров любят, потому что они неудержимы только по ночам, зомби боятся, потому что они не могут разговаривать. Удачное существо она создала, что тут сказать.

Восхищённо бормоча, он повернулся к юноше с вьющимися волосами, стоявшему рядом.

— Свен, как думаешь, сколько ты сможешь выдать?

— Пожалуй, процентов семьдесят.

— Будь так добр.

— П-подождите, профессор! — вклинился Флат, услышав быструю просьбу моего учителя. — А меня Вы попросить не собираетесь?!

— Цыц. Всё равно ты получишь по голове и снова вырубись, верно?

— Ну, да, но!.. Эй, не надо недооценивать сотрясения, это большая ошибка! У меня может появиться храп или ещё что похуже! Вообще-то я слышал, что околосмертный опыт может вызвать отголоски из предыдущих жизней. Что думаете, профессор?

— Свен, помоги Грэй отбиться от этой твари с щупальцами.

— Да, сэр!

Полностью проигнорировав слова Флата, он отдал указания Свену и наконец повернулся к другому юноше.

— Флат, попробуй вмешаться в действие заклинания, реализующего это пространство.

— Как скажете, профессор!

Беззаботно кивнув в мою сторону, Флат вывел пальцами в воздухе какой-то знак, прежде чем коснуться пола.

Стоявший рядом с ним Свен окружил себя формой фантазменного волка.

— Райнес, окажи поддержку, пожалуйста.

— Да, да, я так и знала, что ты это скажешь, — словно довольная чем-то, Райнес опустила руку, которой прикрывала правый глаз. Вернув ту часть себя, которая превратилась в звёздную карту, горничная из ртути встала в боевую стойку.

Стоя позади нас, учитель воскликнул:

— Лорд Вальюэлета, Мик Градзилье. Мы с этим разберёмся. Могу я попросить вас позаботиться о Лорде Байроне и Серебряной принцессе?

— Ну, полагаю, они всё же мои союзники, — согласилась Инорай.

Лорд Байрон всё ещё не мог сдвинуться с места.

Несомненно, это было потому, что он смотрел прямо в те глаза. Даже для мага, хорошо знакомого со сверхъестественным, после того, как всю его жизнь, можно сказать, разобрали на кусочки прямо у него на глазах, это было более чем достаточно, чтобы впасть в ужасное отчаяние. Он, казалось, даже не понимал, что может погибнуть в любой момент.

— Ну, раз начальница так говорит, то ничего не поделаешь, — пожав плечами, произнёс Мик.

Как бы то ни было, цветной песок уже развеялся по воздуху, чтобы создать барьер. Это говорило о том, что они оба были более чем готовы сделать всё необходимое, едва этот монстр появился.

И наконец учитель повернулся к последнему человеку.

— Я ожидал, что Вы к этому моменту уже сбежите.

— Разумеется, я собирался так и сделать. Однако, раз уж мне выпал такой шанс, я решил посмотреть на Ваши способности, — ответил Атрам, который на удивление пребывал в хорошем расположении духа. Что бы ни привлекло его интерес, глаза его сияли так, словно он следил за работой хорошего друга.

— За наблюдение придётся заплатить, знаете ли.

— Естественно, — Атрам деланно поклонился.

По всей видимости, моему учителю этого хватило, потому что он вновь повернулся ко мне.

— Грэй.

— Да?..

— Молодец.

Я удивлённо подняла лицо.

— Я сказал, что возьму ответственность за это дело. Если оставим преступника на съедение монстру, то это запятнает честь семьи Эль-Меллой. Давай покончим с этим. Своими руками.

Это никак не могло быть правдой. Он лишь пытался найти слабое оправдание моему эгоизму.

Как нелепо. Это было так мило, что у меня защемило сердце.

— Приготовились.

Внезапно монстр, похоже, сделал свой выбор.

Из недр тёмного «ящика» разом вырвалось множество шипастых щупалец.

Но импульс, который двигал мною, к этому моменту тоже наметил свой маршрут.

— Я пошла...

Со взрывной скоростью я прыгнула прямо навстречу щупальцам. Используя магическую энергию, которую излучало существо, я усилила себя. Затем, полагаясь на обострённые чувства и рефлексy, я проскользнула между шипами, слегка изменив форму косы, чтобы нанести мощный удар.

Сразу семь щупалец разрубило на куски.

Закружившись вновь, я ещё раз обрушила на противника свою косу.

Магическая энергия, сочившаяся из существа, была такой необъятной, что я почти не решалась впитать её. Но даже чувствуя, как мои Магические цепи и нервы начало разъедать при контакте с ней, я не стала сдерживаться. Причины для нерешительности не было. Это был отчаянный последний бой – я не могла позволить себе оставить в голове место для сожалений.

Свен тоже схватил ближайшее щупальце и с помощью силы своего призрачного тела разорвал его на части.

— Не думайте, что сможете просто его прикончить, — раздался голос моего учителя. — Если пустите в ход слишком много магической энергии за раз, то лишь подстегнёте основное тело действовать ещё активнее. Дождитесь анализа от Флата.

Короче говоря, использовать Ронгоминиад было нельзя. Но даже если бы это было не так, я не могла высвободить это копьё на глазах Лорда, которая, по крайней мере, формально была врагом.

Словно в ответ на нашу атаку щупалец стало ещё больше.

Удастся ли нам со Свеном сдержать их? Я сглотнула, обьятая внезапной нервозностью.

Моё тело вдруг окутало серебро.

— Что?..

— Как же мне не хотелось дебютировать в таком месте, — в её голосе слышалось вполне справедливое расстройство.

Мои руки и ноги мерцали серебром. Полностью окутав моё тело, Объёмная ртуть приняла форму прекрасных доспехов.

— Позволь одолжить тебе моё облачение. Стань сильнее, — с улыбкой произнесла Райнес.

*

Стойко перенося боль в своих глазах, Райнес сосредоточилась на управлении Объёмной ртутью.

Чтобы совместить Тайный знак с движениями Грэй, причём таким образом, чтобы это не повлияло как на подвижность девушки, так и на саму Объёмную ртуть, требовались тщательные усилия.

В плане магической энергии Райнес с самого начала даже рядом не стояла со своим предшественником – предыдущим Лордом Эль-Меллоем, Кайнетом Эль-Меллоем Арчибальдом. Её резервов попросту не хватало для того, чтобы управлять Объёмной ртутью как вздумается.

Однако Лорд Эль-Меллой II углядел в ней другой талант.

Точный контроль.

Это выражалось через её Мистические глаза, которые реагировали на чрезмерную магическую энергию.

Поэтому невероятно сложная задача по «наслоению магии поверх магии кого-то другого» была умением, которое она освоила в возрасте одиннадцати лет. Её способность наделять Триммау человеческой личностью или её проекция Золотой принцессы, которую она провернула несколько часов назад, являлись практическим применением этого умения. Когда она впервые преуспела в этом, на лице её брата возникла такая смесь радости и горя, что она отчётливо помнила это и по сей день.

«Чёрт, насколько печальным ты можешь быть?..»

Он как будто воспитывал своих учеников только для того, чтобы укрепить свою посредственность.

Наблюдать за этим человеком, который никак не мог перестать взращивать таких студентов и отгородиться от жизни, тесно связанной с магией, было одним из величайших развлечений Райнес.

Этим она хотела наслаждаться всем сердцем.

Поэтому...

«Всё зависит от тебя».

Подумав так, Райнес сосредоточилась на спине Грэй.

*

Свен Глашайт продолжал сражаться, прикрывая слепую зону Грэй.

По правде говоря, от этой ситуации его переполняла радость.

Возможности защищать её было достаточно для того, чтобы ему захотелось пуститься в пляс. Удовольствие приятной волной дрожи расплзлось по его спине, а мозг переполняло чувство чистого восторга.

Прошло уже три месяца с тех пор, как он влюбился в неё.

Но была ли это на самом деле любовь? Этого не знал даже сам Свен.

Звериная магия была дисциплиной, широко практикуемой во всём мире, но как будто обратно пропорционально её графическому распределению число тех, кто в действительности использовал её, было на удивление небольшим. Будучи формой магии, присвоившей себе природу зверей, во множестве случаев она приводила к полной потере человечности. По этой причине семьи, которым удавалось сохранять стабильность родословной при использовании этой дисциплины, встречались редко.

Семья Глашайт была одним из этих редких исключений, но не благодаря тому, что им удалось побороть эту слабость.

В их родословной наследнику передавалась Магическая метка даже несмотря на то, что он мог впасть в безумие.

Порой Свен испытывал чувство враждебности к этому кристаллизованному таинству, этому принудительному наследованию. Будучи примером феноменального успеха в их семье, он был отослан в Часовую башню и, поскольку его семья не была связана ни с одной из фракций, оказался в классе Эль-Меллоев.

Лорд Эль-Меллой II разглядел его истинный потенциал, и с его помощью Свен смог восстановить часть утраченных приёмов из истории его семьи в звериной магии... но ему так и не удалось избавиться от этого чувства отчуждения.

Не маг, не человек и даже не зверь.

Он ощущал себя неким водостоком, желобом, которому никогда не суждено заполниться.

Пока впервые не уловил запах Грэй. Впервые это чувство было вытеснено чем-то другим.

«Возможно...»

Возможно, потому что, как и он, она не привыкла иметь дело с людьми.

Испытывающая неудобство среди живых, слишком слабая, чтобы принять смерть, и до ужаса боящаяся призраков.

Возможно, он хотел лишь быть с ней, вместе зализывать раны.

И поэтому он думал, что, может, эта эмоция вовсе не была любовью. Предчувствие, которое он просто не мог игнорировать.

«А-а-а-а!..»

Принимая этот порыв, Свен взвыл.

И его тело разделилось.

Шипастое чудище содрогнулось, словно сбитое с толку, отчего внезапно возникшая группа Свенов улыбнулась.

— Вот что умеет фантазменное тело.

Если вкратце, то он разделил свою магическую энергию, чтобы создать копии себя.

Он не использовал эту технику против Токо, потому что был уверен, что она быстро обнаружит оригинал и нейтрализует заклинание. В случае же с этим монстром этого можно было не опасаться.

Шесть Свенов всем скопом устремились вперёд.

Эль-Меллой II молча наблюдал за действиями Свена и Грэй.

Это было невероятное зрелище.

Несмотря на лавину шипастых щупалец, противостоявших им, они умудрялись не только отражать атаки, но ещё и теснить монстра. Благодаря их усилиям он смог обнаружить то, что искал. Да и Флат медленно, но верно продолжал успешно анализировать это пространство.

Однако одно щупальце незаметно для его учеников вырвалось вперёд и устремилось к Лорду, нацелившись прямо в его бровь.

В этот момент с потолка рухнул автоматон, похожий на паука. Он встал перед Лордом, и щупальце с лёгкостью пробило его оболочку. Но, как и ожидалось от такой машины, марионетка без особых проблем скрутила щупальце и разорвала его на части.

— Один из автоматов, которых моя глупая ученица дала Лорду Байрону? — пробормотала Инорай.

Это была та самая марионетка, которая напала на Грэй и Райнес в лесу.

— Спасибо, — сказал Эль-Меллой II, повернувшись к принцессе.

Решив заступиться за Майо, она, вероятно, использовала эту марионетку, чтобы выиграть время. В конце концов, для неё не было бы странно перенять способ использовать автоматон у Лорда Байрона.

— Я была готова умереть вместе с отцом, — пробормотала принцесса.

Реджина безмолвно обрабатывала раны Майо. Однако они, скорее всего, чувствовали то же самое. Тогда неудивительно, что они были так спокойны, несмотря на обвинения Эль-Меллой II.

— Но почему... почему Вы... — её прекрасный голос дрожал.

«Почему Вы решили спасти его?» — хотела спросить она.

«В конце концов, у Вас нет никаких причин помогать нам».

— Это был не я, — ответил он. Отвернувшись от широко распахнувшей глаза Серебряной принцессы, он продолжил: — Однако моя ученица решила поставить свою жизнь на кон. Почему бы мне ей не помочь?

Сказав это, он начал поглаживать предмет, который только что нашёл.

Благодаря Объёмной ртути, окутавшей моё тело, скорость моих движений увеличилась почти в два раза.

Можно было сказать, что это походило на магически улучшенный экзоскелет. Я никогда не видела её лично, но, возможно, броня из «Живого камня» Хайна Истари, которого мы встретили в замке Адра, действовала по той же логике.

Я повторила свою атаку два, три раза.

Нужно было отвлечь шипованного монстра, пока Флат не вмешается в действие воплотившего его заклинания.

Свен, похоже, думал так же. Несмотря на то, что он был ранен во время битвы с Токо в лесу, он ничем это не показывал, без особых проблем разрывая одно щупальце за другим.

Взмахнув клинком, я подумала.

Я уже успела повстречать самых разных людей.

Количество индивидов, с которыми я вступила в контакт с тех самых пор, как прибыла в Лондон, уже в десятки раз превышало мой круг общения на родине.

Произошедшее здесь, а также события в замке Адра, породило в моей жизни эту рябь.

В результате этого порой я шла на компромисс, порой твёрдо стояла на своём. Теперь это стало частью меня. Прошрое, которое сложно отрицать. История, которую я могла лишь принять.

Шипастые щупальца приняли новую форму. Свернувшись в сложную форму, они чем-то начали напоминать человека.

Словно рыцарь, сжимающий шипастый клинок. Похоже, что монстр в «ящике» решил, что это самый эффективный способ сражаться с нами. Но, наверное, считать, что он мог «думать», уже было ошибкой. В конце концов, это было чуждое существо за гранью человеческого понимания, ведомое внеземными инстинктами.

Проигнорировав это изменение, я снова бросилась вперёд.

Вскричав, я обрушила клинок своей косы на существо. Однако в этот раз мне не удалось разрубить плотное скопление шипов.

Существо булькнуло и начало вращаться.

«Ч-что?!»

Среагировав практически инстинктивно, я защитилась своим оружием от диагонального взмаха.

Оно двигалось так же, как и я.

После всего лишь нескольких минут сражения существо в точности скопировало мой стиль боя.

Но, похоже, шипастый монстр не был ограничен лишь одним телом.

Щупальца вновь скрутились вместе в попытке создать ещё одного фамильяра.

Шипастый клинок вновь рассёк воздух, срезав несколько прядей моих волос.

Если бы не броня из Объёмной ртути, он, скорее всего, задел бы и мою сонную артерию.

— Грэй?!.. — воскликнул за моей спиной Флат, когда я покатила по полу. В то же время я прошептала Адду:

— Адд,ними ограничитель первого уровня.

— Ха-ха-ха-ха-ха! Решила остановиться на этом? Какой редкий выбор! — раздался привычный пронзительный смех Адда, когда в него вновь хлынула магическая энергия.

Адд был Тайным знаком, призванным служить печатью для Ронгоминиада.

Используя запечатанную внутри него магическую энергию, пусть и частично, коса могла воспроизводить способности этого Благородного Фантазма.

Однако её форма не была ограничена лишь косой.

На долю секунды Адд вновь принял привычный вид. Его грани завращались, как у кубика Рубика, после чего он развернулся вновь, полностью прикрыв правую часть моего тела.

Великий щит.

Мне нужно было лишь выдерживать атаки существа, отбивать этот шипастый клинок.

С каждым ударом клинка щит болезненно содрогался.

Коса была второй по атакующей силе среди всех доступных форм Тайного знака. Развёрнутый же теперь щит, напротив, не был ограничен лишь оборонительной мощью. Он таил ещё один секрет. На это требовалось какое-то время, но для того, чтобы выиграть это время, он и принял форму щита.

Как только клинок ударил в шестой раз, раздался свистящий звук, и из лицевой поверхности щита вырвались бесчисленные языки пламени.

— Ответный удар!

Вместе с моим криком из пламени выплеснулась магическая энергия. Это не шло ни в какое сравнение с Ронгоминиадом, но тем не менее это был взрыв концентрированной магической энергии высокой плотности. Для некоторых типов существ вроде этого шипастого монстра он был поистине разрушительным.

Уничтоженная взрывом, сложная сеть шипастых щупалец развалилась, потеряв форму.

— Анализ завершён! Я готов, профессор! — заявил Флат со смелой улыбкой.

— Тогда валяй, — сказал учитель и развернулся. — Атрам Галиаста. Реакция, скорее всего, будет бурной, поэтому я прошу Вас организовать защиту.

— Кто, я? Не уверен, что Вам стоит полагаться в этом на меня.

— Я же сказал, что возьму с Вас плату за наблюдение. Вы многое увидели, так что жалобы не принимаются.

— Ясно. Как я и думал, Вы не так уж плохи в переговорах.

Атрам дёрнул подбородком, и его подчинённые начали действовать.

Словно впечатлённая его лидерскими качествами, даже Инорай негромко воскликнула в удивлении, когда увидела их совместную магию.

Флат тем временем пропел собственную арию.

— Начать вмешательство.

Я слышала на занятиях, что в зависимости от ситуации, будь то реактивное изменение или же проактивное вмешательство в чужую магию, арии Флата различались.

— Та-та-та, та-та-та, та-та-та-та ♪

Продолжая что-то напевать, он двигал мальцами, словно выводя мелодию на пианино.

Я ощутила, как по полу заскользила магическая энергия. Это пространство теперь находилось под полным контролем гениального мага Флата. Его сознание расширилось, и нас всех теперь словно засасывало в ладонь его руки.

Результат этого вскоре стал очевиден.

Оставшиеся щупальца замедлились и начали вытягиваться обратно в «ящик».

Но.

На мгновение я увидела их.

Из глубин тьмы внутри «ящика» вместо щупалец ко мне теперь приближались те два глаза.

Челюсти существа разверзлись достаточно широко, чтобы проглотить меня целиком, капая вязкой слюной.

— Плохо дело! — воскликнул Свен, нервно сглотнув. — Мы перестарались.

Именно. Несмотря на то, что я не высвободила Благородный Фантазм, мы всё ещё были достаточно сильны, чтобы вызывать интерес у содержимого этого «ящика».

Нашей единственной надеждой дать отпор этому существу был лишь Ронгоминиад.

Но у меня не было ни времени, ни магической энергии, чтобы высвободить его.

Единственное, что мне оставалось...

— Ограниченная форма первого уровня – Коса.

Щит перестроился и вновь принял форму косы. Я ринулась вперёд между отступающими щупальцами и замахнулась из всех сил, чтобы нанести удар с самого близкого расстояния.

— Грэй?!

Закричав, я со всей силы ударила косой.

Раздался взрыв.

Невероятное количество магической энергии, защищавшей «ящик», вступив в контакт с энергией Адда, взорвалось с огромной силой.

Ударная волна была такой мощной, что даже Объёмную ртуть сорвало с моего тела.

— Эй! Грэй! Мне, конечно, многое нипочём, но это всё равно перебор!

Несмотря на укол жалости, я проигнорировала голос Адда.

Количество магической энергии превысило предел, который я могла впитать, и мои нервы с Магическими цепями не выдержали. Мозг захлестнула боль, словно

меня разрывало изнутри. Казалось, в моё тело вгрызлось множество раскалённых докрасна шипов. Я превратилась в мешок плоти, не помнящий ничего, кроме боли, а моё сознание словно умерло сотни лет назад.

Но движение магической энергии не прекратилось.

Словно подчиняясь изначально заложенным приказам, она автоматически втянулась обратно в «ящик».

— А... а...

Обрати стоны в мощь.

Обрати боль в силу.

Несмотря на то, что моё сознание должно было померкнуть, оно продолжало шептать.

Больно.

Но боль, что я испытывала до этого, была гораздо сильнее.

Я всегда отвергала мир... нет, не так. Это моё тело отвергало этот мир. Я знала это. Знала, но ничего не могла с этим поделать. Сколько ни кричи, лучше не станет. Поэтому мне оставалось лишь заглушать свой голос и сворачиваться комочком в углу комнаты, верно?

Но даже так.

Даже так. Теперь...

За мной присматривали.

Меня защищали.

Даже так я чувствовала устремлённые на меня взгляды.

Благодаря этому я могла сделать ещё один шаг вперёд.

— Возвра... щай... ся... на... зад!..

Но чувства нельзя было превратить в магическую энергию.

Давление изнутри начало расти ещё быстрее.

К двум маленьким огням присоединилось множество других.

Из тьмы раздался оглушительный вой, полный ярости и голода. Это существо было не одно? Или же это была форма одного монстра?

Когда отчаяние уже сдавило мою грудь, готовое утопить в черноте моё сердце...

— Хватит, — раздался спокойный голос.

Я не смогла развернуться. Но усиленные чувства сказали мне, что учитель положил какой-то большой предмет на пол рядом с собой.

«Это же!..»

Сумка, в которой я впервые ощутила присутствие этого монстра.

Похоже, что мой учитель нашёл её, пока мы сражались. Вероятно, когда Токо умерла, скрывавшее сумку заклинание перестало действовать.

— Я позволил себе быстро изучить эту сумку, — сказал он, поглаживая её поверхность. — Если вкратце, то это Тайный знак, способный поддерживать открытую связь между «там» и «здесь» лишь тогда, когда через него струится магическая энергия. Если маг не сможет больше предоставлять эту энергию, она

закроется сама. Таким образом, оно идеально подходило на роль свирепствующего монстра. Это вполне в её духе.

В равной степени восхищённо и озлобленно он пожал плечами.

— Но что произойдёт, если магическую энергию будет поставлять то, что находится внутри этого «ящика»? Это создаст эффект ленты Мёбиуса, разумеется, но каков будет результат? Появится ещё одна копия тебя? Или же парадокс разорвёт тебя на части? Интересный вопрос. Пожалуйста, позвольте выяснить.

Должно быть, использовав усиление на своей руке, он бросил сумку.

Пока сумка описывала дугу, я заметила, что к ней была прикреплена зажжённая сигара. Ощувив её слабую магическую энергию, я впервые осознала, что это был простой тип Тайного знака.

Щупальца слепо метнулись вперёд, чтобы остановить её.

Поняло ли существо слова моего учителя или же просто действовало инстинктивно, я не могла сказать.

Моя коса рассекла воздух и отрубила эти щупальца.

Пока существо шевелило своими придатками, я крикнула:

— Адд!

— Хи-хи-хи-хи! Настало время для этого! Обожаю! — рассмеялся Адд и начал меняться.

В этот раз таинство, сокрытое в этом Благородном Фантазме, явило другую форму – огромный молот.

Одним плавным движением я раскрутила своё тело. словно ракетный двигатель, задняя часть молота высвободила магическую энергию, ускоряя его для удара в полную силу.

Для Героической души это было равносильно рангу D. Ограниченная форма – Таран.

— А-а-а-а-а-а-а-а!

Я изо всех сил ударила по сумке.

Получив ускорение от удара молотом, сумка подобно комете пронеслась сквозь щупальца, которые не смогли её даже замедлить, и устремилась во тьму «ящика».

Возможно, в этой бездне всё-таки существовало чувство глубины. Или, может, это было просто время.

— Ну что, — мой учитель протянул вперёд ладонь.

— Жри себя, ёбаная безымянная тварь.

С резким, отчётливым звуком он щёлкнул пальцами.

Сумка открылась.

Я не знаю, что произошло потом.

Нечто пронеслось мимо меня. Нечто неуловимое даже для моих обострённых чувств.

Это был вопль? Вместо того, чтобы извергать шипастые щупальца, как прежде, пространство, ставшее пустотой, начало поглощать всю материю.

Я чувствовала лишь это пожирающее присутствие.

Канделябр, диван, спиральная лестница – оно втягивало всё.

Всё. Бездонно. Жадно. Алчно. Надменно. Похотливо. Ярко. Жестоко.

Словно всё это был лишь сон. Словно, будучи поглощённым этой пастью адского пламени, всё будет так, будто материальный мир никогда и не существовал вовсе.

В этот момент моё сознание погасло.

◆ 終章 ◆

Эпилог

У названия «Часовая башня» есть два значения.

Первое – разумеется, штаб-квартира мира магии, огромная организация.

Второе – учебное заведение в Лондоне, состоящее из факультета ^{Мистиль} общих основ, пяти крупных классов и где-то семидесяти малых. Это было высшее учебное заведение в мире магов.

Сторонним наблюдателям казалось, что студенты просто посещают старый университет. И конечно же с помощью мистических и психологических барьеров всё находилось под строгим надзором и было точно устроено таким образом, чтобы случайные прохожие не смогли просто так попасть внутрь.

Стоило же по-настоящему оказаться в этом заведении, как всё менялось.

Учитель говорил: «В этом заведении есть свои правила, но законы человеческого общества здесь не действуют». Поэтому, в то время как Часовая башня на первый взгляд могла показаться просто прославленным университетом, сделай шаг в сторону, и беснующиеся мифические звери и необузданная элементарная магия станут каждодневным зрелищем. Даже теперь в огромном лабиринте глубоко внизу можно было обнаружить руины самых разных таинств или останки всевозможных фантазмических видов. Если беспечно войти в этот лабиринт, не подготовившись, то даже у первоклассного мага не было никаких гарантий вернуться целым и невредимым. Поэтому, когда я впервые прибыла в Лондон, меня сразу же об этом предупредили.

В дополнение к основному заведению, коим была Часовая башня, у остальных одиннадцати факультетов были свои независимые кампусы, разбросанные по пригородам Лондона. Впрочем, это было связано с геополитическим положением Ассоциации магов.

В данный момент мой учитель находился в своём личной комнате в Часовой башне.

В отличие от кампуса факультета современной магии - в сравнении с условиями проживания на улице, которую называли «Пятном», - эта комната была обставлена гораздо лучше и по размерам могла сравниться с номером в отеле. Официальный с виду стол и диванчик создавали впечатление хорошо сохранившейся старой мебели и могли по праву называться антиквариатом. Мягкие лучи осеннего солнца, лившиеся через нетрадиционное окно над изысканным гранитным камином, лишь усиливали этот образ.

Но в итоге для гостьи, сидевшей перед моим учителем, этого всего было недостаточно.

— Ну и что дальше?

Этот вопрос сорвался с губ, прекрасных, как лепестки цветков.

Глаза её, смотревшие прямо на моего учителя, были подобны янтарям. Локоны светлых волос были подвязаны голубыми лентами, придавая ей вид произведения искусства, сотворённого самими небесами.

В то время как её чистая красота не могла сравниться с таковой у Золотой и Серебряной принцесс, золотистая гордость, которую она излучала всем телом, более чем компенсировала это. Факт того, что эта красота зависела не от формы, а от образа жизни, ярко проявлялся этой девушкой как нечто само собой разумеющееся.

Неважно, насколько большой была Часовая башня, сыскать в ней другую такую девушку было бы очень трудно.

Лувиагелита Эдельфельт.

Будучи непосредственной участницей событий, произошедших в замке Адра, она пришла навестить моего учителя.

В конце концов, они согласились, что он будет обучать её, так что её визит был вполне естественным, учитывая, что это служило ей предлогом. Он сказал, что подумает над этим, и точно не давал никаких обещаний. По крайней мере, таков был его ответ. Но одного лишь взгляда на них мне было достаточно, чтобы понять, кто в итоге одержал верх.

— «Ну и что дальше»? Ничего. Это был конец истории, — мой учитель сидел за своим столом с раздражённым видом, качая головой.

Дым от сигары поднимался в воздух и развеивался под потолком, словно оказавшись во власти фальшивого ветра.

В Часовой башне в зависимости от расположения вентиляция воздуха осуществлялась путём различной магии, основанной на ветре, или же более привычных потолочных вентиляторов. В личной комнате моего учителя использовался второй вариант.

— Быть того не может. Ты же не рассказал мне самую важную часть. Да, вы с Грэй отрубились, но вам же как-то удалось вернуться домой живыми, разве нет?

— Всю нижнюю часть тела Майо сожрали, так что он останется калекой до конца жизни. Лорд Байрон пришёл в себя, но тут же начал жаловаться и спрашивать, почему мы просто не убили его.

Может, это был очевидный итог.

Всей его жизни пришёл конец.

После стремления к абсолютной красоте в течение многих поколений их цель оказалась навсегда украдена.

— Из-за убийств и обмана на светской встрече Часовая башня полностью заморозила имущество семьи Изельма. Серебряная принцесса, Реджина и Исло находятся под следствием вместе с Лордом Байроном, но я не думаю, что мы узнаем что-нибудь ещё. Даже убийство, совершённое Майо, семья Бришисан списала на индивидуальный акт насилия, никак с ними не связанный.

Прибравшись в комнате, я наблюдала за ними краем глаза.

Учитель попытался остановить меня, поскольку я всё ещё восстанавливалась после произошедшего, но я не могла сидеть без дела. Поскольку на родине мне

часто приходилось приводить в порядок церковь, в уборке я была хороша. Если выразить это словами, то уборкой я могла заниматься бездумно. К тому же то чувство, которое возникало у меня, когда моя рука стирала последний участок пыли с подоконника или полировала пол до зеркального блеска, я находила очень приятным.

Устроившись на диване, Лувия наслаждаясь чаем, который приготовил её дворецкий с ирокезом, стоявший позади.

Похоже, она прибыла сюда для того, чтобы осмотреть Часовую башню, прежде чем официально подать заявление на обучение.

Это было совершенно неожиданно, но она, судя по всему, намеревалась поселиться в общежитии Нориджей. Впрочем, я нечаянно услышала, что Лувия собиралась занять верхний этаж общежития целиком, так что это в итоге оказалось очень даже в её духе и соответствовало экстравагантному образу жизни, который она должна вести.

Кстати говоря, Нориджи были известны в Часовой башне тем, что считались кланом «Длинногого папочки». (**«Длинноногий папочка (дядюшка)» (Daddy-Long-Legs)** – эпистолярный роман за авторством Джин Уэбстер. Это прозвище героиня романа, сирота Джуди в шутку дала своему неизвестному благодетелю, высокому длинноному человеку, которого она однажды увидела мельком со спины. Также русским аналогом «Daddy-Long-Legs» можно назвать «доброе самаритянина», то есть человека, который, как правило, анонимно заботится о ком-то или предоставляет финансовую помощь, - прим. перев.) Факультет современной магии начали так называть ещё до того, как мой учитель стал его Лордом и деканом, поскольку он выдавал больше всего ученических займов и финансирования. По этой же причине имя Норидж стало ассоциироваться с приютом для учеников со всей Часовой башни.

Отставив фарфоровую чашку, она поиграла немного со своими волосами, словно раздумывая, что сказать.

— Поскольку Эдельфельты являются частью демократической фракции, до нас доходили самые разные слухи. Крайне неприятное событие, особенно в условиях нынешней межфракционной борьбы.

— Ещё бы, в конце концов, одна из сильнейших семей Вальюэлета внезапно просто перестала существовать, — меланхолично ответил мой учитель, продолжая что-то писать своей перьевой ручкой.

Если говорить только о результатах, то благодаря этому событию семья Эль-Меллой, будучи частью аристократической фракции, оказалась в выигрыше. Нанеся сокрушительный удар по семье Вальюэлета из демократической фракции, они вернулись в Часовую башню победителями. Аристократы Часовой башни восхваляли Эль-Меллоев, а некоторые даже оказали огромную помощь в погашении семейного долга.

Но для тех, кто находился в самом пекле этого инцидента, подобный результат был далёк от желаемого.

Да кто, чёрт побери, вообще стал бы радоваться такой развязке?

Звук ручки, скребущей по бумаге, подчёркивал воцарившееся в комнате чувство опустошённости.

— Ещё я слышала, что тело мисс Токо оказалось марионеткой, таившей в себе какого-то монстра, — сказала Лувия, тем самым вынудив моего учителя оторваться от письма.

— Она сказала, что в последнее время распространяла себя, верно? Даже будучи под назначением на Печать, она множество раз избегала поимки. По всей видимости, потери стали настолько велики, что им пришлось временно попридержать преследовавших её охотников.

Это очень походило на неё.

В то же время желание выудить из учителя эту информацию также очень походило на члена семьи Эдельфельт, «самых элегантных гиен в мире».

Мой учитель тяжело вздохнул.

— Может, она всегда использует в качестве тела марионетку, управляемую удалённо?

— Мне сложно в это поверить. Если это была лишь марионетка, тогда и блокирующее память лекарство не сработало бы на ней. К тому же она провела у Изельма целый месяц. Её бы наверняка в какой-то момент разоблачили.

— Но как тогда?.. — случайно вырвалось у меня.

Лувия медленно повернула голову в мою сторону и после небольшой паузы открыла рот.

— Может, это лишь сплетня, но я слышала, что она - кукловод, которая лишилась самой концепции настоящего тела.

— Лишилась... настоящего тела?

— Да. Если создать идеальную копию, которая в точности, до мельчайших деталей повторяет оригинал абсолютно во всём, то чёткое различие между копией и оригиналом полностью стирается.

Я ощутила, как по моей спине прошла волна холода.

С точки зрения логики это казалось правильным. Если бы существовала марионетка, идеальная копия меня, то я, наверное, стала бы больше не нужна. Но как прийти к этому решению? Как бы сильно марионетка ни походила на тебя, ты ведь всегда будешь считать её кем-то другим, верно? Позволить марионетке присвоить твою жизнь, твои заслуги и успех... что за человек сочтёт такое приемлемым?

— В её случае, полагаю, это не так уж невозможно, — сказал мой учитель.

— Однако мне сложно представить себе такой образ жизни, — добавила Лувия. Она передала пустую чашку своему дворецкому, и тот заменил её блюдцем, на котором лежала булочка. Похоже, что он понимал свою госпожу без всяких слов. Если закрыть глаза на его почти двухметровый рост и броскую причёску, то любому он бы показался идеальным слугой.

— Хотите одну, профессор? — спросила Лувия, предлагая ему другую булочку.

— Я не в настроении для сладкого. И не называй меня так.

— О? Как мне тебя тогда называть? «Наставник»? «Преподаватель Эль-Меллой»? Или, может, тебе больше по душе «Величайший учитель в Азии»?

— Хорошо, пусть будет «профессор».

С выражением горечи на лице он отложил ручку.

Похоже, что он закончил то, что писал. Лувия не обратила на это внимания, но мне вдруг стало любопытно.

— Учитель, это что, письмо?

— Да. Младшей сестре Калины. Какой-либо точной информации я сообщить не смог, но подумал, что стоит, по крайней мере, вернуть их семейный амулет.

— Значит, у неё была ещё одна сестра...

— Судя по всему, сестёр было трое. Из них две работали на Изельма. Ну, я так понял.

— Ты, как всегда, везде суёшь свой нос, желая помочь другим, — сказала Лувия, глядя на сломанный камень с изображением вихря, который она держала в руках.

— Он, вероятно, был сломан на три части, — произнёс учитель. — В конце концов, кельтский трискель состоит из трёх спиралей. Поскольку у каждой из близнецов была одна из них, я предположил, что где-то, скорее всего, есть и третья. Вообще-то именно по этой причине я и осознал, что Золотая принцесса на светской встрече была результатом пластической хирургии.

Идея о том, что их всегда должно быть три.

Осознание того, что Золотая принцесса была подделкой, созданной с помощью пластической хирургии, было лишь одним шагом от этого.

Поскольку принцессы были близнецами – может быть, где-то была и ещё одна.

Лувия слегка прикрыла глаза.

— Близнецы... что ж, очень похоже на мой случай.

— Я слышал, что в каждом поколении есть семьи Эдельфельт сразу два наследника, которых называют Весами, — сказал учитель, доставая канцелярские принадлежности.

Обычно, Магическую метку можно было передать лишь одному наследнику. Не то, чтобы это был единственно возможный вариант, просто разделять метку было бессмысленно. Поэтому количество наследников в типичной семье магов ограничивалось одним, и даже среди довольно могущественных семей было нормально вообще не обучать магии других детей в семье.

Но не существует правил без исключений.

Похоже, что Эдельфельты как раз были таким исключением.

Присутствие двух наследников в одной семье, что в любом другом случае вызвало бы отвращение, стало известно как «Весы».

— Только вот я не слышал, чтобы кто-то ещё, кроме тебя, стал наследником нынешнего поколения.

— Моя младшая сестра – весьма тихая особа и поэтому почти не покидает дом, — с лёгкой улыбкой сказала она.

Судя по одной лишь этой улыбке, можно было сказать, что отношения между двумя сёстрами были очень тёплыми.

Она подняла пальцы и сплела их таким образом, что указательные касались друг друга, словно целуясь. Её руки стали похожи на зеркальные отражения.

— Магия, основанная на концепции близнецов, это как, например, единение с собственным отражением. Взамен на идеальную силу при совместной работе близнецы никогда не должны забывать, что каждый из них держит нож у глотки другого. Стоит забыть об этом, как зеркало ломается, — тихо произнесла Лувия.

Она говорила о Золотой и Серебряной принцессах?

Или же о себе и своей сестре?

После недолгой паузы...

— У меня есть ещё один вопрос, — сказала Лувия. — Кто, чёрт побери, дал Изельма такую крупную сумму денег, что им даже удалось обскать Атрама Галиаста на том аукционе на чёрном рынке?

Точно.

Вот этого я так и не смогла сообразить.

— Часовая башня спросила это в первую очередь на перекрёстном допросе, но похоже, что у Лорда Байрона нет никаких воспоминаний о событиях, касающихся аукциона.

— Нет... воспоминаний?!.. — глаза Лувии широко распахнулись.

Более того, множество магов приобретали свои средства незаконными методами и скрывали настоящие размеры своего богатства самыми разными способами. Если бы и удалось определить, как он заплатил за аукцион, то даже хорошо разбирающемуся в мире бизнеса человеку всё равно было бы сложно с точностью предсказать его общее состояние.

— У меня тоже остался один вопрос, — добавил мой учитель. — Действительно ли было совпадением то, что заклинание Золотой принцессы оказалось завершено с добавлением третьего человека?

В деле о замке Адра факультет политики оставался в тени и тянул за ниточки. Да, именно мой учитель раскрыл секрет замка и вместе с Лувией положил всему конец, но всё это идеально вязалось с планами факультета политики — с целями той женщины, Адаино Хисири. Я до сих пор помнила те горечь и обиду, что отразились на лице моего учителя, когда он обнаружил, что всё время плясал под её дудку.

Но... в этот раз?

Было ли просто совпадением то, что Лорд Байрон приобрёл услуги Гранда, чтобы возместить потерю Золотой принцессы?

И было ли совпадением то, что Калина вознеслась даже выше Золотой принцессы после процедуры?

Учитель и Лувия замолкли.

Мне показалось, что откуда-то издалека до моих ушей донёсся смех.

В этот момент дверь в личную комнату моего учителя резко распахнулась.

— Профессор! Это правда, что Лувия здесь?!

Разумеется, светловолосым голубоглазым юношей, просунувшим голову в комнату, был не кто иной, как Флат.

— Ты!.. — судя по тому, как Лувия тотчас же вскочила на ноги, это была не первая их встреча.

Когда дворецкий небрежно поймал выроненное госпожой блюдо, юноша захлопал в ладони.

— Я слышал, что ты приедешь посмотреть на Часовую башню, так что просто должен был прийти и поздороваться! И да, ты решила присоединиться к классу Эль-Меллоев, верно? В таком случае я твой старшой, а сердечные приветствия есть основа человечества!

— Прежде всего, я не намерена позволять тебе так непочтительно относиться ко мне!

Несмотря на едкий тон Лувии, улыбка Флата даже не дрогнула, отчего девушка покраснела.

Возможно, Флат хорошо видел насквозь своих собеседников... но для меня подобные социальные ситуации были настолько непривычны, что я не могла сказать это наверняка. А, наверное, даже Гандр, которым она только что выстрелила, был лишь звеном в цепи под названием «общение».

— Флат! Да что с тобой не так?! Почему ты не можешь нормально поприветствовать новую ученицу в нашем классе?!

В этот раз крик принадлежал Свену.

На идеально ухоженном лице Свена не было ни следа от полученных ранений. Несмотря на то, что пострадал он примерно в той же степени, что и я, видимо, ему помогла звериная магия. После инцидента прошла неделя, а для полного восстановления ему потребовалось всего три дня.

Учитель нахмурил бровь.

— Народ...

— Нет, серьезно, я просто думал о нашей новой однокла... а, Грэй! А-а-а-ах, сегодня розовый! С щепоткой этого меланхоличного, квадратно-синего запаха...

Как только Свен впал в свой нюхательный экстатический транс, я инстинктивно спряталась за учителем.

От сильного запаха табачного дыма, поднимавшегося над его плечами, у меня на секунду закружилась голова.

— Я же сказал держаться подальше от Грэй, не так ли?

— Д-да, точно...

Услышав выговор от учителя, Свен опустил голову. Его вьющиеся пряди волос покачнулись, словно собачьи уши.

Пробудись
— Call !

— Начать вмешательство! Ха-ха, Лувия, не надо так волноваться!

Поскольку Флат вплёл арию в свою речь, конфликт между ним и Лувией продолжал накаляться.

Личная комната Лорда обладала внушительной мистической защитой, что было вполне разумно, да и Флат поднаторел в том, чтобы принимать на себя вражескую магию без всякого вреда для себя, поэтому ничего пока что не было уничтожено, но... если противником Лувии станет кто-нибудь с аналогичной натурой, то я не удивлюсь, когда весь класс, а то и пара аудиторий, перестанет существовать.

И посреди этого разгорающегося конфликта...

— Ну надо же, как здесь шумно сегодня.

В комнату спокойно вошла Райнес с довольной улыбкой на лице.

В ответном взгляде учителя, однако, радости было гораздо меньше.

— Раз так, буду благодарен, если ты их приструнишь.

— Тогда все перестанут тебя уважать. Будучи твоей скромной сестрой, я, разумеется, обязана защищать твоё достоинство на рабочем месте.

— Ты просто хочешь увидеть, как я страдаю, да?

— Эй, так быстро раскрывать правду довольно безвкусно, не так ли? — улыбнулась Райнес, которую совершенно не смутило собственное согласие с этим обвинением.

Наблюдая краем глаза за перепалкой между Лувией и Флатом - и Свеном, который тоже как-то умудрился ввязаться в это, - Райнес пересекла комнату в сопровождении Триммау и встала рядом со своим братом.

— Ты надеялся на решение получше, да?

— Странно поднимать эту тему сейчас, — ответил он и отвернулся.

Инцидент с башнями-близнецами.

Если отбросить в сторону очевидное преступление Майо, факт оставался фактом: Серебряная принцесса и её горничная пытались воспользоваться нами. Да, они лишь намеревались сбежать от Лорда Байрона, но для этого они попытались унижить семью Эль-Меллой и саму Райнес, и с этим сложно было поспорить.

Но более того...

Мой учитель ни за что бы не остался доволен ситуацией, в которой все проиграли.

Принятие логики мага не обязательно означает избавление от логики человека. Поскольку учитель надеялся усидеть на обоих этих стульях, страдал он в два раза больше, чем другие маги.

Вот что сказала Райнес, которая понимала это лучше, чем кто-либо.

Я просто проигнорирую то, что эти слова заставили её улыбнуться.

— Я сказал не называть меня «Ле Шьен»!

— Раз уж ты мой старший товарищ, может, по крайней мере, начнёшь вести себя, как подобает?!

— Ха-ха, ни за что! Ты не найдёшь старших лучше нас с Ле Шьеном! Так что, если у тебя есть вопросы по Часовой башне, можешь смело... ой, совсем забыл! Нужно рассказать Атраму, как улучшить его магию управления погодой!

Несмотря на размеры личной комнаты моего учителя, от всего этого шума она уже начала содрогаться.

Будто меланхоличная атмосфера, которую оставили последствия того инцидента, и не существовала вовсе – словно мы были посреди приятного сна.

— Хи-хи-хи-хи! Ты что, плачешь что ли?!

— Заткнись.

Я незаметно для всех дёрнула правой рукой и шагнула вперёд.

После того, как Райнес протяжно хмыкнула, тем самым выразив своё впечатление, учитель слегка наклонил голову вбок.

— Грэй?

— Как Ваша ученица, я сделаю им выговор, — сказала я и, всё ещё действуя из прихоти, встала между тремя спорщиками.

*

Осталось прояснить последнее.

На самом деле события после происшествия развивались следующим образом. Когда мы пришли в себя, Башня Луны была наполовину уничтожена.

Вместо того, чтобы выглядеть так, будто её сожрал монстр из «ящика», башня как будто просто решила сесть. В то, что мы выжили, было немного сложно поверить.

— Лорд Вальюэлета уже забрала Лорда Байрона, принцессу и остальных.

Глядя на ночное небо сквозь рухнувшие стены башни, я не сразу поняла, что сказала Райнес.

Несомненно, она объяснила, что Лорд Вальюэлета собрала членов своей фракции, чтобы разобраться с результатами этого инцидента. Сделать как минимум это было необходимо для выживания во фракционной борьбе Часовой башни.

— Реджина и Серебряная принцесса хотели поблагодарить тебя. Судя по всему, за спасение Майо.

— Вот... как.

Разумеется, я ощутила радость от того, что мне удалось кого-то спасти.

Но даже так во мне всё ещё оставалось неясное чувство пустоты. Исчезновение такой ■■■■■■■■■■, результата усилий бессчётных поколений, породило в моей груди ощущение потери, сравнимое с физической болью. Да, я узрела это лишь на мгновение, но мне всё равно казалось, что у них должно было быть более светлое будущее, что они должны были достичь более блестящей славы.

— Проклятье... Это полный провал, — раздался неподалёку голос Атрама, который скрипел зубами в явном разочаровании.

— Я рад, что Вы живы, — спокойно обратился к нему мой учитель.

— Разумеется, я жив! Только вот отдача от той защиты вышибла весь дух из моих элитных подчинённых.

Как бы то ни было, то, что он был совершенно невредим, многое говорило о его силе мага.

— Ха... Так тебе и надо, — прошептала Райнес.

Она не смогла полностью скрыть улыбку, искривившую её губы, и это доказывало, что она наслаждалась этим всем сердцем. Несмотря на то, что мы оказались на пределе физических возможностей, похоже, что наше самообладание страдало сильнее, чем наши тела.

— Что ж, неважно. Это мелочное состязание наконец-то закончилось. Настоящая битва ещё впереди, — сказал Атрам, развернувшись.

Одарив моего учителя тяжёлым взглядом, он продолжил:

— Как Вы сказали, липовый лист, который я искал, перестал существовать. Поскольку Ваша догадка была верна, это моя потеря. Но я в состоянии найти другую реликвию. У меня уже есть другой план. Может, предыдущий Лорд Эль-Меллой и относился к Войне за Святой Грааль, как к какой-то игре, но я...

— Позвольте предупредить Вас, сэр, — прервал его мой учитель.

Посмотрев прямо на Атрама, он коротко произнёс:

— Отнеситесь к Войне за Святой Грааль серьёзно.

Сколько чувств было вложено в эти слова? Атрам, который с самого начала смотрел на моего учителя свысока, на мгновение напрягся.

Словно вынуждая своё сердце снова начать биться, он глубоко вздохнул.

— Ну и ну, судя по всему, я задел за живое. Ха-ха, похоже, что не Вашему предшественнику, а именно Вам сопутствовала удача во время той Войны за Святой Грааль, да? Отрицать не стану, Вы проявили ум и смекалку, разобравшись с тем «ящиком», но Вам ни за что не удастся присоединиться к Пятой Войне за Святой Грааль. Ассоциация уже давным-давно определилась с участниками.

В голосе Атрама чувствовалась издёвка, которую нельзя было не заметить.

— Вы!..

— Всё нормально, Грэй, — остановил меня учитель, когда я шагнула вперёд. — Он прав. Как представитель Ассоциации магов, я не смогу принять участие в войне.

— Ха, похоже, что Вы хорошо осведомлены о своём положении.

— Однако это лишь значит «как представитель Ассоциации магов». Не беспокойтесь. Вам здесь больше нечего делать. Предлагаю Вам вернуться домой и начать готовиться как можно быстрее.

— Не хочу слышать это от Вас. Я вам всем покажу, Вам и остальным магам! Битва ещё не началась, а её исход уже предрешён.

Атрам с преувеличенными фанфарами поправил свой костюм, прежде чем повернуться к нам спиной.

— Ничего-ничего... — бормотал он, покидая развалины башни. — Раз уж не удалось раздобыть убийцу дракона, я просто возьму драконью владычицу. Только вот класс меня совсем не радует...

*

Сейчас этот смуглокожий маг, должно быть, готовился к своему следующему сражению.

Реджина и Серебряная принцесса, скорее всего, тоже были вовлечены в своеобразную битву.

Время идёт вперёд, а вместе с ним и наши жизни. Каким бы ни был инцидент, он никогда не заканчивался на самом деле. Явно или нет, последствия тех событий создали бесконечную цепную реакцию. Стоит бросить камень в озеро, и эта энергия будет распространяться по воде, даже когда рябь на её поверхности исчезнет.

Это было более чем очевидно.

Я не знала, как этот инцидент повлияет на множества людей, которые были в него вовлечены. Может быть, кто-нибудь вроде Лувии или моего учителя смог бы увидеть, что будет дальше, но даже им едва ли было по силам узреть всю картину целиком.

Какой же сложный гобелен создаёт время.

Завороженная этой мыслью, я закончила занятия и вернулась в личную комнату моего учителя.

По пути я внезапно вспомнила, что забыла взять свои приспособления для полировки обуви. В Часовой башне и нашем обычном месте в Пятне ещё оставалось немного, но их нужно было время от времени пополнять.

К счастью, как и в Пятне, здешняя комната была разделена на кабинет и прихожую, и поскольку для последней у меня был запасной ключ, я могла приходить и уходить в любое время.

«Я зашла слишком далеко?..»

Приструнив не так давно ту троицу, я всё ещё злилась на себя.

Может, они не так уж сильно мешали. Может, я просто заставила их ненавидеть себя без всякой на то причины.

В моей голове бушевала буря сожалений.

По крайней мере, разумом я понимала, что Флат и Свен на меня не обидятся, но это понимание ещё не достигло моего сердца.

И прежде чем ещё глубже погрузиться в мрачные мысли, мне нужно было выполнить свою задачу.

— Эм-м...

Открыв шкафчик для обуви, я нашла то, что искала.

Крема и пятновыводителя здесь ещё было в достатке, но щётку, которую мне дал мистер Кришна из общежития, можно было только выбросить, так что мне нужно было в ближайшее время где-нибудь достать новую. А ещё мне хотелось

разжиться новой тряпкой. Несмотря на то, что качество приспособлений не так уж сильно влияло на конечный результат, когда дело касалось полировки обуви, оно как минимум влияло на моё отношение к этому.

— Может, мне стоит найти себе подработку...

Я вспомнила, что в общежитии требовались работники.

Учитель, разумеется, давал мне достаточно денег на расходы, но мне показалось, что было бы не так уж неуместно потратить на эти новые припасы собственные заработанные деньги. Не то, чтобы я знала, насколько сильно его заботило то, чтобы я полировала его обувь.

Положив принадлежности обратно в бумажный пакет, я услышала звук, исходивший из комнаты.

«Учитель?..»

Обычно, к этому времени дня он уже возвращался в кампус факультета современной магии, но похоже, что сегодня он всё ещё был здесь.

Я приоткрыла дверь в его комнату.

В качестве оправдания я могла сказать, что вовсе не пыталась подслушивать.

Не успев окликнуть его, я увидела, как он, пробормотав короткую арию, повернул ключ в замке шкафа в дальней части комнаты. Похоже, что этот шкаф запирался как физически, так и магически.

Учитель достал из шкафа дубовый футляр, открыл его и извлёк содержимое.

С такого расстояния я не могла рассмотреть всё в деталях, но это, судя по всему, была какая-то древняя красная ткань.

«Это же?..»

Одно слово всплыло у меня в голове.

Реликвия. То, что мой учитель поставил на кон в разговоре с Атрамом.

Осторожно держа в руках этот кусок красной ткани, учитель смотрел на него с ужасно сложным выражением на лице.

Он не сжимал его. Он будто не решался делать что-либо, что оставит на ткани даже малейшую складку. Я видела лишь, как слабо дрожали его брови и губы, но для меня это был самый настоящий калейдоскоп эмоций.

Злость.

Горе.

Боль.

Счастье.

Печаль.

Привязанность.

— Мне кажется, что ты бы просто рассмеялся и снова назвал бы меня «пареньком», не так ли?

Как долго он стоял и смотрел на эту ткань, прежде чем эти слова сорвались с его губ?

Я инстинктивно развернулась и прижалась к стене. Прижав ладони ко рту, я отчаянно пыталась заглушить свой голос. В этот раз, прямо сейчас, я точно не

могла вмешиваться. Вот что я чувствовала. Я медленно сползла по стене и села на пол, всё ещё не отрывая ладоней от рта.

Только вот моё сердцебиение было слишком громким.

Мне казалось, что я только что увидела нечто очень важное. Словно я беспечно сунула свой нос туда, куда не следовало, и увидела чьё-то сокровище. Нет, не просто сокровище – скорее, я увидела его сердце, суть его естества.

Если это была реликвия, которой он воспользовался во время Четвёртой Войны за Святой Грааль...

Если это была причина, по которой он хотел принять участие в Пятой Войне за Святой Грааль...

Я негромко вздохнула.

«Надеюсь, они смогут встретиться вновь...»

Эта мысль отозвалась во мне болью.

С тех пор, как я прибыла в Лондон, это было, наверное, первое моё настоящее «желание».